Р 327/206

О СОСТОЯНІИ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(ТРЕТЬЯ КНИГА «ПУТЕШЕСТВІЯ» ОЛЕАРІЯ.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1656 ГОДА

А. МИХАЙЛОВА.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. Ленина
64578-34

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Адамъ Эльшлегеръ, извѣстный въ ученомъ мірѣ подъ Латинскимъ переводомъ своей Нѣмецкой фамиліи Olearius, родился въ Ашерлебенѣ, въ Саксоніи, въ 1599 году, отъ портнаго, по имени Марка, и, лишившись отца въ дѣтствѣ, выросъ въ бѣдности на попеченіяхъ матери и сестеръ, достававшихъ пропитаніе трудомъ. Не смотря на гнетущую бѣдность, молодой человѣкъ съ жаромъ принялся за ученіе, поступилъ въ Лейпцигскій университетъ и получилъ въ немъ степень магистра философіи, званіе ассессора философскаго факультета и члена ученаго общества. Въ 1633 году просвѣщенный и любознательный Голштинскій герцогъ Фридерикъ вознамѣрился отправить посольство въ Московію и Персію какъ для извѣданія этихъ полубаснословныхъ для тогдашней Европы странъ, такъ и для того, чтобъ завязать съ Персіею торговыя сношенія: въ то время придавали большое значеніе шелку, получаемому изъ Шемахи, находившейся подъ властію Персидскаго шаха, и думали, что тотъ, кто успѣетъ получать этотъ продуктъ изъ первыхъ рукъ, не только пріобрѣтетъ большія выгоды, но проложитъ себѣ путь къ управленію торговлею Европы съ востокомъ. Герцогъ искалъ ученаго человѣка, котораго можно было бы послать въ качествѣ описателя. Нѣкоторыя лица и Лейпцигскіе профессоры указали на Олеарія. Герцогъ назначилъ его секретаремъ посольства. Посланниками избраны были Филиппъ Крузіусъ и Отто Брюгманъ, впослѣдствіи, по возвращеніи изъ втораго путешествія, казненный своимъ государемъ. 22 октября 1633 г. они отправились изъ Любека моремъ и послѣ пятидневнаго плаванія прибыли въ Ригу, и оттуда черезъ Вольмаръ и Дерптъ сухопутьемъ въ Нарву. Зиму и весну провели они въ Остзейскомъ краѣ и поѣхали въ Московскія владѣнія уже лѣтомъ, вмѣстѣ съ Шведскимъ посольствомъ. Путь ихъ лежалъ черезъ Нотебургъ въ Ладогу,

оттуда въ Новгородъ, а изъ Новгорода, черезъ Торжокъ и Тверь, въ Москву, куда прибыли 14 августа 1639 года Царь принялъ посольство Голштинскаго герцога ласково и дозволилъ ему отправить черезъ свои владѣнія посольство въ Персію. Нужно было возвратиться домой и привезти эти извѣстія своему государю. 24 декабря Голштинцы выѣхали изъ Москвы и ѣхали обратно тѣмъ же путемъ.

На слѣдующій годъ герцогъ отправилъ въ другой разъ тѣ же лица посланниками вмѣстѣ съ Олеаріемъ и далъ имъ восемьдесятъ человѣкъ свиты. Съ ними поѣхалъ Павелъ Флеммингъ, молодой человѣкъ рѣдкихъ способностей, медикъ, философъ, поэтъ. Они сѣли на кораблѣ въ Любекѣ 22 октября и поплыли къ Ревелю, но у береговъ Гохланда претерпѣли отъ бури кораблекрушеніе и едва сами спаслись отъ смерти. Съ трудомъ, на рыбачьихъ лодкахъ, послы съ Олеаріемъ добрались до Ревеля, а остальная свита прибыла туда съ багажемъ, уцѣлѣвшимъ отъ потопленія во время погибели корабля, на Финскомъ суднѣ, которое, къ счастію ихъ, наткнулось случайно на Гохландъ. Послѣ двадцатидвухдневнаго несчастнаго странствованія по Балтійскимъ волнамъ, Голштинцы провели зиму въ Ревелѣ и выѣхали оттуда 6 марта. Проѣхавъ черезъ Ладогу, Новгородъ и Тверь, они достигли Москвы 27 марта, а 29 числа того же мѣсяца имѣли торжественный въѣздъ въ столицу Михаила Ѳедоровича, какъ слѣдовало сообразно нашимъ обычаямъ того времени, по случаю пріѣзда иностранныхъ пословъ. Пробывъ въ Москвѣ три мѣсяца, посольство отправилось по Москвѣ рѣкѣ внизъ, 1 іюля прибыло въ Коломну, а оттуда, слѣдуя по Окѣ, въ Нижній Новгородъ 11 числа того же мѣсяца. Въ Нижнемъ Новгородѣ оказалось нужнымъ пробыть три недѣли, въ ожиданіи постройки корабля, помѣстительнаго для экипажа и приспособленнаго къ плаванію по низовому руслу Волги и по Каспійскому морю. 30 іюля Голштинцы поплыли внизъ по Волгѣ; 15 сентября достигли Астрахани, а 10 октября отправились отсюда по Каспійскому морю въ Персію. Въ августѣ 1638 года, возвращаясь изъ Персіи, они снова явились въ Астрахани, отправились 7 сентября вверхъ по Волгѣ и прибыли въ Казань: тутъ пришлось ждать имъ пять недѣль зимняго пути; они выѣхали изъ Казани 13 декабря на саняхъ, 24 прибыли въ Нижній Новгородъ, а 2 генваря въ Москву, откуда отправились въ отечество 15 марта.

Слѣдствіемъ этого то путешествія было написанное Олеаріемъ сочиненіе, изданное въ первый разъ, сколько извѣстно, въ 1647 году подъ названіемъ: Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen durch M. Adamum Olearium Ascanium Saxonem fürstl. Schleswig-Holsteinischen Hoff Mathem. Schleswig. 1647 (*). Слова: offt begehrte, которыми начинается это заглавіе, показываютъ съ одной стороны, что, задолго до появленія его въ печати, оно было извѣстно до нѣкоторой степени и возбудило любопытство, а съ другой, что прежде не было его изданія. Аделунгъ, въ своемъ сочиненіи: Uebersicht der Reisenden in Russland, упоминаетъ о болѣе раннемъ изданіи, именно 1646 г., но едвали оно существовало на самомъ дѣлѣ: Аделунгъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что на заглавномъ, вшьетномъ листѣ изданія 1647 года было напечатано 1646, потомъ послѣдняя цифра 6 переправлена въ цифру 7; на другомъ же, слѣдующемъ за этимъ, заглавномъ листѣ напечатано безъ всякихъ переправокъ «1647». Вѣроятно, изданіе начиналось печататься или предполагалось къ напечатанію въ 1646 году и вшьетный листъ былъ отпечатанъ ранѣе самой книги, а потомъ, когда печатаніе окончилось въ слѣдующемъ 1647 году, оказалась необходимость переправить и цифру на вшьетномъ листѣ (**). Сочиненіе Аделунга наполнено ошибками и промахами: такъ, напримѣръ, въ краткомъ описаніи путешествія Олеарія онъ указываетъ время отъѣзда его изъ Москвы въ Персію 16 іюня 1636 г., тогда какъ грамота, данная на проѣздъ Голштинскому посольству, подписана 20 іюня. Второе изданіе, которымъ пользовался переводчикъ отрывка, помѣщаемаго въ «Архивѣ», вышло въ 1656 году подъ названіемъ: Vermehrte Newe Beschreibung der Moscowitischen und Persischen Reise so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandchaft an dem

(*) т. е. «Часто требованное описаніе новаго путешествія на востокъ, совершеннаго при посольствѣ, которое отправлено было къ Персидскому шаху, М. Адамомъ Олеаріемъ, Саксонцемъ, придворнымъ математикомъ герцога Шлезвиг-голштинскаго» 1647 г.

(**) Мнѣніе это сообщилъ мнѣ г. Берхгольцъ, спеціально занимающійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ библіографіею иностранныхъ сочиненій, относящихся до Россіи.

Russischen Zaar und König in Persien geschehen, welche zum andernmahl gibt Adam Olearius Ascanius, der fuerstlichen regierenden Herschaft zu Schleswig-Holstein Bibliothecarius und Hof-mathematicus. Schleswig. 1656 (*). За нимъ послѣдовали такія же изданія въ 1661 и 1663 годахъ. Послѣднее изданіе Олеарія въ подлинникѣ явилось въ 1696 году въ одной книгѣ съ путешествіемъ по востоку Іоганна Албрехта фон-Мандельсло, Юргенса Андерсена и Волькворта Иверсена, съ нѣкоторыми статьями, относящимися до исторіи и географіи востока и съ переводомъ отрывковъ восточной литературы. Путешествіе Олеарія носитъ названіе: des weltberühmten Adami Olearii colligirte und viel vermehrte Reisebeschreibung. Hamburg. 1696. Всѣ эти изданія можно видѣть въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Первое изданіе раздѣлено на два путешествія. Описанія ихъ не равны между собою по объему. Второе (а за нимъ и послѣдующія) заключаетъ шесть книгъ. Свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи, находятся:

1) въ первой книгѣ, гдѣ описывается путь отъ предѣловъ Лифляндіи до Москвы, встрѣча посольства въ Москвѣ, аудіенція у царя и нѣсколько религіозныхъ церемоній, видѣнныхъ авторомъ въ Москвѣ, именно: праздникъ новаго лѣта 1 сентября, Покрова пресв. Богородицы и 22 октября иконы Казанскія Богоматери;

2) во второй книгѣ, гдѣ находится второе путешествіе отъ предѣловъ Лифляндіи до Москвы, встрѣча посольства и описаніе Кремля и остальной Москвы;

3) въ третьей книгѣ, которая заключаетъ въ себѣ 191 страницу (142—333); она вся исключительно посвящена Московіи, носитъ заглавіе: Newen persianischen Reise Beschreibung handelt von Russland und dessen Einwohnern (**) и содержитъ описаніе администраціи, церкви, финансовъ, обычаевъ, обрядовъ, домашняго образа жизни, однимъ словомъ всего, что входитъ въ кругъ, опредѣляющій внут-

---

(*) т. е. «Дополненное новое путешествіе въ Московію и Персію, совершенное при Голстинскомъ посольствѣ, отправленномъ къ Русскому царю и Персидскому шаху, вторично издаваемое Адамомъ Олеаріемъ, библіотекаремъ и придворнымъ математикомъ нынѣшняго герцогскаго Шлезвиг-Голштинскаго Дома. Шлезвигъ. 1656 г.»

(**) «т. е. (третья книга) описанія новаго путешествія въ Персію—трактуетъ о Россіи и ея жителяхъ».

ренній бытъ государства и народа и сверхъ того различныя событія, изъ которыхъ относящіяся къ царствованію Алексѣя Михайловича помѣщены во второмъ и послѣдующихъ изданіяхъ, а въ первое не вошли;

4) въ четвертой книгѣ, гдѣ описанъ путь отъ Москвы до Астрахани;

5) въ шестой, гдѣ изображенъ обратный путь изъ Персіи по Волгѣ, пребываніе въ Москвѣ и отъѣздъ въ отечество.

Олеарій принадлежитъ къ первокласснымъ источникамъ для уразумѣнія внутренняго быта Московскаго государства и народа. Одаренный проницательностію, умѣньемъ во множествѣ явленій схватить важнѣйшія и знаменательнѣйшія и представить ихъ въ натуральной ихъ взаимной связи, онъ отличается просвѣщеннымъ взглядомъ, занимательностію описаній и добросовѣстностію; если же гдѣ нибудь и попадаетъ въ ошибки, то никакъ неумышленно. Для иностранцевъ, посѣщавшихъ послѣ него Московію, онъ служилъ ручною книгою, и потому то всѣ они смотрѣли на предметъ по указанію Олеарія, а нѣкоторые, какъ наприм. Стрюйсъ (Страусъ), копировали цѣликомъ изъ него мѣста и выдавали за свое.

Кромѣ описаній, путешествіе Олеарія драгоцѣнно еще и по тѣмъ рисункамъ, которые включены у него въ текстъ. Сюда принадлежатъ: виды нѣкоторыхъ городовъ: Ладоги, Новгорода, Торжка, Твери, Москвы, Коломны, Касимова, Мурома, Нижняго Новгорода, Кузьмодемьянска, Казани, Тетюшъ, Самары, Саратова, Царицына, Чернаго Яра, Астрахани; если эти рисунки неудовлетворительны по общности чертъ и по неискуству гравюры, по крайней мѣрѣ изъ нѣкоторыхъ видно, что путешественникъ снималъ свои виды съ натуры, чему доказательствомъ служитъ сохраненіе колоритовъ мѣстности. Кромѣ рисунковъ городовъ, у Олеарія есть двѣ карты: Балтійскаго побережья и Волги и планъ Москвы. Еще болѣе возбуждаютъ къ себѣ вниманія включенныя тамъ и сямъ въ текстъ виньеты и картины съ изображеніями зданій, религіозныхъ процессій, одежды, какъ русскихъ всѣхъ сословій, такъ и народовъ, жившихъ подъ властію Московскаго царя, и нѣкоторыхъ сценъ домашней жизни, напр. крещенія дѣтей, свадебнаго пира, погребенія, игры скомороховъ, качели, и проч.

По возвращеніи своемъ изъ Персіи, Олеарій былъ приглашаемъ

царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ остаться у него придворнымъ астрономомъ и землевѣдомъ; но онъ увидѣлъ, что въ Москвѣ составили бы о немъ мнѣніе какъ о волшебникѣ и уѣхалъ въ Германію. Въ 1643 году онъ еще разъ былъ въ Москвѣ при посольствѣ и опять просили его тамъ остаться, и снова Олеарій не захотѣлъ, увидя, что его ученыя занятія навлекутъ на него подозрѣніе въ чародѣйствѣ. Онъ остался при Голштинскомъ дворѣ придворнымъ математикомъ и археологомъ, пользовался въ Германіи всеобщимъ уваженіемъ, написалъ много ученыхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній и скончался на семьдесятъ второмъ году отъ рожденія, въ 1671 г. Другъ его, путешествовавшій съ нимъ нѣкогда въ Московію и Персію, поэтъ Павелъ Флеммингъ скончался тотчасъ по прибытіи на родину изъ Московско-персидскаго путешествія, оставивъ по себѣ громкую извѣстность въ исторіи отечественной литературы.

Желательно было бы, чтобъ въ настоящее время кто нибудь подарилъ публику полнымъ переводомъ всего путешествія Олеарія; оно было бы вообще интересно для образованныхъ читателей не только по свѣдѣніямъ, объясняющимъ нашъ допетровскій бытъ, но и по тѣмъ, которыя относятся къ Персіи.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

О СОСТОЯНІИ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Русскомъ Государствѣ, областяхъ его, рѣкахъ и городахъ.

Пространство россіи въ длину и ширину.—Владиміръ.—Рѣки въ Россіи.—Истоки рѣкъ.—Городъ Москва.—Деревянные дома.—Частые пожары.—Части города.—Церкви въ Кремлѣ.—Колокольня (Хитти) Ивана Великаго и большой колоколъ.—Церковь Іерусалимъ.—Большой рынокъ.—Женскій рынокъ.—Обыкновенные рынки.—Вшивый рынокъ.—Царь-городъ.—Скородомъ.—Стрѣлецкая слобода.—Городъ Архангельскъ.—Большая пошлина въ Архангельскѣ.

Россія, или Бѣлая Русь, какъ называютъ ее нѣкоторые, именуемая также вообще Московіею отъ города Москвы, главнаго города, лежащаго въ срединѣ этой земли, обнимаетъ собою самые крайніе предѣлы Европы, граничащіе съ Азіею. Въ длину она простирается на 30°, или 450 нѣм. миль; въ ширину же на 16°, или 150 нѣм. миль. На сѣверъ, или полночь, чрезъ арктическій кругъ, простирается она до Ледовитаго моря (принимая въ соображеніе тѣ земли, которыя находятся подъ властію нынѣшняго царя, или Московскаго великаго князя); на востокъ или утро—до большой рѣки Оби, до земли Нагайскихъ Татаръ и тутъ заканчивается; на югъ, или полдень—до земли Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ; на западъ, или вечеръ—до Литвы, Польши и Швеціи, сосѣдственныхъ Россіи земель.

Русское царство раздѣлялось на множество различныхъ Княжествъ или областей, изъ которыхъ большая часть управлялась князьями съ титуломъ великихъ. Изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ и славнѣйшимъ было великое княжество (много времени тому назадъ)

Володимірское или Владимірское (Wolodimer, oder Wladimer), какъ оно теперь называется; лежитъ оно между рѣками Окою и Волгою, гдѣ и теперь можно видѣть старый городъ съ крѣпостью того же имени, основанный великимъ княземъ Владиміромъ въ 928 году по Рожд. Христ. и бывшій резиденціею какъ его, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ князей, до тѣхъ поръ, пока великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита (Danilow Michaelowitz) не перенесъ оттуда своего главнаго мѣстопребыванія въ Москву.

Прочія княжества тоже имѣли прежде своихъ князей и владѣтелей, которые управляли ими, но потомъ всѣ вошли въ составъ великаго княжества Московскаго при царѣ Иванѣ Васильевичѣ (Грозномъ).

По землямъ и областямъ этимъ протекаютъ рѣки, отличающіяся своею длиною и судоходствомъ; сказать по правдѣ, еще нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не встрѣчалъ я подобныхъ рѣкъ. Самая замѣчательная изъ нихъ называется Волгою (Wolga), которая, какъ мы измѣрили, отъ Нижняго Новгорода до впаденія ея въ Каспійское море, простирается на 500 нѣм. миль; кромѣ того, образуемый ею изгибъ, отъ истока до Нижняго, простирается еще на 100 нѣм. миль. Днѣпръ (Neper), или Борисѳенъ, также большая рѣка, отдѣляетъ Россію отъ Литвы и впадаетъ въ Понтъ Эвксинскій, или Черное море; равнымъ образомъ замѣчательна и рѣка Двина (Dwina), впадающая при Архангельскѣ въ Бѣлое море. Ока и Москва (Oka und Muske), также довольно замѣчательныя рѣки, хотя гораздо меньше вышеупомянутыхъ; я умалчиваю здѣсь о многихъ незначительныхъ рѣчкахъ, которыя доставляютъ жителямъ большое удобство, какъ въ производствѣ торговли, такъ и въ продовольствіи, по своимъ богатымъ рыбнымъ промысламъ.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что всѣ исчисленныя рѣки, противъ обыкновенія, берутъ свое начало не изъ горъ или скалъ (которыхъ не видать во всемъ великомъ княжествѣ), но изъ большихъ озеръ и песчаныхъ мѣстъ.

Въ Россіи находятся довольно большіе и, по понятіямъ Русскихъ, отличные города, изъ коихъ самые замѣчательные: Москва (Muskau), Великій Новгородъ (Groß Naugard), Нижній Новгородъ (Nieder Neugard), Псковъ (Pleskau), Смоленскъ (Smolensko) (этотъ городъ сначала принадлежалъ Литвѣ и Польскому королю, о чемъ можно

читать въ Московской хроникѣ Петрея; въ 1514 г. по Р. Хр. взятъ Москвитянами, въ 1611 году снова былъ осаждаемъ царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, но безуспѣшно; только въ прошедшемъ 1654 году возвращенъ великому князю), Архангельскъ (Archangel), большой приморскій городъ, притомъ торговый, Тверь (Twern), Торжокъ (Torſok), Рязань (Reſan), Тула (Tula), Калуга (Cologa), Ростовъ (Roſtow), Переяславль (Pereßla), Ярославль (Jareßla), Угличь (Uglitz), Вологда (Wolochda), Владиміръ (Wladimer), Старая Русса (Stara Ruſſa), отъ которой, какъ нѣкоторые думаютъ, Русскіе получили свое наименованіе.

Это самые замѣчательные города въ Россіи; кромѣ того, въ ней находится много небольшихъ городовъ, мѣстечекъ и безчисленное множество деревень.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, и довольно во многихъ, есть крѣпости (Schlöſſer—кремль), но бо́льшей части деревянныя, подобно самимъ городамъ, выведенныя изъ складенныхъ крестъ на крестъ бревенъ, почему легко и скоро сгараютъ въ пожарахъ.

Кромѣ того, въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. у Казанскихъ, Астраханскихъ и другихъ подчиненныхъ Великому Князю Татаръ, встрѣчаются отличные города, но такъ какъ они собственно не входятъ въ составъ Россіи, то я опишу ихъ въ будущемъ моемъ путешествіи.

Что же касается до Москвы, столицы и главнаго города всего великаго княжества, то она заслуживаетъ подробнѣйшаго описанія.

Москва получила названіе свое отъ рѣки Москвы, которая течетъ въ южной части города и проходитъ вдоль Красной Стѣны. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, будто бы онъ отъ кого то слышалъ, что высота полюса надъ горизонтомъ Москвы равняется 58°; самъ онъ съ помощію своей астролябіи нашелъ 9-го іюня по полудни высоту солнца въ 58°. Считая по новому календарю, солнце находилось въ этотъ день въ 18° зодіака и имѣло слѣд. 23° склоненія, что́ если вычесть изъ высоты солнца, то получится высота экватора, равняющаяся 35°. Если же возьмемъ такое число градусовъ только изъ цѣлаго квадранта 90°, то остается еще 55°, а не 50°, какъ вышло у Герберштейна при исчисленіи во взятой имъ высотѣ. Если даже будемъ считать по старому календарю, то все таки его мнѣніе будетъ несправедливо.

Я же, послѣ неоднократныхъ наблюденій, нашелъ, что высота полюса Москвы равняется 55° 36′ широты (въ первомъ изданіи, по ошибкѣ типографщика, поставлено 56° вмѣсто 55°), а длина 66°, сколько я могъ узнать по времени луны и по меридіану.

Городъ лежитъ въ самой срединѣ, какъ бы въ центрѣ страны. Москвитяне полагаютъ, что онъ отстоитъ отъ границъ со всѣхъ сторонъ на 120 миль, но нужно замѣтить, что мили не во всѣхъ мѣстахъ одинаковы. Въ окружности городъ имѣетъ почти 3 нѣм. мили, но прежде, должно быть, былъ вдвое больше. Matthias a Michovia говоритъ, что Москва въ его время была вдвое болѣе Флоренціи, что̀ въ Тосканѣ, или Праги въ Богеміи. Въ 1571 г. во время вторженія Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и вторично, во время господства Поляковъ, въ 1611 г. Москва выгарала до самаго Кремля (Schloß), о чемъ можно читать у *Гельмольда* въ его *Славянской Хроникѣ* (Helmoldus in Chronica Slavonica), у *Хитрея* въ его *Саксонской Исторіи* подъ тѣмъ же годомъ (Chitraeus), у *Петрея* въ его *Московской Хроникѣ* на стр. 40 и у *Меттерани* (Metteranus), да и сами Русскіе подтверждаютъ это. Объ окружности же города въ настоящее время, со всѣми прилежащими къ нему валами и бастіонами, читатель уже имѣетъ понятіе. Говорятъ, что еще теперь можно насчитать до 40,000 пожарищъ.

Жилые дома въ городѣ (за исключеніемъ жилищъ вельможъ и нѣкоторыхъ богатыхъ купцевъ изъ Нѣмцевъ, у которыхъ есть каменныя палаты) выстроены изъ сосновыхъ и еловыхъ бревенъ, положенныхъ на̀ крестъ одно на другое. Крыши домовъ покрываются тёсомъ (Schiebeln-Bretten), поверхъ котораго накладываются березовыя деревья, а иногда и дернъ, что много способствуетъ частымъ пожарамъ. Не проходитъ мѣсяца и недѣли, чтобы, при сильномъ поднявшемся вѣтрѣ, не сгарало нѣсколькихъ домовъ; иногда цѣлыя улицы превращаются въ пепелъ. Во время нашего пребыванія, случалось иногда видѣть ночью огонь въ трехъ, четырехъ мѣстахъ; незадолго до нашего пріѣзда выгорѣла треть города, что повторилось опять за четыре года до настоящаго времени. При подобныхъ несчастіяхъ, обыкновенно посылаютъ стрѣльцовъ и особаго рода стражу, которые должны препятствовать распространенію огня; пожаръ никогда не тушатъ водою, но срываютъ стоящія вблизи огня строенія, для того

что бы, потерявъ свою силу, онъ потухъ самъ собою. Для этого каждый солдатъ и ночной стражъ долженъ носить при себѣ топоръ.

Для предохраненія отъ огня каменныхъ домовъ, а равно и крышъ, дѣлаютъ въ нихъ небольшія окна; во время пожара, которому подвергается какой либо изъ сосѣднихъ домовъ, окна эти закрываются желѣзными или жестяными ставнями.

При такихъ частыхъ пожарахъ, тѣ, которые теряли въ нихъ дома свои, въ скоромъ времени снова поселялись въ новыхъ, такъ какъ у Русскихъ, за Бѣлой Стѣной, находится рынокъ, гдѣ можно видѣть дома совсѣмъ готовые, частью сложенные, частью разобранные; эти-то дома покупаются, съ весьма небольшими издержками свозятся на мѣсто, и тутъ уже устанавливаются.

Весь городъ раздѣляется на четыре части, или главные округа (Haupt Kreiſe). Первый носитъ имя *Китай города* (Kitaigorod) и занимаетъ самую средину города; онъ окруженъ толстою каменною стѣною, которая называется *Красною стѣною* (Crasna Stenna). Въ южной части своей, какъ выше уже сказано, онъ замыкается рѣкою Москвою, а въ сѣверной рѣкою Неглинною (Neglina), соединяющейся въ западной части Кремля съ Москвою. Почти половина этого округа занимается великокняжескимъ Кремлемъ (Schloß Krämelina); по величинѣ своей и пространству, будетъ онъ съ порядочный городъ, окруженъ тремя стѣнами и глубокимъ рвомъ, и сверхъ того вооруженъ хорошими орудіями и снабженъ достаточнымъ числомъ солдатъ. Внутри помѣщается много великолѣпныхъ каменныхъ зданій, дворцовъ и церквей, обитаемыхъ и посѣщаемыхъ великимъ княземъ, патріархомъ и нѣкоторыми знатнѣйшими вельможами. Прежній великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, бывшій еще въ живыхъ во время нашего пребыванія въ Москвѣ, повелѣлъ выстроить хорошія каменныя палаты (Gemächer), а для сына своего, нынѣшняго великаго князя, приказалъ построить великолѣпный дворецъ на итальянскій манеръ; самъ же онъ, ради здоровья, охотнѣе жилъ въ деревянныхъ покояхъ. Нынѣшній патріархъ также выстроилъ себѣ прекрасный дворецъ, въ великолѣпіи почти ни въ чемъ не уступающій великокняжескому.

Кромѣ двухъ монастырей, въ которыхъ живутъ монахи и монахини, въ Кремлѣ находится до 30 каменныхъ церквей; изъ нихъ, большихъ и замѣчательныхъ четыре: церковь *Св. Троицы*,

Св. Маріи, Св. Михаила (въ которой погребаются Великіе Князья) и *Св. Николая;* изъ нихъ у одной, въ лѣвой сторонѣ (мимо которой мы проходили на аудіенцію) находятся большія створчатыя двери, обитыя толстыми серебряными листами.

Церкви эти, равно какъ и прочія каменныя во всемъ Государствѣ, строются съ 5 бѣлыми главами (Thürme), на вершинахъ коихъ находятся тройные кресты. Въ Кремлѣ же главы эти обиты гладкою, густо вызолоченною жестью; жесть эта, при солнечномъ сіяніи, блеститъ чрезвычайно ярко, что придаетъ городу прекрасный видъ; такъ нѣкоторые изъ нашихъ, при въѣздѣ въ городъ, говорили: «извнѣ городъ кажется Іерусалимомъ, внутри же Виѳлеемомъ».

Въ самой срединѣ Кремля стоитъ очень высокая колокольня, называемая *Иваномъ Великимъ* (Iwan Welike, das iſt Groß-Hans); глава ея обита позолоченною жестью. На колокольнѣ этой очень много колоколовъ. Подлѣ нея стоитъ другая большая колокольня, на которой виситъ огромный колоколъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ: колоколъ этотъ вылитъ въ царствованіе Бориса Годунова. Звонятъ въ него только въ торжественныхъ случаяхъ, или по праздникамъ (Braſnik), во время встрѣчи знаменитыхъ посланниковъ, или при шествіи ихъ на торжественную аудіенцію; для этого употребляется болѣе чѣмъ 24 человѣка: всѣ они стоятъ внизу на площади и звонятъ, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двумъ канатамъ, идущимъ внизъ по обѣимъ сторонамъ колокольни. При всемъ томъ, въ колоколъ этотъ звонить нужно очень осторожно, такъ какъ колокольня шатается, а чтобы предотвратить ее отъ паденія, нѣсколько человѣкъ стоятъ на верху у самаго колокола и приводятъ въ движеніе его языкъ.

Въ Кремлѣ же находятся великокняжескія казнохранилища, провіантскіе и пороховые магазины.

Внѣ Кремля, въ округѣ Китай-городъ, по правую руку отъ Кремлевскихъ воротъ, стоитъ весьма искусно выстроенная церковь Св. Троицы, архитектору которой, при окончаніи работы, Грозный (царь Иванъ Васильевичъ) приказалъ выколоть глаза, для того чтобы онъ ничего подобнаго не могъ болѣе сдѣлать. Недалеко отъ этой церкви находится площадь; здѣсь лежатъ два огромныхъ куска металла, прямо противъ большой улицы, изъ которой Татары обы-

кновенно нападали на Кремль. Предъ Кремлемъ расположенъ самый большой и лучшій въ цѣломъ городѣ рынокъ; здѣсь въ продолженіи цѣлаго дня можно видѣть толпы продавцевъ, состоящія изъ мужчинъ и женщинъ, рабовъ и праздношатающихся. Недалеко отъ площади, женщины имѣютъ свой особенный рынокъ съ лавочками, въ которыхъ продаютъ полотно; нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, стоя, продаютъ, между прочими мелкими товарами, кольца съ бирюзовыми вставками; кольца эти держатъ онѣ во рту и униженно просятъ, какъ случилось мнѣ самому слышать, купить у нихъ что нибудь.

На рынкахъ же и на прилегающихъ къ нимъ улицахъ, для разныхъ предметовъ торговли и промышленности, устраиваются особенныя лавки, такъ что въ одномъ ряду лавокъ продаются только извѣстнаго рода товары. Тутъ можно найти и продавцевъ шелку, суконщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, сѣдельныхъ продавцевъ, сапожниковъ, портныхъ, корзинщиковъ (Körbner?), шапошныхъ мастеровъ и многихъ другихъ; у всѣхъ ихъ есть свои особенныя улицы, на которыхъ они продаютъ свои товары. Подобное распредѣленіе лавокъ весьма удобно, ибо всякій идетъ куда ему нужно и получаетъ необходимый для него товаръ. Недалеко также отъ Кремля, по правую отъ него руку, въ одной изъ улицъ помѣщается Божій рынокъ (Götter Markt), гдѣ продаются св. иконы; по словамъ Русскихъ, здѣсь производится не продажа, а мѣна иконъ на деньги, на тотъ конецъ, чтобы избѣжать могущаго произойти при этомъ большаго торгашества.

Направо отъ этого рынка, если пойдешь отъ Посольскаго Двора въ Кремль, встрѣтишь особенное мѣсто, гдѣ Русскіе, при хорошей погодѣ, подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутъ себѣ волосы. Рынокъ этотъ, какъ они называютъ его *вшивый*, до такой степени устланъ волосами, что идешь по немъ какъ бы по мягкой подушкѣ.

Въ Кремлѣ живутъ также знатные гости (Gosen) или купцы и также нѣкоторые изъ Московскихъ князей.

Другой округъ, называемый *Царь-городомъ* (Zaargotob—Königsstadt) расположенъ въ видѣ половины луны; онъ окруженъ крѣпкою каменною стѣною, называемою *Бѣлою стѣною* (Biela Steena). По срединѣ его протекаетъ рѣчка *Неглина*. Въ этомъ округѣ живутъ многіе вельможи, князья Московскіе, дѣти боярскіе (Sinbojaren)

или люди благородныхъ сословій, знаменитые граждане и купцы, торгующіе въ разныхъ мѣстахъ Государства; здѣсь проживаютъ и ремесленники, въ особенности же много булочниковъ. Тутъ же можно найти лавки, въ которыхъ продаютъ медъ и вино, мясныя прилавки, скотный рынокъ и кабаки, гдѣ продаются пиво, медъ и водка. Въ этомъ округѣ помѣщаются конюшни его царскаго величества, а также Литейный Дворъ, находящійся на мѣстѣ, называемомъ у Русскихъ *Поганымъ прудомъ* (Poggana Brut), на рѣчкѣ *Неглинѣ*; на *Литейномъ Дворѣ этомъ* выливается много пушекъ и колоколовъ. Въ недавнее время жилъ въ Москвѣ искусный мастеръ, по имени *Иванъ Фалькенъ* (Hans Falken), отъ котораго нѣкоторые изъ Русскихъ ремесленниковъ, по одной только наглядкѣ, довольно порядочно выучились сами отливать различныя вещи. Онъ обладалъ удивительнымъ искусствомъ отливать такія пушки, что изъ нихъ безопасно можно было стрѣлять 26-ти фунтовымъ ядромъ при 25 ф. пороху; этимъ самымъ онъ такъ прославился въ Голландіи, что о немъ упоминается у Меттерана.

Третья часть города называется *Скородомъ* (Skorodom-Skodorom). Она образуетъ собою самый внѣшній предѣлъ города, распространяясь на сѣверъ, востокъ и западъ около Царь-города. Эта часть города, послѣ опустошенія ея Татарами, говорятъ, имѣла въ окружности до 35 верстъ или пяти нѣм. миль; здѣсь протекаетъ рѣчка *Яуза* (Jaufa) и впадаетъ въ рѣку Москву. Въ этой же части города находятся дровяные и домовые рынки, гдѣ можно купить домъ и, въ продолженіи одного дня, построить его въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ бревна, уже совершенно готовыя, пригнанныя другъ къ другу и сложенныя, слѣдуетъ только проконопатить мохомъ.

Четвертая часть города называется *Стрѣлецкою слободою* (Streliſa Slawoda); лежитъ она въ южной части города за рѣчкою *Московскою* и обращена къ татарской землѣ, будучи окружена досчатымъ заборомъ и деревянными бастіонами. Эта часть города выстроена была великимъ княземъ Василіемъ, отцемъ Грознаго (Ивана Васильевича), назначена для поселенія въ ней иноземныхъ солдатъ, какъ-то: Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, и названа *Налейки* (Naleiki,—die Sauſſtadt). У Чеховъ *nali* означаетъ *налей* (ſchenke ein). Это названіе произошло отъ того, что иностранцы, проживающіе въ Москвѣ, гораздо больше предаются пьянству, и нельзя сказать,

чтобы это было ихъ природнымъ порокомъ, но происходитъ единственно отъ свободы пить и отъ дурнаго примѣра, который они видятъ въ Русскихъ, предающихся пьянству только въ нѣкоторые большіе праздники; весьма естественно, что иностранцы не могли жить совершенно одни за рѣкою и не входить ни въ какія сношенія съ Русскими. Объ этомъ можно читать у Герберштейна въ его *Commentaria rerum Moscowitarum* на стр. 46 и у Гваньини. Въ настоящее время въ этой части города живутъ стрѣльцы, состоящіе на службѣ у великаго князя, и простой народъ.

За стѣною Москвы и внутри ея находится множество церквей, монастырей и часовень. Въ первомъ изданіи я упомянулъ, что число ихъ простирается до 1500; число это показалось удивительнымъ и почти невѣроятнымъ *Іоахиму Людвигу Готфриду* (Joachim Ludwig Gottfrieden) въ его *Archontologia Cosmica* на стр. 467); а теперь я могу сказать, что число это незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, о которомъ я узналъ по вѣрнымъ извѣстіямъ отъ нѣкоторыхъ нашихъ гражданъ, давно уже проживающихъ въ Москвѣ, а частію отъ самихъ Москвитянъ, пріѣзжавшихъ къ намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ за своимъ ложнымъ царемъ Шуйскимъ (Zuski); эти послѣдніе провели у насъ въ Голштиніи нѣсколько времени, въ продолженіи котораго я бесѣдовалъ съ ними почти каждый день: они то сообщили мнѣ, что въ Москвѣ насчитываютъ до 2000 церквей, монастырей и часовень.

Почти у каждаго пятаго дома можно встрѣтить часовню. Въ настоящее время каждый богатый вельможа строитъ себѣ часовню, имѣетъ собственнаго священника, содержитъ его на свой счетъ, и потому одинъ только со своими родственниками слушаетъ Божественную службу. По повелѣнію нынѣшняго патріарха, часовни должны строиться изъ камня, по причинѣ частыхъ пожаровъ, случающихся въ часовняхъ деревянныхъ; нѣкоторыя изъ такихъ часовень внутри вышиною не болѣе 15 футовъ. На этотъ разъ, того, что сказано мною о Москвѣ, кажется, будетъ довольно.

Такъ какъ городъ Архангельскъ замѣчателенъ по своей торговлѣ, и о немъ, сколько я знаю, нигдѣ не было писано, то я постараюсь здѣсь сказать о немъ что нибудь.

На географической картѣ городъ этотъ (что можно найти въ любомъ Атласѣ) называется *Св. Михаило-Архангельскомъ* (st.

Michael Archangel), Русскими же просто *Архангельскомъ;* онъ лежитъ въ глубокомъ сѣверѣ, въ землѣ Двинской, на рѣкѣ того же имени и почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, раздѣляясь, протекаетъ вдоль острова *Пудожемскаго* (Padesemski) и вливается въ Бѣлое море.

Городъ и входъ въ него съ моря устроенъ еще недавно; прежде корабли останавливались въ лѣвомъ рукавѣ Двины, у монастыря *Св. Николая* (отъ котораго мѣсто это называлось гаванью Св. Николая, что можно видѣть у Петрея на стр. 65); но такъ какъ отъ постоянно наносимаго песку устье рѣки на лѣвомъ берегу становилось все мельче и мельче, а на правомъ глубже, то на этомъ мѣстѣ, какъ болѣе удобномъ для судоходства, и выстроили городъ.

Городъ самъ по себѣ невеликъ, но замѣчателенъ по производимой тамъ морской торговлѣ и значительной населенности купечества. Почти каждый годъ приходятъ туда съ разными товарами корабли Голландскіе, Англійскіе и Гамбургскіе; къ этому же времени съѣзжаются сюда купцы со всего Государства, Нѣмцы въ особенности, и зимою на саняхъ отправляются домой обратно съ своими товарами.

Нынѣшній великій князь наложилъ большую пошлину на товары, привозимые въ этотъ городъ; пошлины собираются живущими тамъ воеводами. Такъ какъ подобная пошлина для купечества довольно тяжела, да притомъ и Шведскій король также беретъ 28 съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Лифляндію и Нарву, то можно полагать, что въ Архангельскѣ торговля упадетъ, и чрезъ Лифляндію обратится въ Балтійское море, куда путь болѣе безопасенъ.

Недалеко отъ Архангельска на Бѣломъ морѣ въ одномъ изъ заливовъ или губъ (Zuwig) находятся три острова, лежащіе въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи; самый большой изъ нихъ называется *Соловецкимъ* (Solofka), другой *Анзерскимъ* (Anzer), третій *Козьимъ* (Cosowa). На островѣ (ostro) Соловецкомъ стоитъ монастырь, въ которомъ погребенъ одинъ изъ Русскихъ Святыхъ. По совѣту и желанію патріарха, великій князь, годъ тому назадъ, *приказалъ вырыть его изъ земли и привезти* въ Москву, о чемъ много было въ то время толковъ. Нѣкоторые говорятъ, будто бы прежніе великіе Русскіе князья хранили на островѣ этомъ огромныя сокровища, такъ какъ онъ довольно высокъ и скалистъ, что

препятствуетъ свободному и легкому къ нему доступу. Отъ одного хорошаго моего пріятеля я получилъ чертежъ, на которомъ можно видѣть положеніе этого мѣста и подъѣздъ къ нему съ моря; человѣкъ этотъ ѣздилъ туда нѣсколько разъ и хорошо знаетъ тамошнія мѣста, почему чертежъ его я и прилагаю здѣсь любознательнымъ читателямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О качествѣ воздуха, климатѣ, свойствахъ земли, растеніяхъ и садахъ.

Большая моровая язва въ Москвѣ.—Большіе морозы.—Скорость бѣга русскихъ лошадей.—Сильные жары.—Плодородіе земли.—Плодородіе Нигерманландіи.—Хорошіе плоды въ Москвѣ.—Овощи.—Бораницы.—Травы и цвѣты.—Множество дичи.—Множество дикихъ звѣрей.—Слюда.—Рудники въ Россіи.—Золотые прииски.—

Воздухъ, климатъ и свойства земли неодинаковы въ великомъ княжествѣ Русскомъ, такъ какъ многія области, входящія въ составъ его, лежатъ на большомъ другъ отъ друга разстояніи и притомъ въ различныхъ климатахъ. Что же касается до Московскаго княжества и пограничныхъ съ нимъ земель, то въ нихъ постоянно воздухъ свѣжъ и здоровъ, почему не слыхать здѣсь о заразительныхъ болѣзняхъ и большой смертности людей, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ писатели и говорятъ сами Русскіе; о такихъ болѣзняхъ толкуютъ только старые люди. Весьма удивительнымъ, послѣ этого, кажется, почему въ 1654 г., во время войны съ Польшею за Смоленскъ, въ Москвѣ открылась моровая язва, продолжавшаяся очень долго и притомъ въ такой сильной степени, что люди, выходя изъ дому совершенно здоровыми, падали и умирали на улицѣ. Поэтому запрещенъ былъ тогда и самый въѣздъ въ Москву.

Зимою въ Россіи стоятъ такіе сильные морозы, что отъ нихъ едва можно укрыться. У Русскихъ не считается за рѣдкость, если кто либо изъ нихъ отморозитъ себѣ носъ, уши, руки или ноги. Во время перваго нашего пребыванія въ Москвѣ въ 1634 г. была

столь жестокая зима, что на площади, предъ Кремлемъ, земля треснула на 20 саженъ въ длину и на ¼ аршина въ ширину; никто изъ насъ не осмѣливался пройти по улицѣ и 50 шаговъ съ открытымъ лицемъ, *изъ опасенія отморозить себѣ носъ и уши. Я нашелъ вполнѣ* справедливыми слова нѣкоторыхъ писателей, которые говорятъ, что капля воды или слюна, выплюнутая изо рта, замерзаетъ, прежде чѣмъ успѣетъ упасть на землю.

Не смотря на подобные сильные зимніе морозы, весною трава и зелень показывается изъ земли очень скоро, а цвѣты распускаются и плоды зрѣютъ немногимъ позже чѣмъ въ Германіи. Выпадающіе въ продолженіи зимы глубокіе снѣга покрываютъ землю какъ бы платьемъ, и такимъ образомъ защищаютъ ее отъ жестокаго холода.

При такихъ глубокихъ снѣгахъ, выпадающихъ во всей Россіи и Лифляндіи, можно очень удобно и скоро совершать большіе переѣзды въ Русскихъ саняхъ, которые довольно низки и дѣлаются изъ лубковъ или липовой драни. Нѣкоторые обиваютъ сани войлокомъ, кладутъ въ нихъ длинныя овечьи шубы, покупаемыя въ тѣхъ мѣстахъ довольно дешево, и сверху покрываютъ войлокомъ или суконнымъ покрываломъ; въ такихъ саняхъ въ самые сильные морозы мы заставляли возить себя, и, не чувствуя рѣшительно никакого холода, даже потѣя, спали въ нихъ препокойно.

Къ тому же, Русскія лошади, весьма способныя для быстрой ѣзды, рослы и бѣгаютъ чрезвычайно скоро: такъ, при одной выкормкѣ, могутъ онѣ пробѣжать отъ 8 до 10 и 12 миль. На такихъ лошадяхъ я дважды ѣздилъ отъ Твери до Торжка. По дорогѣ между этими городами, какъ и во всей почти Россіи, не встрѣчается ни горъ, ни долинъ. Такимъ образомъ съ удивительною скоростью можно совершать большіе переѣзды и притомъ съ небольшими издержками; наприм. за 2, 3 и много-много уже за 4 рейхсталера крестьянинъ везетъ васъ 50 нѣм. миль, какъ это случилось однажды со мною, когда я ѣхалъ изъ Ревеля въ Ригу, на пространствѣ 50 нѣмецк. миль.

Какъ сильны бываютъ морозы зимою, такъ же велики бываютъ и жары въ лѣтнее время; будучи днемъ несносны для путешественника, они порождаютъ безчисленное множество комаровъ, надоѣдающихъ ему до крайности и днемъ и ночью. Для того чтобъ изба-

виться отъ нихъ, необходимо разводить сильный огонь и лежать близь него, или покрываться сѣткою.

Русская земля, при плодоносной, добротной почвѣ, не требующей большой обработки, чрезвычайно плодородна (исключая нѣсколькихъ миль песчаной земли, находящейся въ окрестностяхъ Москвы), и даетъ въ изобиліи рожь и пшеницу, не смотря на то, что на всемъ пространствѣ своемъ пустынна и болотиста; по большей части покрыта она кустарникомъ, въ особенности же сосновымъ и еловымъ лѣсомъ и орѣшникомъ. Сами Голландцы признаются, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при бывшемъ у нихъ большомъ неурожаѣ, Россія помогла имъ весьма много. Рѣдко услышишь, чтобъ въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Государства, гдѣ зерно даетъ малый всходъ, земля мало обработывается, такъ какъ крестьяне, запасая себѣ хлѣба на цѣлый годъ, не имѣютъ нужды засѣвать болѣе, и ежегодно употребляютъ только про себя свою богатую жатву. Поэтому самому много прекрасной, плодоносной земли оставляется безъ обработки, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, когда мы проѣзжали чрезъ нѣкоторыя мѣстности, покрытыя черною, жирною землею; на землѣ этой росла столь высокая трава, что хватала лошадямъ нашимъ почти по брюхо; такая трава ставится у Русскихъ ни во что, потому что ея у нихъ и безъ того много. Траву собираютъ, и кормятъ ею скотъ въ продолженіи цѣлаго года.

Удивительно, что на Русской сторонѣ, на правомъ берегу рѣки Нарвы, земля гораздо лучше и все растетъ гораздо скорѣе (какъ намъ говорили въ Нарвѣ), чѣмъ по другую сторону ея, въ *Аленталкахъ* (Allentaken), хотя рѣка теченіемъ своимъ раздѣляетъ землю эту на равныя половины. Въ этихъ мѣстахъ Ингерманландіи, а также и Кареліи, Россіи и сѣверной части Лифляндіи крестьянинъ засѣваетъ поле свое за три недѣли до Иванова дня; вскорѣ послѣ этого времени наступаютъ здѣсь сильные жары, такъ какъ солнце опускается за горизонтъ только на нѣсколько часовъ, и хлѣбъ всходитъ почти видимо, такъ что по прошествіи 7 или уже много 8 недѣль его можно собирать. Если бы крестьяне засѣвали поля свои гораздо раньше, посѣвъ этотъ не повелъ бы ни къ чему, ибо земля бываетъ тогда еще холодна, да притомъ дуютъ холодные вѣтры.

Русскіе въ хлѣбѣ своемъ пользуются тѣмъ преимуществомъ

предъ Лифляндцами, что могутъ почти тотчасъ же по уборкѣ складывать его въ житницы, между тѣмъ какъ послѣдніе прежде того должны сушить его на огнѣ. Поэтому въ каждомъ помѣстьѣ (Land-Gut) находится особенно для этого выстроенные сараи или дома, называемые ими ригами (Riegen); внутри этихъ ригъ хлѣбъ еще съ соломою раскладывается на балкахъ или бревнахъ, а за тѣмъ сушится теплотою, распространяющеюся отъ огня, горящаго въ печи, устраиваемой на подобіе пекарни. Часто случается, что подобныя риги, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, сгараютъ до тла. Такой хлѣбъ, довольно долго полежавъ на этихъ балкахъ и совершенно высохнувъ, не можетъ уже дать столь хорошихъ сѣмянъ для посѣва, какъ высохшій самъ собою на открытомъ воздухѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно же въ Москвѣ, находится много плодовъ, растущихъ въ садахъ, какъ то: яблокъ, грушъ, вишень, сливъ и смородины. Кромѣ того есть много и другихъ плодовъ; въ этомъ отношеніи несправедливо извѣстіе Герберштейна, Гваньини и другихъ, писавшихъ о Россіи, что будто бы въ ней, за большими холодами, невозможно найти ни одного хорошаго плода, ни вкуснаго яблока. Между прочими хорошими сортами есть тамъ особеннаго рода яблоки, которыя столь прозрачны и бѣлы, что, разсматривая ихъ на солнцѣ, можно видѣть всѣ зерна. Яблоки эти, будучи весьма хороши по вкусу и наружности своей, притомъ еще очень нѣжны, а потому не могутъ такъ долго сохраняться, какъ въ Германіи.

Въ Россіи можно найти также разнаго рода овощи, въ особенности спаржу, толщиною въ большой палецъ (какую я ѣлъ у одного Голландскаго купца, хорошаго моего пріятеля), также огурцы, лукъ, чеснокъ, и все это въ большомъ количествѣ. Лактука и другаго рода салатъ Русскіе не разводятъ, такъ какъ никогда не ѣдятъ его, и смѣются надъ Нѣмцами, когда тѣ употребляютъ его въ пищу, говоря, что они ѣдятъ траву; однакожъ нѣкоторые изъ Русскихъ уже рѣшаются теперь отвѣдывать салату. Что же касается до дынь, то ихъ разводятъ по нѣкимъ мѣстамъ въ большомъ количествѣ, потому что онѣ употребляются у Русскихъ въ пищу и составляютъ одинъ изъ предметовъ торговли. Дыни эти, при огромномъ ихъ количествѣ, очень велики, чрезвычайно вкусны и сладки, такъ что ихъ можно ѣсть безъ сахару. Такъ въ 1643 году, выѣзжая во второй

разъ изъ Москвы, я получилъ въ подарокъ отъ одного хорошаго моего пріятеля дыню въ пудъ вѣсомъ.

Русскіе обладаютъ особеннымъ умѣньемъ и искусствомъ сѣять и выращивать дыни, что частью описано у Герберштейна на стр. 45. Сначала они смачиваютъ сѣмена въ сладкомъ молокѣ, или, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, въ настоявшейся дождевой водѣ, смѣшанной съ овечьимъ пометомъ, и потомъ приготовляютъ для нихъ землю, состоящую изъ конскаго навоза, засыпаннаго сверху черноземомъ. На приготовленной такимъ образомъ землѣ проводятъ неглубокія борозды на ½ фута въ ширину и кладутъ въ нихъ зерна, которыя въ одно и тоже время согрѣваются и снизу и сверху: снизу образующеюся отъ горѣнія навоза теплотою; сверху же солнечными лучами; на ночь же, для предохраненія отъ инея и холода, сѣмена покрываютъ ставнями, въ которыхъ стекла замѣняются слюдою. Въ такомъ положеніи остаются они закрытыми иногда и днемъ. Потомъ, когда сѣмена взойдутъ, обрѣзываютъ слишкомъ распространяющіеся на стороны молодые побѣги, а въ извѣстное время оконечности ихъ и усики. Нельзя не пожелать Русскимъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ они прилагаютъ къ нему немало стараніи и терпѣнія.

Намъ говорили, что за Самарой, между рѣками Волгою и Дономъ, растутъ особеннаго рѣдкаго рода дыни: по величинѣ и сорту своему онѣ принадлежатъ къ обыкновеннымъ дынямъ, а по внѣшнему виду походятъ на ягненка, и сходство это такъ велико, что Русскіе называютъ ихъ *баранцами* (Boranetz). Стебель подобной дыни, точно также какъ и у обыкновенной, держится на пупочкѣ; перемѣняя мѣсто на столько, на сколько позволяетъ стебель, дыня эта высушиваетъ, или, какъ говорятъ Русскіе, съѣдаетъ его. Когда дыня созрѣваетъ, стебель засыхаетъ, и плодъ покрывается тогда шероховатою кожицею, какъ бы корою, которую Русскіе собираютъ, и употребляютъ, какъ говорятъ, противъ сильныхъ морозовъ. Въ Москвѣ намъ доставили нѣсколько кусковъ этой кожи (кажется, оторванныхъ отъ одѣяла); она была курчава и съ мягкою шерстью, точь въ точь шкура молодаго барашка или шерсть, срѣзанная съ брюшной части овцы. Скалигеръ (Scaliger) упоминаетъ о подобномъ плодѣ (Exerc. 181) и говоритъ, что его окружаютъ большая трава и листья, столь-же для него необходимые, какъ

ягненку нужна полная шерсть; при недостаткѣ этого, плодъ засыхаетъ и портится. Кажется, справедливо и то, о чемъ пишетъ далѣе Скалигеръ, что одни волки падки на этотъ плодъ, на которомъ и ловятся.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, трудно было найти въ Москвѣ хорошія травы и цвѣты. Бывшій великій князь (т. е. Михаилъ Ѳедоровичъ), вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Москву, велѣлъ украсить сады свои драгоцѣнными травами и цвѣтами. До того, Русскіе совсѣмъ не слыхали и ничего не знали о настоящихъ *розахъ, довольствуясь дикими розами или шиповникомъ, которымъ* украшали сады свои. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *Петръ Марцеллусъ* (Peter Marcellus), знатный купецъ, привезъ нѣсколько махровыхъ и обыкновенныхъ розъ изъ садовъ моего милостиваго государя, короля Голштинскаго, которыя принялись здѣсь очень хорошо. *Въ Москвѣ не растутъ ни грецкіе орѣхи, ни виноградъ;* вино въ большомъ количествѣ привозится изъ Архангельска (гдѣ получается съ Голландскихъ и др. кораблей), также изъ Астрахани, гдѣ нынѣ оно начинаетъ выдѣлываться, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе. Всякій можетъ видѣть, что недостатокъ нѣкоторыхъ *плодовыхъ деревъ и кустарниковъ происходитъ* не отъ свойства земли и воздуха, а скорѣе отъ незнанія и нерадѣнія самихъ жителей.

Вообще у Русскихъ нѣтъ недостатка въ тѣхъ произведеніяхъ земли, кои составляютъ одинъ изъ предметовъ необходимой потребности въ жизни. Такъ, много разводится у нихъ конопли и льну, въ слѣдствіе чего полотна продаются въ большомъ количествѣ во всей почти Россіи.

Медъ и воскъ, всюду находимые въ лѣсахъ, также въ большомъ у нихъ изобиліи; первый идетъ на вареніе меду, второй на приготовленіе свѣчь, употребляемыхъ въ домашнемъ быту и въ церковномъ служеніи (на что идетъ его немалое количество), и кромѣ того большими партіями продается еще въ другія области и страны. Самый лучшій воскъ и медъ идетъ чрезъ Псковъ.

Вся Россія, подобно Лифляндіи, покрыта кустарникомъ и лѣсомъ (за исключеніемъ выжженныхъ мѣстъ, назначаемыхъ на запашку), отчего водится въ ней множество лѣсной и разной другой дичи. Лѣсная дичь, находящаяся у Русскихъ въ большомъ изобиліи, не цѣ-

нится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ можно покупать у крестьянъ весьма дешево. Что же касается до журавлей, лебедей, а также нѣкоторыхъ небольшихъ птицъ, какъ напр. дроздовъ, жаворонковъ, зяблицъ и другихъ подобныхъ, то ихъ не считаютъ за нужное ловить и употреблять въ пищу. Аисты встрѣчаются мѣстами въ *Лифляндіи*.

Въ лѣсахъ Россіи водится много разнаго рода дикихъ звѣрей, за исключеніемъ оленей, которыхъ почти вовсе нѣтъ, или, какъ иные говорятъ, весьма мало. Лоси, дикіе кабаны, зайцы водятся во множествѣ, послѣдніе только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи; въ *Лифляндіи* же встрѣчаются повсюду; зайцы эти обыкновенной породы, лѣтомъ сѣраго, зимою же бѣлаго, какъ снѣгъ цвѣта.

Удивительно, что въ Курляндіи, которая граничитъ съ *Лифляндіею* и отдѣляется отъ нея только одною рѣкою Двиною, зайцы и зимою остаются сѣрыми, поэтому, когда зимою Курляндскій заяцъ перебѣжитъ по замерзшей Двинѣ въ *Лифляндію*, то его называютъ Курляндскимъ перебѣжчикомъ.

Причина перемѣны цвѣта шерсти заключается въ климатѣ. Какъ цвѣтъ волосъ согласуется съ температурой: «capilli imitantur humoris colorem, unde alimenta trahunt», говоритъ *Cael. Rodigenus*, такъ точно и животныя на болотистой, сырой и холодной землѣ отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ шерсти, чѣмъ въ теплыхъ странахъ, ибо «hiems habet vim et naturam phlegmatis», говоритъ *Авиценна* въ Canticis; поэтому и зайцы зимою становятся бѣлыми. Бѣлый цвѣтъ происходитъ отъ холода (albus capillus innuit frigidam complexionem, говоритъ Авероэсъ (Averoes), кромѣ упомянутаго нами Авиценны), черный же—отъ жару, оттого и зайцы, съ наступленіемъ лѣта, въ тепломъ воздухѣ снова получаютъ сѣрый цвѣтъ шерсти. При этомъ вспомнилъ я о разсказѣ покойнаго тестя моего, жившаго въ Лифляндіи. Однажды, во время свадьбы одного изъ сыновей своихъ, онъ приказалъ лѣтомъ наловить нѣсколько зайцевъ (въ своемъ помѣстьѣ Кундѣ (Kunda), лежащемъ между Ригою и Ревелемъ), посадить ихъ въ погребъ и тамъ откармливать. Спустя нѣсколько недѣль, зайцы эти перемѣнили сѣрую шкуру свою на бѣлую; изъ этого ясно можно видѣть, что̀ служило причиною перемѣны цвѣта ихъ шерсти.

Кромѣ зайцевъ, употребляемыхъ въ пищу, въ Россіи водится

также много нечистыхъ и дикихъ звѣрей, какъ то: медвѣдей, волковъ, рысей, тигровъ, лисицъ, соболей и куницъ; мѣхами этихъ животныхъ производится большая торговля.

Отличныя пажити и пастбища, которыми изобилуетъ Россія, способствуютъ разведенію домашняго рогатаго скота, какъ то: быковъ, коровъ, телятъ и овецъ, и притомъ въ огромномъ количествѣ; поэтому самому рогатый скотъ очень дешевъ въ Россіи. Такъ однажды, когда мы въ первый разъ были въ Россіи, случилось купить намъ весьма тучнаго быка, хотя и небольшаго росту (ибо почти во всей Россіи рогатый скотъ малорослъ) за 2 талера, овцу за 10 копѣекъ или 5 грошей.

Текущія рѣки и съ стоячею водою озера, которыхъ очень много въ Россіи, заключаютъ въ себѣ чрезвычайное изобиліе рыбы; недостатокъ ощущается только въ карпахъ, коихъ нельзя было найти даже и въ Лифляндіи. Впрочемъ, въ Астрахани видѣли мы много карповъ величины необыкновенной; за одного карпа мы платили по шиллингу. Рыба эта ловится въ Волгѣ, но такъ какъ мясо ея грубо и жестко, то она не отличается хорошимъ вкусомъ.

Изъ ископаемаго царства въ особенности замѣчательна слюда, находимая мѣстами въ каменоломняхъ; она замѣняетъ собою стекло и употребляется почти во всей Россіи.

Страна эта прежде вовсе не имѣла разработанныхъ рудниковъ; только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Татарской границѣ, въ окрестностяхъ Тулы, въ 26-ти миляхъ отъ Москвы, начали разработку одного рудника. Разработкой занималось нѣсколько Нѣмецкихъ инженеровъ, присланныхъ въ Россію по просьбѣ его царскаго величества его свѣтлостью курфюрстомъ Саксонскимъ. Рудники эти до сихъ поръ разработываются и приносятъ большую пользу; въ нихъ наболѣе добывается желѣзо. Въ семи верстахъ (или полуторыхъ миляхъ) отъ этого мѣста, между двумя горами, въ прелестной долинѣ, орошаемой довольно большимъ ручьемъ, выстроенъ желѣзный заводъ, на которомъ приготовляется желѣзо въ полосахъ; здѣсь же выливаются другія разнаго рода вещи.

Заводомъ этимъ управляетъ Петръ Марселисъ (Hans Peter Marselius); по контракту, заключенному съ великимъ княземъ, онъ доставляетъ ежегодно въ Оружейную Палату (Rüst-Kammer) его царскаго величества извѣстное число полосъ желѣза, орудій

и нѣсколько тысячъ пудовъ ядеръ. Въ настоящее время онъ пользуется тою же милостью и уваженіемъ у нынѣшняго великаго князя, какою пользовался и у прежняго; онъ же въ Москвѣ занимается и другими торговыми дѣлами.

При жизни царя Михаила Ѳедоровича, 15 лѣтъ тому назадъ, случайно въ одной мѣстности Россіи открыта была золотая руда, но осталась безъ разработки, въ слѣдствіе чего тотъ, который открылъ ее и тотъ, который объявилъ о ней въ надеждѣ на большія выгоды, пришли въ крайнюю бѣдность.

Всѣ тѣ, которые объявляютъ о какихъ либо новыхъ изобрѣтеніяхъ, съ намѣреніемъ обогатиться, по бо́льшей части не имѣютъ успѣха и счастья при царскомъ Дворѣ. Прежній царь хотя и принималъ разнаго рода изобрѣтенія, желая обогатить казну свою, но изъ опасенія остаться въ накладѣ въ случаѣ обмана или неудачи предпріятія, требовалъ, чтобъ изобрѣтатель самъ на собственный счетъ свой начиналъ дѣло; если-жъ онъ былъ не въ состояніи этого сдѣлать, то, подъ вѣрное поручительство, выдавалась ему небольшая сумма денегъ. Если предпріятіе удавалось, то изобрѣтатель получалъ награжденіе, въ противномъ случаѣ, онъ, а не великій князь, долженъ былъ принимать на себя убытки. Въ подтвержденіе и примѣръ этому я привожу упомянутые мною золотые рудники. Жилъ въ Москвѣ одинъ богатый Голландскій купецъ, мой хорошій пріятель, человѣкъ справедливѣйшій и честнѣйшій, съ большимъ успѣхомъ занимавшійся значительными торговыми дѣлами. Надѣясь, по изслѣдованнымъ свойствамъ земли, найти въ одномъ мѣстѣ золотую руду, онъ объявилъ объ этомъ государю. Великій князь согласился на это и приказалъ выдать ему за поручительствомъ извѣстную сумму денегъ. Но предпріятіе не удалось этому доброму человѣку и всѣ труды и издержки его пропали; когда же имѣнія его не хватило на уплату взятыхъ имъ въ долгъ царскихъ денегъ, то его посадили въ тюрьму. Потомъ, будучи выпущенъ на поруки, ходилъ онъ по своимъ добрымъ пріятелямъ и собралъ столько денегъ, что могъ не только уплатить царскій долгъ, но еще и выѣхать изъ Россіи. Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ, то онъ самъ разсказывалъ мнѣ съ большимъ увлеченіемъ про свое несчастіе (случившееся гораздо ранѣе этого времени) и про русское правосудіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О Русскихъ въ отношеніи ихъ внѣшняго вида и платья.

Наружный видъ женщинъ.—Мужское платье.—Шапки.—Высокіе женскіе сапоги.

Москвитянъ, или Русскихъ мы будемъ разсматривать сначала со стороны внѣшней, именно со стороны ихъ наружнаго вида, платья, и потомъ съ внутренней—по ихъ духу, способностямъ и нравамъ.

Всѣ мужчины вообще высоки ростомъ, полны и крѣпкаго сложенія; цвѣтомъ кожи сходны съ прочими Европейцами. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ большую бороду и толстое брюхо, пользуются большимъ уваженіемъ. Его царское величество выставляетъ такихъ людей на торжественныхъ аудіенціяхъ, даваемыхъ иноземнымъ посламъ, думая этимъ внушить въ другихъ бо́льшее къ своей особѣ уваженіе. Усы Русскіе носятъ обыкновенные, длинные, висящіе надъ ртомъ.

Только одни священники, или попы (Ферреи) носятъ длинные волосы, спадающіе на плечи; всѣ же прочіе стригутся коротко. Знатные вельможи подрѣзываютъ себѣ волосы ножницами и считаютъ это великимъ украшеніемъ. Подобное мнѣніе впрочемъ противорѣчитъ словамъ *Амвросія* (Ambrosius), который говоритъ: «ex arboribus licet, quae humani sit gratia capitis, aestimare; tolle arbori comam, tota arbor ingrata est (*). Или у Овидія.

«Turpe pecus mutilum, turpe sine gramine campus,
«Et sine fronde prutex et sine crine caput (**),
т. е. корова безъ хвоста, травы лишенный лугъ, иль зелени кустарникъ
Не хороши,—такъ точно и глава, лишенная волосъ».

Коль скоро кто либо изъ Русскихъ провинится въ чемъ нибудь предъ его царскимъ величествомъ и знаетъ, что онъ находится

(*) Т. е. «По деревьямъ слѣдуетъ заключать, какое украшеніе волосы приносятъ головѣ; отними у дерева листья и все дерево становится некрасивымъ» (Hexam. lib. 6 стр. 9).

(**) Libr. 3, de arte. am.

у него въ опалѣ, то отращиваетъ себѣ длинные волосы во все время продолжающейся немилости. Можетъ быть, этотъ обычай перешелъ къ нимъ отъ Грековъ, которымъ они во всемъ подражаютъ, ибо Греки, какъ говоритъ объ этомъ Плутархъ, при постигавшемъ ихъ большомъ несчастіи, ходили съ длинными волосами. Женщины же въ подобномъ случаѣ обрѣзываютъ себѣ волосы (Plut. Paest. Rom. 14, page 267).

Женщины Русскія вообще средняго роста, стройны, нѣжнаго тѣлосложенія, красивы, но въ городахъ всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискусно; при взглядѣ на нихъ, можно подумать, что онѣ намазали себѣ лице мукой и потомъ кисточкой накрасили себѣ щеки. Онѣ красятъ себѣ также брови и ресницы черною, а иногда и коричневою краскою.

Такъ, посѣщая своихъ сосѣдей, или являясь на собранія, женщины непремѣнно должны быть нарумянены, не смотря на то, что отъ природы онѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ румянахъ; это дѣлается ими для того, чтобы природная красота не брала перевѣса надъ искусственнымъ украшеніемъ. Такъ, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкасскаго (Jwan Bctiſſowitz Zirkaſki), женщина прекрасной наружности, не хотѣла сначала румяниться, то тотчасъ же оговорена была прочими женами боярскими,—зачѣмъ де она презираетъ обычаи своей земли, что хочетъ, видно, опозорить прочихъ подобныхъ ей, и чрезъ мужей своихъ до того довели дѣло, что она, отъ природы прекрасная женщина, должна была румяниться и, такъ сказать, уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи.

Такъ какъ румяниться у Русскихъ нисколько не считается предосудительнымъ, то женихъ предъ свадьбой, между прочими подарками, посылаетъ невѣстѣ своей коробочку съ румянами, о чемъ подробнѣе будетъ сказано при описаніи ихъ свадебъ.

Женщины обыкновенно носятъ волосы подъ повойниками (Mützen); взрослыя же дѣвушки заплетаютъ ихъ въ косы, къ концу которыхъ привязываютъ шелковыя ленты.

Мальчики меньше 10 лѣтъ и дѣвушки того же возраста волосы носятъ подстриженные, съ висящими по обѣимъ сторонамъ локона-

ми; дѣвушки же, въ отличіе отъ мальчиковъ, носятъ въ ушахъ большія серебряныя или мѣдныя сережки.

Мужское платье у Русскихъ весьма сходно съ Греческимъ. Рубашки у нихъ широки, но коротки, такъ что едва достигаютъ до заднихъ мягкихъ частей тѣла, безъ воротниковъ; на спинѣ, внизъ отъ плечей, вышиваются на нихъ краснымъ шелкомъ треугольники; у нѣкоторыхъ же подъ мышками, а также снизу, по сторонамъ, вшиваютъ весьма красиво ластовицы (Zwickel) изъ красной тафты. Богатые люди вышиваютъ воротъ рубашки, шириною въ дюймъ, а также и рукава разноцвѣтными шелками, иногда золотомъ и жемчугомъ (и тогда выпускаютъ ихъ изъ подъ кафтана); на конецъ же ворота насаживаютъ двѣ большія жемчужины, иногда же пришиваютъ золотыя и серебряныя застежки (запонки). Порты у нихъ вверху шьются шире и стягиваются тесьмой; впрочемъ всякой, по своему усмотрѣнію, дѣлаетъ ихъ или уже или шире. Сверхъ рубашки и портовъ носятъ они узкіе кафтаны (на подобіе нашихъ рубашекъ съ подкладкою), по колѣно, съ длинными рукавами, стянутыми передъ кистью руки въ множество складокъ; сзади, вокругъ шеи, къ кафтанамъ этимъ пришиваются воротники, шириною въ ¼ аршина. Воротники эти снизу подбиваются бархатомъ, у знатныхъ же парчею, выпускаются изъ подъ другихъ кафтановъ, и твердо стоятъ надъ затылкомъ. Это платье называютъ они кафтанами (Caftan). Нѣкоторые сверхъ этого кафтана надѣваютъ еще другой, доходящій до икръ, который называется у нихъ ферязью (Ferese); оба эти кафтана шьются изъ выбойки (Kattun), кипяка, атласа, смотря по состоянію. Ферязь подбивается ватой. Когда выходятъ со двора, то на ферязь надѣваютъ еще верхній кафтанъ, доходящій до пятъ. Кафтаны эти по большей части шьются изъ голубо-фіолетоваго, коричневаго или темнозеленаго сукна, также изъ пестраго атласа или дамаса и изъ парчи. Такіе парчевые кафтаны лежатъ въ великокняжескихъ сокровищницахъ и выдаются тѣмъ изъ вельможъ и сановниковъ, которые присутствуютъ на торжественныхъ аудіенціяхъ.

Эти верхніе кафтаны всѣ съ широкими воротниками, съ разрѣзами спереди и по бокамъ; разрѣзы обшиваются золотыми, унизанными жемчугомъ снурками, на которыхъ висятъ большія кисти. Рукава же одинаковой длины съ самыми кафтанами, но чрезвычай-

но узки; будучи надѣты на руки, они образуютъ множество складокъ, почему весьма трудно высвободить изъ нихъ руки. Иные, идучи, не надѣваютъ ихъ на руки, а оставляютъ висящими. Случается, что мошенники изъ холоповъ, спрятавъ въ такихъ рукавахъ палки и камни, нападаютъ ночью на проходящихъ и убиваютъ ихъ.

Всѣ Русскіе носятъ на головахъ шапки: бояре, князья и государственные сановники, когда отправляются въ торжественныя собранія, надѣваютъ шапки, сшитыя изъ черной лисицы, или соболя, вышиною въ аршинъ, иногда же изъ бархата, какъ у насъ, подбитыя и опушенныя черною лисицею или соболемъ, съ небольшою съ обѣихъ сторонъ выпушкою, украшенною золотыми или жемчужными снурками. Простые граждане лѣтомъ носятъ шапки изъ бѣлаго войлока, зимою же изъ сукна, подбитыя простымъ мѣхомъ (Schapken oder Mützen).

Подобно Полякамъ, Русскіе носятъ короткіе сапоги, съ загнутыми вверхъ носками; сапоги шьются изъ юфти или Персидскаго сафьяну. О кордуанахъ они и не слыхивали. Женщины же, преимущественно дѣвушки, носятъ башмаки съ огромными каблуками, вышиною въ ¼ аршина, подбитые снизу небольшими гвоздями; въ такой обуви они не могутъ много ходить, такъ какъ передокъ башмаковъ едва касается земли. Женское платье походитъ на мужское; верхнее еще шире послѣдняго и шьется также изъ сукна. Богатыя окаймляютъ платье свое сверху и снизу позументами и другими золотыми снурками и кистями, а нѣкоторыя украшаютъ его серебряными и свинцовыми пуговицами. Сверху рукава отвязываются, чтобы можно было просунуть въ нихъ руки и потомъ привязать. Онѣ не носятъ ни кафтановъ, ни высокихъ стоячихъ воротниковъ. Рукава у женскихъ рубашекъ бываютъ длиною въ 6, 8 и 10 футовъ; если же шьются изъ выбойки, то дѣлаются еще длиннѣе; рукава эти также узки и при надѣваніи образуютъ множество складокъ. На головахъ женщины носятъ высокія и широкія шапки, сдѣланныя изъ парчи, атласа или дамаса, обшитыя золотою каймою; нѣкоторыя украшаютъ ихъ золотомъ, жемчугомъ и опушаютъ бобромъ, который закрываетъ у нихъ почти половину лба. Взрослыя дѣвушки носятъ высокія лисьи шапки.

Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иностранцы, состоящіе

на службѣ у великаго князя, или по торговымъ дѣламъ своимъ живущіе въ Москвѣ между Русскими, должны были прежде носить платье, сшитое по образцу Русскаго, для того чтобы избѣжать оскорбленій отъ народа. Годъ тому назадъ патріархъ положилъ конецъ этому обыкновенію, что произошло по слѣдующему поводу. Однажды, во время большой, торжественной процессіи, шедшей по городу, между народомъ находилось нѣсколько человѣкъ изъ Нѣмцевъ, которые не столь низко, какъ прочіе, кланялись на благословенія патріарха, участвовавшаго въ процессіи. Святитель съ неудовольствіемъ посмотрѣвъ на нихъ и узнавъ, что то были Нѣмцы, сказалъ: «не слѣдуетъ недостойнымъ иноземцамъ, по незнанію моему, получать отъ меня благословенія». Вскорѣ за тѣмъ, для отличія Нѣмцевъ отъ Русскихъ, онъ приказалъ, чтобы иностранцы снялп тотчасъ же съ себя Русское платье и впредь ходили въ своемъ собственномъ, національномъ.

Нѣкоторые изъ иностранцевъ, не желая навлечь на себя непріятностей, поспѣшили какъ можно скорѣе исполнить приказаніе патріарха. Многіе изъ нихъ приведены были въ крайнее затрудненіе по недостатку матеріи и другихъ принадлежностей, необходимыхъ для шитья новаго платья (притомъ же портные не могли такъ скоро сшить его), а между тѣмъ они обязаны были ежедневной службой при царскомъ Дворѣ и потому не могли не явиться туда, не давъ о себѣ никакого извѣстія. И такъ каждый хваталъ все что попадалось ему подъ руку; иные по необходимости должны были надѣть отцовскія, дѣдовскія и даже прадѣдовскія платья, которыя носились ими послѣдними еще въ царствованіе Грознаго и до сихъ поръ хранились въ сундукахъ. Прибытіе ихъ въ собраніе произвело не мало смѣху, не только потому, что платье было уже довольно старо и поношено, сколько по смѣшному своему виду, ибо для одного оно было слишкомъ широко, для другаго же чрезвычайно узко. Теперь всѣ иностранцы должны носить свои національныя платья, чтобы можно было отличить ихъ отъ Русскихъ.

Въ Москвѣ живетъ князь Никита Ивановичъ Романовъ (Mikita Iwanowicz Romanow), знатнѣйшій и богатѣйшій изъ всѣхъ бояръ послѣ царя (которому приходится родственникомъ), вельможа веселый и большой любитель нѣмецкой музыки. Онъ питаетъ любовь

не только ко всѣмъ иностранцамъ, въ особенности же къ Нѣмцамъ, но и выказываетъ особенное расположеніе къ ихъ платью; такъ онъ приказалъ сшить себѣ польское платье и иногда, выѣзжая на охоту, надѣваетъ его, не обращая большаго вниманія на слова патріарха, который сталъ противиться этому; но какъ на это, такъ и на другія замѣчанія патріарха, сдѣланныя ему по поводу нѣкоторыхъ будто бы противурелигіозныхъ поступковъ, Никита Ивановичъ давалъ короткіе и рѣзкіе отвѣты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О природныхъ свойствахъ, нравахъ и обычаяхъ Русскихъ.

Образованіе. — Умъ Русскихъ. — Jacobi Dan. de Russ. ingenio. — Смѣтливость Русскихъ. — Ложный доносъ. — Гордость Русскихъ. — Честолюбіе. — Грубый тонъ писемъ. — Бранливость народа. — Платежъ за безчестье. — Примѣры платы за безчестье. — Нравы Русскихъ. — Пьянство. — Отмѣна кабаковъ. — Пьянство женщинъ. — Грабежи на улицахъ. — Убійства. — Русскіе на войнѣ.

Разсматривая Русскихъ въ отношеніи ихъ обычаевъ, нравовъ и образа жизни, нельзя не признать ихъ за народъ необразованный, ибо они нисколько не уподобляются древнимъ Грекамъ, хотя прибытіемъ къ нимъ послѣднихъ и происхожденіемъ отъ нихъ они хвалятся, такъ какъ ничего не удержали отъ этого умнаго, образованнаго народа, ни въ языкѣ, ни въ искусствахъ. Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ, тѣмъ менѣе съ охотою занимаются ими. Есть пословица: «didicisse fideliter artes, emollit mores, nec sinit esse ferres», т. е. изученіе искусствъ смягчаетъ нравы и не дозволяетъ быть жестокимъ». Русскіе не слѣдуютъ этой пословицѣ, а потому остаются необразованными и грубыми.

Естественныя науки, будучи чужды Русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удастся что либо перенять изъ нихъ отъ иностранцевъ; такъ астрономію, астрологію считаютъ они за волшебныя науки. Такъ предугадываніе и предсказаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движеніе какой либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому самому, когда стало извѣстно въ Москвѣ (по возвращеніи моемъ изъ Персіи), что великій князь назначилъ меня своимъ астроно-

момъ, то въ народѣ, отъ нѣкоторыхъ, пошла такая молва, что въ Москву скоро де вернется назадъ волшебникъ, состоящій при Голштинскомъ посольствѣ, который будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали уже питать ко мнѣ отвращеніе, что, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности. Можетъ быть, Москвитяне хотѣли удержать меня не съ тѣмъ, чтобы имѣть во мнѣ астронома, а скорѣе потому, что я, какъ стало имъ извѣстно, срисовалъ рѣку Волгу и Персидскія провинціи, чрезъ которыя проѣзжалъ, и переложилъ ихъ на карту.

Спустя нѣсколько времени, именно въ 1643 году, снова будучи посланъ въ Москву милостивымъ государемъ моимъ, занимался я однажды для собственнаго своего удовольствія камеръ-обскурой, переведя въ нее посредствомъ шлифованнаго стекла все происходившее на улицѣ. Въ то самое время пришелъ ко мнѣ одинъ изъ Русскихъ вельможъ, занимавшій тогда должность вице-канцлера, и изъ любопытства заглянулъ въ камеръ-обскуру. Перекрестившись, сказалъ онъ при этомъ, что въ ней заключается волшебство. Особенно удивляли его лошади, ходившія вверхъ ногами.

Не смотря на то, что Русскіе любятъ и уважаютъ лекарей за ихъ искусство, всё таки они никакъ не хотятъ согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было анатомировать мертвое тѣло или держать у себя человѣческіе скелеты, къ которымъ они питаютъ большое отвращеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ весьма искусный цирульникъ, по имени *Квиринусъ* (Qvirinus), родомъ Голландецъ, человѣкъ очень веселаго нрава, бывшій на службѣ у великаго князя, повѣсилъ за столомъ у себя на стѣнѣ человѣческій скелетъ. Однажды, когда онъ по обыкновенію сидѣлъ за столомъ и игралъ на лютнѣ, стрѣльцы (тогда еще державшіе стражу на Нѣмецкомъ дворѣ) пришли на музыку и изъ любопытства заглянули въ дверь. Съ ужасомъ увидѣвъ на стѣнѣ висящій человѣческій скелетъ, они страшно перепугались, когда замѣтили, что онъ двигался; въ величайшемъ страхѣ, они спѣшили удалиться и разгласить, что Нѣмецкій цирульникъ повѣсилъ мертваго человѣка на стѣну и заставляетъ его плясать по своей музыкѣ. Слухъ этотъ вскорѣ дошелъ до великаго князя и патріарха, которые немедленно послали разузнать обо всемъ обстоятельно и приказали въ особенности наблюдать за тѣмъ, когда цирульникъ будетъ играть на лютнѣ; посланные не

только подтвердили сказанное первыми, но еще прибавили, что сами видѣли, какъ мертвый танцовалъ подъ музыку. Все это казалось Русскимъ великимъ чудомъ. Посовѣтовавшись между собою, они рѣшили наконецъ, что цирульникъ долженъ быть колдунъ, а потому нужно сжечь его вмѣстѣ съ мертвымъ человѣкомъ. Узнавъ объ этомъ опасномъ для себя рѣшеніи, Квиринусъ немедленно послалъ къ князю Ивану Борисовичу Черкасскому одного богатаго, знакомаго ему купца нѣмецкаго, который хорошо принимаемъ былъ всѣми вельможами, съ просьбою отклонить Русскихъ отъ ихъ непристойнаго намѣренія и объяснить ему все дѣло. Купецъ, поговоривъ объ этомъ съ княземъ, присовокупилъ, что по скелету никакъ нельзя принимать цирульника за колдуна, ибо въ Германіи всѣ знатные лекаря обыкновенно держатъ у себя человѣческіе скелеты съ цѣлью изучить ихъ; такъ, если кому либо изъ живыхъ людей случится сломить ногу или повредить другой какой либо членъ, то по скелетамъ лучше можно узнать какъ приняться за дѣло и какъ вылечить ушибъ; а что остовъ двигался, то это произошло не отъ того, что цирульникъ игралъ на лютнѣ, а потому что вѣтеръ дулъ въ открытое окно. Послѣ этого объясненія приговоръ былъ отмѣненъ, но все таки Квиринусъ принужденъ былъ выѣхать изъ Москвы, а скелетъ свой сжечь и бросить въ Москву рѣку. Подобную же трагедію хотѣли они разыграть въ недавнее время съ однимъ нѣмецкимъ живописцемъ *Іоанномъ Детерсеномъ* (Johann Deterſen). Въ большой пожаръ, случившійся въ Москвѣ четыре года тому назадъ, стрѣльцы, ломая зданія и туша огонь, вошли въ домъ этого живописца и нечаянно наткнулись на мертвую голову: тотчасъ же рѣшили они какъ голову, такъ и самого живописца бросить въ огонь, и, навѣрное, исполнили бы свое намѣреніе, если бъ не нашлись тутъ нѣкоторые благоразумные люди, которые успѣли увѣрить стрѣльцовъ, что мертвая голова, по обычаю Нѣмцевъ, служитъ не для чего инаго, какъ для рисованья.

Что касается до умственнаго развитія Русскихъ и его направленія, то они вмѣстѣ съ удивительною смѣтливостью соединяютъ необыкновенную хитрость: хитрость эта выказывается у нихъ не столько въ поступкахъ добрыхъ и заслуживающихъ похвалы, сколько въ такихъ, которые касаются ихъ личной выгоды и гдѣ дѣло идетъ объ удовлетвореніи эгоистическихъ стремленій и желаній; поэтому

они, какъ говоритъ *Якобъ* (Jacobus, или Nobilis Danus, какъ онъ себя называетъ), посланникъ Датскаго короля Фридриха II, въ своемъ *Hodoeporico Ruthenico* (стр. 36): «callidi, versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi, ne dicam impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique virtutibus (crede mihi) omnibus nunciam remiserunt».

Смѣтливость и хитрость Русскихъ особенно проявляются въ торговлѣ, въ которой они очень хорошо понимаютъ какъ что повыгоднѣе купить и продать, и выдумываютъ разнаго рода средства, коими обманываютъ *покупателя единственно для своей пользы и прибыли*. Тотъ, кто хочетъ обмануть ихъ, долженъ обладать большимъ умомъ и проницательностью; привыкши обманывать и притомъ сами будучи весьма подозрительны, они нелегко довѣряются другому, и если удастся кому либо обмануть, или какимъ либо образомъ провести ихъ, то они хвалятъ его и считаютъ его за мастера. Такъ однажды нѣсколько купцевъ Московскихъ просили одного Голландца вступить съ ними въ компанію (съ тѣмъ только впрочемъ, чтобъ онъ предварительно взнесъ значительную сумму денегъ), зная про его мастерскія торговыя продѣлки, ибо надѣялись чрезъ него много выиграть въ своей торговлѣ. Обманъ въ торговлѣ не считаютъ они за дѣло противное совѣсти, напротивъ того принимаютъ его за достойное уваженія и похвалы. Нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что совершаютъ большой грѣхъ, если при расчетѣ передаютъ лишнія деньги; если же подобное случится съ покупателями, то они никогда не думаютъ возвращать переданнаго лишка. Если передача случится по незнанію или противъ воли покупателей, то удержка считается за воровство; если же—по доброй волѣ или съ сознаніемъ, то не считается предосудительнымъ. Потому для веденія торговыхъ дѣлъ требуется у нихъ большаго ума и благоразумія; безъ этихъ способностей лучше не приниматься за нихъ.

Желая излить злобу и досаду свою на томъ изъ своихъ ближнихъ, на кого сердятся или кого ненавидятъ, Русскіе прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: такъ какъ воровство наказывается у нихъ очень строго, то они ищутъ средства и случая, какъ бы обвинить въ этомъ проступкѣ человѣка, навлекшаго на себя ихъ негодованіе. Поэтому они отправляются къ нему въ домъ, берутъ у него въ займы нѣсколько денегъ и даютъ въ залогъ платье, посу-

ду и другія вещи, а между тѣмъ тайно пробираются въ его комнату, всовываютъ ему въ сапогъ (куда Русскіе прячутъ письма, ножи, деньги и т. под.) нѣкоторыя изъ своихъ вещей и потомъ объявляютъ, что онъ укралъ ихъ. Если вещи эти найдутся у обвиняемаго, то онъ подвергается наказанію. Подобный ложный доносъ, соединенный съ обманомъ, сталъ столь обыкновеннымъ и часто пускаемымъ въ ходъ, что великій князь былъ принужденъ, еще во время нашего пребыванія въ Москвѣ въ 1643 г., въ новый годъ, обнародовать новый указъ, чтобы никто, не исключая отцовъ и сыновей, не смѣлъ ничего ни брать въ займы, ни отдавать подъ залогъ, безъ полученія въ томъ съ обѣихъ сторонъ росписки, желая этимъ отнять всякую возможность дѣлать ложные доносы. Между тѣмъ встрѣчаются еще такіе лживые судьи, которые сами тайно побуждаютъ на ложные доносы, примѣръ чему мы приведемъ ниже. Коварство и обманы до такой степени распространены между Русскими, что не только люди незнакомые и сосѣди недовѣрчиво смотрятъ другъ на друга, но и братъ опасается брата, родственникъ родственника. Вотъ извѣстный примѣръ этому:

Въ царствованіе великаго князя Бориса Годунова (Boris Gudenow), случилось (какъ намъ разсказывалъ объ этомъ Нарвскій пасторъ Мартинъ Беръ), что великій князь, заболѣвъ однажды сильною подагрою, приказалъ объявить, не сыщется ли кто нибудь, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія и состоянія, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни, за что обѣщалъ большія почести и богатства.

Жена одного боярина, который жестоко обходился съ нею, услышавъ объ этомъ, нашла, что ей представляется удобный случай отомстить своему мужу, и тотчасъ же донесла, что онъ можетъ вылечить великаго князя отъ тяготившей его болѣзни, но что изъ нелюбви къ нему не хочетъ сдѣлать этого. Боярин былъ немедленно потребованъ къ великому князю, допрошенъ, и когда объявилъ, что онъ ничего не смыслитъ въ лечебныхъ наукахъ, то его побили и посадили подъ арестъ. Когда же сказалъ онъ, что все это выдумки его жены, которая донесла на него изъ ненависти, и что онъ за это раздѣляется съ нею, то былъ битъ еще болѣе; за тѣмъ стали угрожать ему смертною казнью, въ случаѣ если онъ не избавитъ великаго князя отъ подагры. Боярин, поблѣд-

нѣвъ отъ страху и не зная на что рѣшиться, просилъ по крайней мѣрѣ хотя 14 дней отсрочки, въ которые онъ могъ бы собрать необходимыя для излеченія травы. Бѣднякъ думалъ найти въ этомъ свое спасеніе. Въ надеждѣ хотя на сколько нибудь продлить жизнь свою, онъ предполагалъ, что въ 14 дней дѣла могли принять иной благопріятный для него оборотъ. Получивъ позволеніе на отсрочку, послалъ онъ за травами въ Эцирбахъ (?) (Ezirbach), городъ, лежащій на два дни пути отъ Москвы, на рѣкѣ Окѣ, откуда привезли ему ихъ цѣлый возъ; травы росли въ окрестностяхъ этого города въ изобиліи и замѣчательны были по своей длинѣ. Боярин немедленно приготовилъ изъ нихъ ванну для великаго князя, и, къ счастью, болѣзнь прекратилась, не столько отъ ванны, сколько сама собою. Вылечивъ такимъ образомъ великаго князя, боярин хотя и побитъ былъ за то, что скрывалъ свое искусство, но былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200 рублями (400 рейхсталеровъ) и 18 душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ приказаніемъ не расчитываться съ своею женою. Послѣ этого супруги должны были жить въ согласіи.

По подобнымъ производившимся до настоящаго времени ложнымъ и враждебнымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленія его величества, обвиненный, безъ всякаго допроса и доказательствъ, подвергался наказанію: отправлялся въ ссылку или осуждался на смертную казнь. Такому незаслуженному наказанію подвергались люди не только изъ низкаго сословія, но изъ высшихъ, также какъ и иностранцы. Между Русскими подобные примѣры неисчислимы.

Въ случаѣ ложныхъ доносовъ, нѣтъ пощады и государственнымъ иностраннымъ посланникамъ. Подобное случилось съ посланникомъ Римскаго императора. По ложному доносу, онъ былъ посаженъ въ темницу и потомъ сосланъ въ отдаленное мѣсто, гдѣ, для лучшаго съ собою обхожденія, принялъ Русскую вѣру. Почти тоже самое случилось и въ наше время съ посланникомъ Французскаго короля, *Карломъ Таллерандо* (Charles Tallerando, Prince de Chales), который, по навѣту злонамѣреннаго товарища своего *Якова Рушеля* (Jacob Rouchelle), былъ оклеветанъ тайно, по русскому обычаю.

Когда же правительство Русское убѣдилось, что по большей

части клевещутъ и доносятъ другъ на друга изъ одной только ненависти и вражды, то прибѣгло къ мѣрамъ болѣе строгимъ и осторожнымъ, приказавъ, чтобы съ этихъ поръ челобитчики въ уголовныхъ дѣлахъ, для подтвержденія истины своихъ доносовъ, подвергались пыткѣ и выдерживали ее. Если доносчикъ выносилъ пытку, оставаясь при своихъ показаніяхъ, то обвиненный въ такомъ случаѣ, а также и тогда, когда дѣло было ясно, подвергался наказанію безъ слѣдствія и процесса. Подобное случилось въ наше время, когда одинъ изъ конюховъ его величества былъ обвиненъ женою своею въ намѣреніи отравить лошадей великаго князя, а при удобномъ случаѣ и его самого; по этому доносу жена была предана пыткѣ и когда выдержала всѣ мученія, оставаясь неизмѣнною въ своемъ показаніи, то мужъ ея былъ признанъ за виновнаго и сосланъ въ Сибирь; жена же его, оставаясь въ Москвѣ, получала на пропитаніе половину изъ годоваго оклада мужа.

Когда такимъ образомъ Русскіе столь коварно поступаютъ съ своими соотечественниками, ни въ чемъ не довѣряя другъ другу, то чего же должно ожидать отъ обхожденія ихъ съ иностранцами и на сколько сіи послѣдніе могутъ положиться на ихъ искренность? Если Русскіе предлагаютъ имъ свою дружбу, то дѣлаютъ это не изъ добраго побужденія (добродѣтель у нихъ не въ почетѣ, а если и поступаютъ добродѣтельно, то, по выраженію философа, единственно для достиженія какой либо эгоистической цѣли), но изъ личныхъ своихъ выгодъ и пользы. Про нихъ справедливо можно сказать:

«Vulgus amititias utilitate probat»,

т. е. «Въ чемъ дружбу чернь намъ предлагаетъ,

Въ томъ о своей лишь пользѣ помышляетъ».

Русскіе, въ особенности же тѣ изъ нихъ, кои изъ простаго званія добились до высокихъ чиновъ, разбогатѣли и снискали себѣ почести, чрезвычайно горды и спѣсивы, что они стараются выказывать не только намеками, но и открыто, словами и поступками, особенно предъ иностранцами. Ставя иноземцевъ почти ни во что въ сравненіи съ своими соотечественниками, они думаютъ также, что ни одинъ государь въ мірѣ не можетъ сравниться съ ихъ великимъ княземъ по богатству, могуществу, величеству, уваженію

и достоинству. Они не примутъ ни одного письма, адресованнаго на имя его царскаго величества, если въ заглавіи пропущенъ хотя малѣйшій титулъ или выставленъ такой, который имъ вовсе не извѣстенъ.

Такъ было довольно смѣшно, когда два Русскіе посла, будучи въ прошедшемъ году отправлены въ Голштинію къ тамошнему правительству, ни за что не хотѣли принять письма отъ его свѣтлости къ его царскому величеству, на томъ основаніи, что на конвертѣ написано было: «дядѣ и зятю» (Ohm und Schwager), титулъ, который обыкновенно писался и при прежнихъ царяхъ; настоятельно требовали они уничтоженія этихъ словъ, утверждая, что отъ нихъ зависитъ жизнь ихъ, и что будетъ уже слишкомъ, если иноземный государь назоветъ зятемъ его царское величество. Не смотря на то, имъ было доказано, что слова эти надлежащимъ, законнымъ образомъ поставлены въ грамотѣ, такъ какъ герцогъ Магнусъ Голштинскій, двоюродный братъ моего милостиваго государя, находится въ родствѣ съ предками его царскаго величества. Все это почти походило на то, что пишутъ Персы о своемъ великомъ святомъ Патронѣ: «что если онъ и не самъ Богъ, то по крайней мѣрѣ весьма близокъ къ нему по родству».

Русскіе выказываютъ неимовѣрное честолюбіе и при томъ довольно рѣзко, если ихъ не уважаешь и не почитаешь, какъ имъ того хочется. Такъ пристава (Pristaffen), назначаемые царемъ въ услуженіе посламъ, а также и для принятія ихъ, не совѣстятся открыто требовать, чтобы иностранцы снимали шляпы и сходили съ лошадей прежде Русскихъ; почти насильно добиваются они напр. того, чтобы идти или ѣхать имъ впереди пословъ, и другихъ подобныхъ почестей. Они полагаютъ, что погрѣшатъ противъ царя и цѣлаго народа, если дозволятъ себѣ вѣжливость и почтительность въ обхожденіи съ иностранными послами, которые (какъ говоритъ Fred. de Merseler (libr. I dissertat. 3) въ своемъ Legato): «Imagines Principum et principali honore digni censendi, т. е. представляютъ собою лице государей и достойны царскихъ почестей».

Самые знатные изъ Русскихъ въ письмахъ своихъ къ иностраннымъ вельможамъ допускаютъ иногда рѣзкія выраженія и дѣлаютъ пустыя придирки къ словамъ; если же имъ отвѣчаютъ тѣмъ же самымъ, то считаютъ это пристрастіемъ. При всемъ томъ, случалось

намъ встрѣчать и такихъ изъ Русскихъ, хотя и немногихъ, которые были съ нами вѣжливы и обходительны.

Вообще кажется, что въ прежнее время Русскіе были гораздо грубѣе, но теперь, въ слѣдствіе сообщенія и обращенія съ иностранцами, до сихъ поръ продолжающихся, они сдѣлались нѣсколько обходительнѣе и учтивѣе. Упомянутый мною выше Никита Ивановичъ Романовъ, между всѣми Русскими, отличается по преимуществу умомъ, обходительностью и уваженіемъ ко всему прекрасному и вмѣстѣ съ тѣмъ полезному. Вельможа этотъ можетъ считаться украшеніемъ этого народа, о чемъ обстоятельнѣе будетъ сказано мною ниже.

По честолюбію и чванству своему Русскіе не любятъ уступать другъ другу, домогаются другъ предъ другомъ высшихъ мѣстъ и входятъ по этому случаю въ большіе споры. Подобное случилось однажды во время нашего пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ. 14 іюля прибылъ изъ Москвы гофмейстеръ государственнаго канцлера, человѣкъ почтенный, для осмотра построеннаго въ этомъ городѣ корабля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для поклона посламъ. Будучи принужденъ сѣсть за столомъ подлѣ одного пристава, онъ вступилъ съ нимъ въ жестокій споръ: собака и другія бранныя слова были ихъ титулами, которыми они весьма буйно угощали другъ друга. Гофмейстеръ говорилъ, что онъ родомъ происходитъ отъ дѣтей боярскихъ, а что тотъ (т. е. приставъ) изъ простаго званія, и потому ему никакъ невозможно сидѣть ниже его; приставъ же въ свою очередь представлялъ, что онъ слуга великаго князя и потому справедливо долженъ занять высшее мѣсто. Мы были весьма огорчены и даже раздосадованы, слушая болѣе получаса продолжавшійся споръ и брань и, вѣроятно, подобная сцена продолжалась бы еще долѣе, еслибъ нѣкоторые изъ посольства не вмѣшались въ ихъ распрю и не сказали имъ, что они пригласили ихъ къ себѣ не для того, чтобы они бранью своею причинили имъ непріятность, и не попросили ихъ какъ друзей и пріятелей своихъ перестать браниться въ ихъ присутствіи. Потомъ упрашивали ихъ подружелюбнѣе и ласковѣе обходиться другъ съ другомъ. Они смолкли, и вскорѣ за тѣмъ совершенно помирились, будучи уже на веселѣ.

Русскіе вообще народъ сварливый. Они обходятся другъ съ другомъ очень грубо и бранятся самыми неприличными словами.

Часто можно встрѣтить на улицѣ двухъ или нѣсколькихъ старухъ, перебранивающихся столь сильно, что сначала можно подумать, что онѣ тотчасъ вцѣпятся другъ другу въ волосы. Впрочемъ, дѣло рѣдко доходитъ до драки; въ противномъ случаѣ, дерутся на кулакахъ, которыми изо всей силы тузятъ другъ друга по бокамъ и по брюху. Никогда не видано еще, чтобы Русскіе вызывали другъ друга биться на шпагахъ или стрѣляться на пистолетахъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ Германіи и другихъ странахъ Европы: вмѣсто того знатные люди, даже князья и бояре, какъ намъ сообщали за достовѣрное, бьютъ другъ друга плетью. Намъ самимъ случилось однажды видѣть подобную сцену, происходившую между двумя боярскими дѣтьми при отправленіи Турецкаго посольства.

Для выраженія своего гнѣва и негодованія, они не употребляютъ, какъ у насъ, общеизвѣстныя проклятія и желаніе всего дурнаго, какъ напр. sacrament, *къ чорту* (Teufelholen), *шельма*, и т. под., вмѣсто этого у нихъ въ большомъ употребленіи поносныя слова и выраженія, о которыхъ я бы ни въ какомъ случаѣ здѣсь не упомянулъ, если бы того не требовала отъ меня обязанность историка... *Въ настоящее время*, за подобныя поносныя проклятія и сквернословія положено строгое наказаніе; ослушниковъ въ такомъ случаѣ бьютъ кнутомъ и сѣкутъ розгами. Теперь на рынкахъ ходятъ между народомъ особенно назначаемые для надзора за этимъ люди съ стрѣльцами и палачами, приказываютъ схватывать ругателей и тутъ же, *на мѣстѣ преступленія, для примѣра прочимъ*, наказывать розгами. Но съ давнихъ временъ укоренившаяся привычка сквернословить, требуя повсюду строгаго и неусыпнаго присмотра, причиняетъ надзирателямъ, судьямъ и самимъ палачамъ столь невыносимую работу, что имъ уже наскучило задерживать и наказывать *на каждомъ почти шагу ругающійся и бранящійся* народъ.

Для предотвращенія сквернословія и охраненія отъ поносныхъ ругательствъ и оскорбленій всякаго, какого бы онъ ни былъ сословія, правительство издало слѣдующее постановленіе: кто обругаетъ знатнаго человѣка, его жену, или когобъ то ни было изъ слугъ государя, *Русскій ли это будетъ или иностранецъ*, долженъ платить штрафъ за оскорбленіе, или, какъ говорятъ Русскіе, *за безчестье*, (biscestia безабіен). Сумма за подобное безчестье опредѣляется зва-

ніемъ и жалованьемъ обиженнаго лица, которое называется у нихъ *окладомъ* (oklad); окладъ этотъ назначается у Русскихъ за службу, каждому въ извѣстной степени. Такъ, боярамъ, смотря по ихъ происхожденію, заслугамъ и состоянію, назначается извѣстная сумма денегъ, одному 2000 талеровъ, другому 1500, третьему 1000 и т. д. Царскимъ слугамъ безчестье платится по ихъ годовому окладу; такъ медику выдается 600 талеровъ годоваго оклада (при чемъ деньги выплачиваются не понедѣльно). Всю эту сумму обязанъ заплатить обидчикъ оскорбленному имъ лицу, если этотъ послѣдній требуетъ отъ него платежа предъ судомъ. Безчестіе причиняется не только мужчинамъ, но также женщинамъ и дѣтямъ; въ такомъ случаѣ, за безчестіе дочери платится 1800, а за сына — 600 талеровъ. Если кто обругаетъ чьихъ либо родителей, также дѣда или бабку (что часто случается между легкомысленными и гнѣвными повѣсами), то все таки долженъ платить за безчестіе, не смотря на то, что обиженныхъ ими лицъ уже давно нѣтъ въ живыхъ. Въ случаѣ же несостоятельности поносителя, когда онъ не можетъ заплатить безчестія ни деньгами, ни имуществомъ, онъ выдается головою обиженному, который воленъ поступать съ нимъ такъ, какъ ему будетъ угодно; часто такой должникъ становится или холопомъ обиженнаго имъ лица, или публично наказывается розгами.

Плата за безчестіе имѣетъ полную силу и между Нѣмцами, въ случаѣ если кто либо изъ нихъ обругаетъ или озлословитъ другъ друга, что впрочемъ случается весьма рѣдко. Мнѣ извѣстны только два единственные тому примѣра. Въ царствованіе великаго князя Михаила Ѳедоровича, когда одинъ старый Англичанинъ, по имени *Іоаннъ Барнеслей* (Johann Barnesley) долженъ былъ заплатить безчестіе лейбъ-медику великаго князя, доктору *Дею* (Diy), также Англичанину. Немного позже, полковникъ *Бокеховенъ* младшій (Bockehoffen) потребовалъ платы за безчестіе отъ капитана *Де-Ла-Коста* (de-la-Coste), родомъ Француза; но такъ какъ Бокеховенъ ранѣе былъ приговоренъ къ подобному же наказанію за безчестіе, причиненное имъ одному Французу (который, какъ будетъ сказано ниже, принадлежалъ къ числу перекрещенцевъ) *Антону де Гроену* (Anton de Groen), хорошему пріятелю де-ла-Коста, то противники порѣшили тѣмъ, что кончили дѣло дружелюбнымъ образомъ, ибо одно безчестіе уничтожается другимъ.

Русскіе не отличаются большою учтивостью, скромностью и степенностью въ обхожденіи; всѣ эти прекрасныя качества у нихъ почти совершенно скрыты. Они обыкновенно потягиваются и громко рыгаютъ на тайныхъ собраніяхъ, что случается съ нѣкоторыми совершенно невольно. Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ славными, достопамятными дѣлами своихъ предковъ, ни стараясь узнать что либо о состояніи иностранныхъ земель, Русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Я не говорю здѣсь о собраніяхъ знатныхъ русскихъ бояръ. Всѣ рѣчи и разговоры ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ. Такъ обыкновенно ведутъ они рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, о прелюбодѣяніяхъ, совершенныхъ частью ими, а частью и другими; тутъ же передаются разнаго рода постыдныя сказки, и тотъ, который можетъ наилучшимъ образомъ сквернословить и отпускать разныя пошлыя шутки, выражая ихъ самыми наглыми тѣлодвиженіями, считается у нихъ пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Къ этому же самому направлены и танцы ихъ, полные самыхъ страстныхъ тѣлодвиженій.

Невозможно вообразить, до какой степени предаются они чисто животнымъ побужденіямъ и прелюбодѣянію; нѣкоторые изъ нихъ до крайности загрязнили себя этимъ порокомъ...

Вмѣстѣ съ вожатыми медвѣдей, можно встрѣтить у Русскихъ комедіянтовъ, которые, между прочимъ, представляютъ разныя шутки посредствомъ куколъ (или Ninft, какъ называютъ ихъ Голландцы); для этого устраиваютъ они изъ холста, обвязаннаго вокругъ тѣла, родъ сцены, помѣщающейся надъ ихъ головами, на которой куклы представляютъ разнаго рода фарсы. Съ такими подвижными театрами ходятъ русскіе комедіанты по улицамъ.

«Omnem pudorem ac verecundiam exuerunt», говоритъ упомянутый нами датскій посолъ Якобъ.

Нѣсколько разъ удавалось самимъ намъ видѣть въ Москвѣ, какъ мужчины и женщины для прохлажденія себя выходили изъ бань совершенно голыми, какъ Богъ сотворилъ ихъ: они шли къ намъ на встрѣчу и подзывали къ себѣ молодежь нашу ломаными нѣмецкими словами. Къ подобному разврату сильно побуждаетъ ихъ праздность:

Ежедневно можно видѣть, какъ они цѣлыми сотнями стоятъ и шатаются на рынкахъ или на площади предъ Кремлемъ, совершенно безъ всякаго дѣла. Къ тому же не мало располагаетъ ихъ и пьянство, которому они преданы сильнѣе всякаго другаго народа въ свѣтѣ. «Venter mero aestuans cito despumat in libidinem», говоритъ *Іеронимъ* въ 83 письмѣ. Наполнивши себя виномъ чрезъ мѣру, они, подобно неукротимымъ дикимъ звѣрямъ, готовы бываютъ на все, къ чему побуждаютъ ихъ необузданныя страсти. Порокъ этотъ—пьянство до такой степени распространенъ въ народѣ, что ему предаются всѣ сословія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, богатые и бѣдные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь тамъ и самъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи на улицѣ, то это считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Такъ, если какой нибудь извощикъ встрѣтитъ лежащаго на улицѣ въ такомъ положеніи знакомаго ему пьянаго человѣка, то кладетъ его на свою телѣгу и увозитъ домой, за что, разумѣется, протрезвившійся платитъ ему потомъ деньги. Никто изъ Русскихъ никогда не откажется отъ вина и не упуститъ случая выпить и опохмѣлиться какимъ бы то ни было горячимъ напиткомъ, преимущественно же простою водкой; у нихъ считается за большую честь, если кто либо въ собраніи или въ гостяхъ поднесетъ другому чарку вина (Tzarco wino): простой народъ, холопы и крестьяне до такой степени дорожатъ этимъ подчиваньемъ, что если кто либо изъ знатныхъ людей будетъ подносить имъ изъ своихъ собственныхъ рукъ, то они изъ боязни и неприличія отказать ему, будутъ пить до тѣхъ поръ, пока не упадутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдадутъ Богу душу, какъ это случалось не одинъ разъ при насъ, когда люди изъ нашего посольства подчивали и принуждали ихъ пить. Не только простой народъ, но также знатные сановники и даже великокняжескіе послы, обязанные въ чужихъ земляхъ свято соблюдать высокое свое назначеніе, не знаютъ мѣры въ предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напиткахъ, и если напитки эти имъ понравятся, то тянутъ ихъ какъ воду, совершенно теряя разумъ, а иногда падая замертво. Подобный случай былъ съ великимъ посломъ, отправленнымъ къ шведскому королю Карлу XI. Посолъ этотъ, не смотря на предостереженіе, напился до такой степени, что на другой день, когда слѣдовало ему отправиться на аудіенцію, былъ найденъ мертвымъ въ постели.

Во время нашего пребыванія въ Россіи, повсюду можно было находить публичные кабаки (Кабакен) и шинки, куда каждый могъ войти, сѣсть и пить на свои деньги; сюда-то простолюдинъ уносилъ все, что ни наживалъ и пилъ до тѣхъ поръ, пока не снималъ съ себя платья, даже рубашки и не отдавалъ ихъ за вино цѣловальнику: тогда нагишомъ, какъ родился на свѣтъ, выходилъ онъ изъ кабака и отправлялся домой. Въ бытность мою въ Новгородѣ въ 1643 г. помѣщаясь въ гостинницѣ, что на Любскомъ подворьѣ; находившейся недалеко отъ кабака, мнѣ часто случалось видать подобныхъ пропившихся малыхъ; иные зачастую выходили изъ кабака безъ шапки, безъ сапоговъ и чулокъ въ одной рубашкѣ. Между ними одинъ въ особенности обратилъ на себя мое вниманіе. Пропивъ сначала кафтанъ свой, и выбравшись изъ кабака въ одной рубашкѣ, встрѣтился онъ съ однимъ хорошимъ своимъ пріятелемъ, который также направлялся къ кабаку, и поговоривъ съ нимъ немного, ушелъ съ нимъ туда обратно. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ вышелъ оттуда уже безъ рубашки, только въ однихъ портахъ, и на вопросъ мой, куда дѣвалъ онъ свою рубашку, съ обыкновенною бранью отвѣчалъ, что ее взялъ у него цѣловальникъ.

Съ недавняго времени, всѣ частные кабаки уничтожены, такъ какъ правительство нашло, что они отвлекаютъ народъ отъ работы и представляютъ ему удобный случай пропивать заработанныя деньги; теперь уже никто не получитъ вина на 2 или на 3 копѣйки, шиллингъ или грошъ. Вмѣсто этихъ частныхъ кабаковъ, его царское величество приказалъ учредить въ каждомъ городѣ кружечные дворы (Crusisnoj dwor), откуда вино отпускается во всѣ шинки и кабаки; ими завѣдываютъ двое присяжныхъ, которые должны ежегодно вносить въ казну его царскаго величества извѣстную сумму денегъ. Несмотря однакожъ на эту благоразумную мѣру, пьянство не уменьшается; и теперь иногда сосѣди собираютъ у себя пирушки, на которыхъ выпиваютъ все закупленное ими вино, въ слѣдствіе чего иногда безъ чувства валятся на полъ другъ подлѣ друга. Иные покупаютъ вино въ большомъ количествѣ и потомъ продаютъ его въ розницу. Теперь уже не видать нагихъ пропившихся малыхъ, но все таки число шатающихся и валяющихся на улицахъ пьяницъ не уменьшается.

Женщины не считаютъ себѣ за стыдъ напиваться до пьяна и падать подлѣ мужей своихъ. Въ бытность мою въ Нарвѣ, случилось мнѣ видѣть на постояломъ дворѣ, въ Ниховѣ (Niehoffe), презабавныя вещи, когда нѣсколько Русскихъ женщинъ пришли къ своимъ мужьямъ, сѣли подлѣ нихъ и преспокойно начали пить водку. Напившись до пьяна, мужья вздумали отправиться домой, но жены воспротивились этому, и не смотря на то, что получили отъ мужей достаточное количество оплеухъ, все жъ таки настояли на своемъ; въ скоромъ времени мужья свалились на землю и заснули, а жены, сѣвши на нихъ, продолжали пить до тѣхъ поръ, пока не послѣдовали примѣру своихъ мужей. Хозяинъ (*) въ Нарвѣ, разсказывалъ намъ, что подобныя же сцены разыгрывались на его свадьбѣ. Мужья, будучи уже на веселѣ, начали бить женъ своихъ, ради одного только своего удовольствія, и потомъ снова стали пить съ ними; жены же, сидя на заснувшихъ мужьяхъ своихъ, пили до тѣхъ поръ, пока не свалились другъ подлѣ друга и не заснули сами. Легко можно представить себѣ послѣ этого, въ какомъ положеніи должно находиться воспитаніе и на сколько, при подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть развиваемо чувство чести.

Русскіе большіе любители табаку. Прежде почти каждый изъ нихъ носилъ его при себѣ; самый бѣднѣйшій изъ нихъ скорѣе отдавалъ послѣднюю копѣйку за табакъ, чѣмъ за хлѣбъ. Въ 1643 году великій князь, по совѣту патріарха, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ частныхъ кабаковъ, совершенно запретилъ какъ продажу, такъ и употребленіе табаку, ибо хорошо понималъ, что онъ не приноситъ людямъ никакой пользы, а напротивъ только вредитъ имъ: такъ слуги и крѣпостные люди, не говоря уже о простомъ народѣ, предавшись куренію табаку, отвлекались отъ работъ, а отъ неосторожнаго обхожденія съ огнемъ происходило много пожаровъ. Притомъ патріарху чрезвычайно не нравилось, что народъ, стоя предъ святыми иконами, предъ которыми воскуряется ладанъ и другіе благовонные епміамы, издаетъ отъ себя скверный табачный запахъ. Ослушниковъ наказываютъ весьма строго: имъ вырываютъ ноздри и публично сѣкутъ розгами, примѣръ чему мы видѣли сами, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, въ статьѣ о Русскомъ судопроизводствѣ.

(*) Якобъ фонъ-Келленъ (Jakob von Kellen).

Русскихъ, при ихъ природной суровости и грубости нравовъ, необходимо держать въ жестокомъ рабствѣ: такъ на работу ихъ должно сгонять палками и плетьми, что впрочемъ сносятъ они весьма терпѣливо; подобныя мѣры согласуются съ степенью ихъ нравственнаго развитія, да они и привыкли къ нимъ.

Молодые и притомъ еще не совсѣмъ взрослые парни сходятся по извѣстнымъ днямъ для кулачныхъ боевъ и бьютъ другъ друга, думая пріучить себя къ побоямъ и тѣмъ легче переносить наказанія, которымъ они могутъ подвергнуться. Всѣ они (Русскіе) рабы и крѣпостные. У нихъ существуетъ обыкновеніе унижаться предъ знатными вельможами; для этого они бросаются на землю, валяются въ ногахъ и притомъ благодарятъ за наказанія и за наносимые имъ побои.

Всѣ подданные, какъ изъ низшаго, такъ и изъ высшаго сословія, называютъ себя рабами, холопами (Goloppen) своего царя, и дорожатъ этимъ наименованіемъ. Вельможи и знатные люди также имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Князья и бояре, желая выразить рабство свое и ничтожество предъ государемъ, въ подписяхъ на челобитныхъ грамотахъ, называютъ себя уменьшительными именами, какъ напр. *Ивашкомъ* (Jwaska) вмѣсто Ивана, *Петрушка холопъ твой* (Petruske gollop twoj) и т. п. Великій князь въ разговорѣ съ кѣмъ либо изъ своихъ подданныхъ употребляетъ такія же названія. Вельможи за преступленія свои подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какъ и простой народъ. Поэтому они обыкновенно говорятъ, что все, чѣмъ они ни владѣютъ, принадлежитъ Богу да Государю.

Иностранцы, состоя на службѣ у великаго князя, должны также предъ нимъ унижаться, повиноваться ему и исполнять все, что онъ имъ ни прикажетъ, не смотря на то, будетъ ли это приказаніе согласоваться съ ихъ желаніемъ или нѣтъ. Сколь легко вельможи удостоиваются получить отъ великаго князя ласковый взглядъ, то столь же скоро могутъ заслужить и его немилость.

Въ прежнія времена, если кто изъ лейбъ-медиковъ давалъ лекарства, не оказывающія надлежащаго дѣйствія, или если не вылечивалъ кого либо изъ своихъ паціентовъ, то подвергался большой немилости, и тогда съ нимъ обходились какъ съ рабомъ. Извѣстенъ случай, бывшій съ медикомъ великаго князя Бориса Годунова. Въ

1602 г. прибылъ въ Москву герцогъ Іоаннъ, братъ короля Датскаго Христіана IV, и вскорѣ опасно заболѣлъ; великій князь приказалъ съ угрозою, чтобы лекаря употребили все свое искусство и не дозволили умереть герцогу. Къ сожалѣнію, ни одно лекарство не подѣйствовало, и когда герцогъ умеръ, то всѣ лекаря должны были укрыться и долгое время не показываться на глаза государю.

Въ числѣ прочихъ лекарей, состоявшихъ на службѣ у Бориса Годунова, былъ одинъ Нѣмецъ, котораго самъ царь назвалъ докторомъ. Однажды лекарь этотъ вздумалъ проситься у него съѣздить въ одинъ изъ Германскихъ университетовъ для полученія степени доктора. «Чтобы это значило, быть докторомъ, спросилъ царь, въ чемъ состоитъ эта степень и какъ она получается?» Лекарь отвѣчалъ, что для полученія докторской степени онъ долженъ держать экзаменъ, и если признаютъ его способнымъ, то въ доказательство того дадутъ ему свидѣтельство за подписью членовъ медицинскаго факультета и съ приложеніемъ печати. Тогда великій князь сказалъ ему: «деньги, необходимыя на дорогу, ты можешь лучше сохранить у себя; я же испыталъ твое искусство (ибо раньше онъ вылечилъ его отъ подагры), а потому дѣлаю тебя докторомъ, и въ доказательство этого дамъ тебѣ свидѣтельство, а выѣзжать изъ государства моего ты не долженъ». Спустя нѣсколько времени, великій князь, почувствовавъ возобновившуюся боль отъ подагры, приказалъ призвать къ себѣ своего Московскаго доктора; этотъ же вообразивъ, что его хотятъ лишить жизни, одѣлся въ старое, разорванное платье, встрепалъ себѣ волосы и на четверенькахъ вползъ въ двери къ великому князю, говоря, что онъ, подвергнувшись опалѣ, недостоинъ жить болѣе на свѣтѣ, тѣмъ менѣе видѣть его царскія очи. Случившійся тутъ бояринъ, желая угодить великому князю, ударилъ его носкомъ сапога въ голову такъ сильно, что изъ нее потекла кровь, и обругалъ собакой (sabak). Докторъ, замѣтивъ милостивый взглядъ государя, спѣшилъ воспользоваться этимъ нанесеннымъ ему оскорбленіемъ и продолжалъ жалобнымъ голосомъ: «о, великій царь! я, рабъ твой, прегрѣшилъ противъ тебя, и осужденный на смерть почту великимъ для себя счастіемъ умереть отъ рукъ твоихъ; но горько мнѣ, что холопъ твой опозорилъ меня, такъ какъ я знаю, что ты не позволишь каждому столь жестоко ругаться надъ твоимъ слугою». Такая покорная рѣчь

утишила гнѣвъ великаго князя; докторъ получилъ 500 руб. награды, прочіе медики освобождены, а боярин былъ битъ.

Что же касается до рабовъ и крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ вельможамъ и знатнымъ лицамъ, то число ихъ велико до невѣроятности; иные только на дворѣ своемъ держатъ отъ 50 до 100 человѣкъ. Тѣ изъ крѣпостныхъ людей, которые живутъ въ Москвѣ, не обѣдаютъ на дворахъ господъ своихъ, а получаютъ харчевыя деньги, столь впрочемъ незначительныя, что едва могутъ на нихъ прокормиться; въ слѣдствіе этого въ Москвѣ много воровъ и убійцъ. Такъ, во время нашего пребыванія въ этомъ городѣ, не проходило ночи, чтобы не было какой либо покражи въ комнатахъ нашихъ людей. Часто случается, что воры и мошенники запираютъ домохозяина въ его комнатѣ, и, обкрадывая ее, заставляютъ его молчать, если онъ не въ силахъ защищаться и не желаетъ, чтобы домъ его былъ сожженъ. Для избѣжанія подобной опасности, на дворахъ бояръ и другихъ знатныхъ вельможъ содержатся сторожа, обязанные карауллить домъ и каждый часъ бить въ деревянную доску. Но эта мѣра помогаетъ мало: такіе караульщики не только что не защищаютъ и не оберегаютъ господъ своихъ, но еще пролагаютъ мошенникамъ дорогу, воруютъ вмѣстѣ съ ними и потомъ убѣгаютъ, а потому въ настоящее время никто не беретъ себѣ сторожей изъ крѣпостныхъ, но извѣстныхъ, испытанныхъ и честныхъ людей изъ гражданъ. Самыя улицы отъ подобныхъ мошенниковъ не совсѣмъ безопасны; тотъ кто не имѣетъ при себѣ хорошаго оружія и идетъ одинъ, непремѣнно подвергнется нападенію, что и случилось съ нами. Однажды, нѣкоторые изъ нашихъ, пробывъ почти за полночь у одного изъ своихъ пріятелей, возвращались домой; на дорогѣ, шедшій впереди товарищъ нашъ наткнулся на двухъ разбойниковъ: немедленно прибѣжали мы на крикъ его и, успѣвъ схватить одного изъ мошенниковъ (другой же скрылся), поколотили его порядкомъ.

Въ другой разъ, поваръ нашъ, возвращаясь домой одинъ поздно ночью изъ одного дома, гдѣ было въ гостяхъ и все посольство наше, былъ застрѣленъ на дорогѣ. Вскорѣ послѣ этого убитъ былъ гофмейстеръ шведскаго посольства *Арентъ Шпирингсъ* (Arent Spierings), также возвращаясь домой ночью отъ своего пріятеля; 8 дней спустя, колетъ его, забрызганный кровью, продавался на рынкѣ.

Почти тоже самое случилось съ лейтенантомъ нашимъ *Іоанномъ Китомъ* (Johann Kit). Вмѣстѣ со мною былъ онъ на свадьбѣ у одного Нѣмца (это было уже по возвращеніи нашемъ изъ Персіи) и не желая идти вмѣстѣ, одинъ вздумалъ отправиться домой за нѣсколько минутъ до нашего выхода. На дорогѣ напали на него разбойники и избили до такой степени, что онъ на другой же день умеръ, пролежавъ всю ночь безъ памяти.

Подобныя убійства между Русскими неизчислимы. Не проходитъ ночи, чтобы на другой день на улицѣ не нашли мертваго, совершенно обезображеннаго человѣка. Въ большіе праздники, особенно на масляной недѣлѣ, предъ великимъ постомъ, когда простой народъ пьянствуетъ и безумствуетъ въ высшей степени, убійства случаются еще чаще. Въ наше время, въ продолженіе 11-ти дней декабря, было убито до 15-ти человѣкъ, какъ это показано было Земскимъ Дворомъ (Semiſche Twor). Если кто либо въ семействѣ замѣтитъ ночью, что такого то изъ родныхъ его не оказывается на лицо, то прямо отправляется на улицы отыскивать пропавшаго, и если найдетъ его мертвымъ, увозитъ утромъ домой; тѣхъ же, которыхъ не узнаютъ, оставляютъ на мѣстѣ злодѣянія и предаютъ погребенію безъ всякихъ обрядовъ. Случилось однажды, что мошенники изъ крѣпостныхъ людей осмѣлились днемъ напасть на лейбъ-медика его царскаго величества *Г. Гартмана Грамена* (Hartmann Gramen); они схватили его и уже готовы были отрѣзать ему пальцы (онъ несъ печатку), еслибъ не случился въ это время одинъ князь, большой другъ и пріятель доктора, и не послалъ людей своихъ вырвать несчастнаго изъ рукъ разбойниковъ. Самые горожане, при столь частыхъ убійствахъ, сдѣлались жестокосердыми: такъ услышавъ, что подъ окнами ихъ дома грабятъ и рѣжутъ, они зачастую не подаютъ помощи несчастному. Въ настоящее время, какъ я слышалъ, послѣдовало благоразумное распоряженіе Правительства, состоящее въ томъ, чтобы на всѣхъ перекресткахъ улицъ стояла по ночамъ стража изъ стрѣльцовъ или солдатъ, и чтобы всякій, поѣдетъ ли онъ верхомъ, или пойдетъ пѣшкомъ, имѣлъ при себѣ фонарь; притомъ, стражѣ приказано окликать проходящихъ; не отвѣчающихъ на окликъ задерживаютъ и отправляютъ въ Стрѣлецкій Приказъ (Streliz Prikas), гдѣ на другой день они допрашиваются, и послѣ допроса или отпускаются домой, или предаются пыткѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, во время сѣнокосовъ, дорога по сю сторону отъ Москвы на 20 миль весьма опасна, такъ какъ крѣпостные люди, большею частію мошенники, работаютъ на господъ своихъ на всемъ ея протяженіи. Около этого мѣста есть гора, которой путешественники должны еще издали остерегаться, ибо многіе уже изъ нихъ были ограблены, убиты и зарыты въ ней. Въ случаѣ, если кто либо пожалуется на мошенничество крѣпостныхъ людей господамъ ихъ, не заботящимся объ ихъ пропитаніи и одеждѣ, то эти послѣдніе по большей части смотрятъ сквозь пальцы на эту жалобу.

Случается, что крѣпостные люди, по смерти господъ своихъ, отпускаются на волю (отпускаются они также и добровольно при жизни владѣльцевъ), но бѣдные отпущенники, не имѣя чѣмъ питаться, снова продаютъ себя въ неволю и потому нисколько не дорожатъ свободою. «Тѣ, которые по природѣ своей варвары, говоритъ умный Аристотель (Lib. 3 Polit. cap. 14), не могутъ жить иначе какъ въ рабствѣ». То, что сказалъ Аристотель объ Іонянахъ, живущихъ въ малой Азіи и считавшихъ себя по происхожденію отъ Грековъ, можно примѣнить и къ Русскимъ: «quod in libertate mali, in servitute boni sunt» (Plut. apoth.). Всякій вельможа, владѣющій крестьянами, воленъ продавать, или дарить ихъ кому захочетъ. Но касательно отношеній отца къ дѣтямъ и наоборотъ, существуетъ слѣдующее узаконеніе: отецъ не имѣетъ права продать своего сына (чего впрочемъ никто теперь не дѣлаетъ), и не долженъ соглашаться на желаніе его служить кому либо изъ знатныхъ вельможъ: сынъ его сдѣлаетъ лучше, если останется дома и просидитъ голодный, чѣмъ пойдетъ въ услуженіе, такъ какъ онъ долженъ быть на столько гордъ, чтобы считать себѣ за стыдъ быть слугою у кого либо изъ постороннихъ. Если кто либо изъ должниковъ не можетъ уплатить своего долга, то можетъ заимодавцу отдать дѣтей своихъ въ услуженіе на извѣстное время; за сына платится 10, а за дочь 8 рейхсталеровъ. По окончаніи срока службы и по уплатѣ долга, заимодавецъ обязанъ отпустить ихъ домой. Если же дѣти не согласятся на подобную мѣру со стороны ихъ родителей, то сіи послѣдніе требуютъ отъ нихъ этого чрезъ судъ, и если будетъ доказано, что родители въ самомъ дѣлѣ несостоятельны, то Русское Правительство приказываетъ платить дѣтямъ за нихъ. Тогда они

идутъ въ кабалу (Kabalie) и даютъ письменное свидѣтельство, по которому обязываются служить, подобно крѣпостнымъ людямъ, заимодавцу отца своего.

Русскіе весьма способны вести войну и охотно идутъ на нее, такъ какъ находятся въ рабствѣ и ведутъ жизнь суровую; иногда они обнаруживаютъ удивительную отвагу и оказываютъ чудеса храбрости. По законамъ римскихъ императоровъ Граціана, Валентина и Ѳеодосія, рабы и люди неизвѣстные не допускались въ Римское войско; узаконеніе это объясняется тою благородною цѣлью, которую имѣли въ виду поступавшіе въ римское войско (именно добродѣтель и человѣколюбіе) (Martian. L. 11 ff. mil. Cod. Theod. l. 7. tit. 2). Теперь же по большей части цѣль эта состоитъ въ грабежѣ, убійствахъ и желаніи обогатиться. Къ настоящему времени можно отнести слѣдующія слова Виргилія: dolus an virtus, quis in hoste requirat?

Русскіе съ удивительною твердостью и терпѣніемъ переносятъ всѣ трудности войны, если ими руководятъ храбрые искусные и опытные военачальники, въ чемъ они терпятъ впрочемъ большой недостатокъ; подъ предводительствомъ такихъ полководцевъ, они оказываютъ большую храбрость и геройскую отвагу, болѣе впрочемъ въ укрѣпленіяхъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, въ чемъ убѣждаетъ насъ примѣръ храбрости двухъ Русскихъ, оказанный ими при сдачѣ крѣпости Нотебурга. Подобное же мужество и твердость выказали Русскіе въ войнѣ съ Поляками въ 1579 году, когда при взятіи непріятелемъ города *Сукола* (Sukol), они не хотѣли отступить ни на шагъ и мужественно бились съ врагомъ, не смотря на то, что отъ зажженныхъ домовъ горѣло на нихъ платье. Объ этой геройской защитѣ можно читать въ хроникѣ Лифляндской *Геннинга* (Henninges) на 20 стр. Здѣсь же упоминается и объ осадѣ *Падиса* (Abtey Padis) въ Лифляндіи. Будучи заключены въ этомъ городѣ непріятелемъ, Русскіе до такой степени изнурились отъ голода, что при сдачѣ крѣпости были не въ силахъ выйти на встрѣчу Шведамъ, даже до крѣпостныхъ воротъ. Писатель этотъ съ удивленіемъ прибавляетъ потомъ: «вотъ настоящіе воины, которые умѣютъ держаться въ крѣпостяхъ; по желанію начальника своего они отваживаются на все!» Въ битвахъ на открытомъ полѣ и въ осадѣ крѣпостей и городовъ Русскіе дѣйствуютъ не всегда

удачно. Обыкновенно предпринимаютъ они походы на Поляковъ, Шведовъ и Литовцевъ, и то на короткое время, и случается, что часто бѣгутъ отъ непріятеля вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его. Такъ въ прошедшемъ году, въ войнѣ съ Поляками, осаждали они Смоленскъ, но не смотря на многочисленность войска, состоявшаго изъ 200,000, потерпѣли неудачу, точно такъ же какъ и въ 1632 году, когда съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ они должны были отступить отъ этого города. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло не обошлось безъ подозрѣнія. Неудачу первой осады приписали измѣнѣ генерала *Шенна* (Schein); въ прошедшемъ же году, походъ былъ безуспѣшенъ отъ другихъ неизвѣстныхъ причинъ.

Русскіе, въ особенности простой народъ, находясь въ жестокомъ рабствѣ у господъ своихъ, весьма терпѣливо сносятъ всѣ причиняемыя имъ притѣсненія; если же притѣсненія эти перейдутъ за извѣстную мѣру, то къ нимъ можно отнести слѣдующія слова: «patientia saepe laesa fit tandem furor». Тогда они возстаютъ, и величайшая опасность угрожаетъ не столько высшему начальству, сколько низшему, если напр. они притѣсняются симъ послѣднимъ или людьми изъ ихъ сословія и не видятъ защиты отъ высшаго начальства. Когда они ожесточаются, то не очень легко бываетъ усмирить ихъ; тогда пренебрегаютъ они всѣми предстоящими имъ опасностями, способны на всякое насиліе и становятся безумными людьми.

Очень хорошо понималъ это бывшій великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, доказательствомъ чему служитъ слѣдующій примѣръ. По окончаніи упомянутаго нами выше неудачнаго похода подъ Смоленскъ, Русское войско требовало выдачи своего генерала, жалуясь на его измѣну, въ которой онъ былъ обвиняемъ не безъ причины; но просьбы войска не уважили: съ жалующимися поступлено было жестоко, и всеобщее возстаніе готово было вспыхнуть. Опасаясь этого, великій князь принужденъ былъ, въ угожденіе народу, дать обѣщаніе, что онъ казнитъ Шенна и для того, чтобы послѣдній скорѣе покорился своей участи, употребили слѣдующую хитрость: за нѣсколько дней до казни объявили Шенну, что его выведутъ на эшафотъ только для виду, за тѣмъ, чтобы народъ могъ видѣть исполненіе царскаго обѣщанія, но что онъ останется живъ и будетъ пользоваться прежнею царскою милостью, а между тѣмъ

утишится и волненіе народа. Утѣшаясь подобною надеждою (еще болѣе увеличившеюся отъ увѣренія патріарха, къ которому осужденный питалъ большое уваженіе), Шеинъ взошелъ на эшафотъ и легъ на плаху; но по приказанію: «руби», палачь опустилъ топоръ, и окровавленная голова воеводы упала на помостъ эшафота.

Въ этотъ же самый день сынъ Шеина, по требованію народа, былъ засѣченъ до смерти кнутомъ за то, что вмѣстѣ съ отцемъ участвовалъ въ походѣ Смоленскомъ, а нѣкоторые изъ друзей и пріятелей воеводы были сосланы въ Сибирь. Народъ былъ удовлетворенъ и возстаніе утихло. Все это случилось въ іюнѣ мѣсяцѣ 1633 года.

Войну за Смоленскъ, хотя и не слишкомъ обстоятельно, описалъ *Піасецiусъ* въ своей *Chronica memorabilium in Europa* (pag. 462); описаніе ея можно найти подъ 1633 и 1634 годами.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, при описаніи двухъ страшныхъ бунтовъ, бывшихъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, мы увидимъ еще два примѣра долготерпѣнія Русскихъ, переходящаго потомъ въ ужасное озлобленіе и открытое возстаніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О домашнемъ бытѣ, пищѣ и образѣ жизни Русскихъ.

Домашній бытъ Русскихъ. — Купанья. — Рыбная икра. — Хорошее Нѣмецкое пиво. — Ледники. — Медъ. — Пиры у Русскихъ. — Доходы вельможъ. — Русскіе спятъ послѣ обѣда.

Что касается до домашняго быта Русскихъ, то каждый изъ нихъ живетъ себѣ, какъ ему нравится, ничѣмъ не стѣсняясь, но сообразно съ образомъ жизни того сословія, къ которому принадлежитъ. Вообще же можно сказать, что они живутъ худо и мало заботятся о своемъ хозяйствѣ. Знатные вельможи и богатые купцы живутъ въ великолѣпныхъ палатахъ, выстроенныхъ впрочемъ еще не очень давно, именно только за 30 лѣтъ предъ симъ; раньше этого времени они проживали въ дурныхъ домахъ. Остальныя сословія, въ особенности простолюдины, не тратятся много на постройку своихъ домовъ; они живутъ въ худыхъ, низкихъ домахъ,

снабженныхъ незначительною, для нихъ же весьма рѣдкою домашнею утварью: по большей части встрѣчаешь въ нихъ не болѣе 3 или 4-хъ глиняныхъ или деревянныхъ горшковъ и столько же деревянныхъ блюдъ. Оловянной или серебряной посуды, какъ напр. медовыхъ или водочныхъ кубковъ, у нихъ очень мало. Они не слишкомъ много обращаютъ вниманіе на то, чиста или не чиста ихъ посуда; даже и у великаго князя подавали намъ кушанье въ почернѣвшей и измятой посудѣ, точь въ точь въ такой, какую встрѣтишь иногда у дурнаго домохозяина, который не чистилъ ее, можетъ быть, цѣлый годъ. Почти ни въ одномъ, будетъ ли то домъ бѣдный или богатый, не увидишь посуды, выставленной для украшенія комнаты; только однѣ голыя стѣны, покрытыя паутиною, да 2 или 3 образа, вотъ все что можно замѣтить, даже въ свѣтлицахъ богатыхъ бояръ. Русскіе весьма мало, почти совсѣмъ не употребляютъ пуховиковъ; по большей части они спятъ на подушкахъ, рогожкахъ, соломѣ, и на своихъ платьяхъ. Спятъ же они на лавкахъ, а зимой, какъ въ Нижней Германіи и Лифляндіи, на печкѣ, въ которой приготовляются кушанья. Въ верхнихъ частяхъ своихъ печь устраивается въ видѣ площадки, куда на ночь забирается мужъ съ своею женою, дѣти, и слуга и спятъ всѣ вмѣстѣ. Подъ печками и лавками, въ нѣкоторыхъ домахъ, можно найти свиней и куръ.

Русскіе не привыкли къ изысканнымъ кушаньямъ и сластямъ разнаго рода; обыкновенная пища ихъ состоитъ въ кашѣ, рѣпѣ, капустѣ, и огурцахъ, свѣжихъ и солёныхъ. Въ Москвѣ, по большей части, употребляютъ въ пищу соленую рыбу, которая отъ долгаго сбереженія издаетъ непріятный запахъ, что впрочемъ не мѣшаетъ ѣсть ее съ большою охотою. Еще издали, прежде нежели увидишь русскій рыбный базаръ и войдешь въ него, уже чувствуешь по запаху, что къ нему приближаешься. Отличныя, тучныя пастбища служатъ причиною тому, что баранье, телячье и свиное мясо у Русскихъ очень вкусно, при томъ оно у нихъ въ изобиліи и очень дешево, такъ какъ они, соблюдая посты, по нѣкоторымъ днямъ недѣли ѣдятъ одну только рыбу. Къ тому же, Русскіе, умѣя приготовлять изъ рыбы, тѣста, овощей и зелени разнаго рода кушанья, почти и не нуждаются въ мясѣ. Такъ однажды, по царской милости, во время поста, угощали насъ обѣдомъ, состоявшихъ изъ сорока

разнаго рода постныхъ блюдъ. Между прочими кушаньями, приготовляются у Русскихъ особеннаго рода печенья на подобіе пастетовъ или блиновъ, называемыя *пирогами* (pyrogen), величиною въ круглый кусокъ масла, но нѣсколько длиннѣе; пироги эти начиняются небольшими рыбами, которыхъ ловятъ на удочку, или мясомъ, приправленнымъ лукомъ и жаренымъ въ скоромномъ, а во время поста, въ постномъ маслѣ. Такіе пироги довольно вкусны. Каждый хозяинъ дома считаетъ обязанностью угостить ими своего гостя, если къ нему расположенъ.

Обыкновенною пищею Русскихъ служитъ также *икра* (Ikari), добываемая изъ осетровъ или бѣлорыбицы. Она приготовляется слѣд. образомъ: отбивъ отъ кожи, къ которой пристаетъ она довольно плотно, солятъ ее въ продолженіе 6 или 8 дней и потомъ смѣшиваютъ съ перцомъ и мелко нарѣзаннымъ лукомъ; нѣкоторые вливаютъ въ нее еще уксусу, также деревяннаго масла, и приготовленную такимъ образомъ кушаютъ. Икра составляетъ довольно хорошее кушанье, особенно если влить въ нее вмѣсто уксусу нѣсколько лимоннаго соку; она вызываетъ аппетитъ, возбуждая жизненную силу. Осетровая икра преимущественно солится на Волгѣ, близъ Астрахани, часто сушится на солнцѣ, и въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ тоннъ разсылается въ другія земли, особенно въ Италію, гдѣ она считается за самое рѣдкое, вкусное кушанье и называется *кавіаромъ* (caviaro). Нѣкоторые купцы берутъ ее на откупъ у великаго князя за опредѣленную плату.

У Русскихъ, между прочими обыкновенными ихъ кушаньями, есть одно, которое употребляютъ они послѣ попоекъ и называютъ *опохмѣльемъ* (pochmeli); оно приготовляется слѣдующимъ образомъ: изрѣзавъ кусокъ холодной баранины на мелкіе кусочки, въ видѣ кубиковъ, но нѣсколько подлиннѣе, смѣшиваютъ ихъ съ мелко накрошенными огурцами, вливаютъ въ эту смѣсь уксусу, огуречнаго соку и потомъ хлѣбаютъ ее ложками. Поѣвши этого кушанья, они снова принимаются за вино. Почти всѣ кушанья у Русскихъ приправляются лукомъ и чеснокомъ, отчего комнаты ихъ и дома, даже самыя великокняжескія палаты въ Кремлѣ, сами Русскіе, если съ ними заведешь рѣчь, и мѣсто, гдѣ они побудутъ, издаютъ изъ себя сильный и для Нѣмцевъ очень непріятный запахъ.

Обыкновеннымъ напиткомъ у Русскихъ служитъ квасъ (Quas),

похожій на жидкое пиво, также пива, мёдъ и водка; водку пьютъ они всегда предъ тѣмъ какъ садятся за столъ, въ продолженіи котораго употребляютъ и другія напитки. У знатныхъ людей, кромѣ хорошаго пива, можно найти испанское, рейнское и французское вино, также разнаго рода меда и двойную водку.

Хорошее пиво Русскіе получаютъ отъ Нѣмцевъ, которые въ началѣ весны варятъ его въ большомъ количествѣ. Пиво сохраняется у Русскихъ въ погребахъ, въ которые сначала кладутъ снѣгъ и ледъ, потомъ рядъ бочекъ, потомъ опять ледъ и опять бочки и т. д.; верхъ покрывается соломой и досками, такъ какъ подобные погреба открываются сверху. Устроивъ такимъ образомъ свои погреба, они опустошаютъ бочку за бочкою, и пьютъ пиво ежедневно. Сохраняясь въ подобныхъ погребахъ, пиво въ продолженіи цѣлаго лѣта (у нихъ чрезвычайно жаркаго) остается холоднымъ и притомъ не теряетъ вкусу. Вино получается Русскими изъ Архангельска. Впрочемъ, водка пользуется у нихъ большимъ почетомъ, а вино не такъ цѣнится у нихъ, какъ у Нѣмцевъ.

Русскіе умѣютъ приготовлять отличный медъ, очень вкусный, изъ малины, ежевики, вишней и другихъ ягодъ; въ особенности малиновый медъ чрезвычайно пріятенъ по своему ароматическому запаху и вкусу. Я самъ выучился приготовлять его слѣдующимъ образомъ: сначала нужно положить въ бочку совершенно зрѣлой малины, потомъ залить ее водою и оставить такъ на два или на три дня, до тѣхъ поръ, пока вода получитъ вкусъ и цвѣтъ малины; эту настоявшуюся воду сливаютъ потомъ въ бочки и кладутъ туда чистаго меду, на двѣ, на три кружки воды одну кружку меду, смотря потому кто какъ желаетъ, послаще или покрѣпче. Потомъ вливаютъ въ бочку немного дрожжей и кладутъ кусокъ жареной булки, и когда медъ начнетъ бродить, то булку вынимаютъ (отъ нея онъ получаетъ вкусъ), и въ такомъ положеніи оставляютъ на четыре или пять сутокъ. Если кто желаетъ придать меду вкусъ пряныхъ кореньевъ, то кладетъ въ бочку зашитые въ мѣшечекъ корицу, кардамонъ, гвоздику, и т. п. Поставленный въ теплое мѣсто, медъ не перестаетъ бродить въ продолженіи 8-ми дней, а потому, послѣ извѣстнаго времени броженія, для осадки дрожжей, выносится на холодъ.

Нѣкоторые заливаютъ малину водкою, перемѣшиваютъ ее съ

нею, и, послѣ суточнаго стоянія, настоявшуюся жидкость сливаютъ и разводятъ медомъ, что образуетъ довольно пріятный напитокъ, такъ какъ водка, будучи настояна на малинѣ, почти совсѣмъ теряетъ свой вкусъ и запахъ.

Иногда Русскіе задаютъ пиры, и тогда въ полномъ блескѣ выказывается все разнообразіе ихъ блюдъ и напитковъ. Такъ если кто либо изъ знатныхъ бояръ даетъ большой пиръ, на который приглашаетъ людей изъ того же сословія, къ которому принадлежитъ самъ, то столъ уставляется обыкновенно многочисленными, разнаго рода рыбными и хлѣбными яствами. Впрочемъ, всѣ эти кушанья выставляются болѣе напоказъ, ѣдятъ же ихъ мало. Отсюда у нихъ обычай, состоящій въ томъ, чтобы гости, будучи приглашены на подобный пиръ, оказывали должное съ своей стороны уваженіе къ хозяевамъ, и потому, если Нѣмецкій купецъ будетъ приглашенъ на подобное великолѣпное угощеніе, то этимъ даютъ ему знать, какой высокой чести онъ удостоивается. Воеводы (Weiwoden), живущіе по городамъ и по мѣстамъ, гдѣ ведется большая торговля, или гдѣ производится обыкновенный торгъ, даютъ большіе пиры, на которые приглашаютъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ. Если хозяинъ захочетъ оказать гостю своему на званомъ пиру, или запросто, при обыкновенномъ посѣщеніи, особенную честь и дружбу, и дать знать, что онъ ему любъ и пріятенъ, то жена его, отлично разодѣтая, выходитъ изъ своихъ покоевъ, и какъ бы въ заключеніе всѣхъ угощеній, подноситъ гостю чарку водки; иногда же, если хозяинъ особенно расположенъ къ кому либо изъ гостей, позволяетъ хозяйку цѣловать въ губы. Такую честь оказалъ мнѣ однажды графъ Левъ Александровичъ Фонъ-Склаковъ (Von Sklafow), когда я въ 1643 году, оставляя во второй разъ Москву, посѣтилъ его для прощанья.

Послѣ отличнаго обѣденнаго стола, онъ отозвалъ меня отъ прочихъ гостей, увелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и расположеніе, какія только могутъ быть оказаны кому либо въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина выходитъ на пиръ и, какъ хозяйка, также радушно угощаетъ гостя. «И такъ какъ я, продолжалъ онъ, былъ на службѣ у его свѣтлости герцога Голштинскаго и пользовался его милостивымъ расположеніемъ, то изъ благодарности и уваженія къ нему (графъ въ то время, когда стран-

ствовалъ и терпѣлъ притѣсненія, былъ облагодѣтельствованъ его свѣтлостью, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже) считаю долгомъ своимъ оказать и тебѣ подобную честь». Немедленно, по его приказанію, вышла къ намъ жена его, красавица собою, хотя немного и нарумяненная, въ подвѣнечномъ платьѣ (которое подробнѣе будетъ описано въ главѣ о русскихъ свадьбахъ), въ сопровожденіи другой женщины; женщина эта несла на подносѣ фляжку съ водкой и чарку. Вошедши въ комнату, хозяйка поклонилось сначала своему мужу, потомъ мнѣ, за тѣмъ налила чарку водки, поднесла къ губамъ своимъ и просила меня выпить ее, что повторялось три раза. Послѣ этого графъ сталъ просить меня, чтобъ я поцѣловалъ его жену въ губы. Будучи непривыченъ къ подобной чести, я поцѣловалъ ея руку, но графъ настаивалъ въ своемъ желаніи, и тогда, изъ уваженія къ нему, я долженъ былъ наконецъ исполнить его просьбу. Потомъ получилъ я въ подарокъ отъ его жены носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ, съ длинною по концамъ бахрамою; такими носовыми платками обыкновенно дарятъ невѣсту жены и дочери знатныхъ вельможъ: такъ на полученномъ мною мелкими буквами вышито было имя *Стрѣшнева* (Strefnoff), брата отца великой княгини.

Бояре и вельможи, пользуясь, какъ можно полагать, большими доходами, при управленіи столь огромнымъ государствомъ, и жалованьемъ, владѣютъ еще большими помѣстьями и крестьянами, которые ежегодно приносятъ имъ не малые доходы. Купцы и ремесленники наживаютъ деньги для пропитанія единственно своими трудами; потому торговые люди поднимаются на разнаго рода хитрости, для того чтобъ хотя что нибудь выторговать. Тѣ, которые ведутъ торговлю внутри Государства, продаютъ товары, составляющіе предметъ необходимой потребности въ жизни, тѣ же, которые съ дозволенія великаго князя ѣздятъ въ другія сосѣдственныя Государства, какъ напр. Лифляндію, Польшу, Швецію и Персію, торгуютъ соболями (равно какъ и другими мѣхами), льномъ, коноплею и юфтью. Эти же купцы обыкновенно скупаютъ у Англійскихъ негоціантовъ, ведущихъ въ Москвѣ большую торговлю, сукно по 4 талера за аршинъ и перепродаютъ его за 4½ или 5 талеровъ и, разумѣется, не безъ большаго барыша. Это дѣлается ими слѣд. образомъ: взявъ у иностранныхъ купцовъ сукно на кредитъ, съ

обязательствомъ чрезъ полгода или годъ заплатить деньги, они между тѣмъ въ розницу, по кускамъ или аршинамъ, продаютъ его мелкимъ торговцамъ или лавочникамъ, и, получая отъ нихъ чистыми деньгами, могутъ пустить ихъ въ оборотъ, чрезъ что въ два или три раза больше получаютъ чистаго барыша.

Ремесленники, не требуя многаго, такъ какъ ведутъ жизнь бѣдную, обыкновенно добываютъ себѣ пропитаніе и чарку водки трудами рукъ своихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пропитываютъ свои семейства. Всѣ они вообще прилежны, вѣрны и скоро перенимаютъ все что ни увидятъ у Нѣмецкихъ ремесленниковъ: такъ въ нѣсколько лѣтъ они переняли отъ нихъ много такого, чего раньше совсѣмъ не знали и о чемъ вовсе не слыхали. Поэтому, въ настоящее время, продаютъ они свои издѣлія по цѣнамъ, гораздо высшимъ въ сравненіи съ прежними. Не могу надивиться я въ особенности золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые въ состояніи дѣлать теперь серебряную и золотую посуду съ такимъ же совершенствомъ и искусствомъ и даже изяществомъ, какъ и Нѣмцы. По этой самой причинѣ, если кто-либо изъ Нѣмцевъ желаетъ удержать въ секретѣ свое знаніе въ какой-либо отрасли промышленности, то не допускаетъ къ себѣ ни одного Русскаго, опасаясь, чтобы онъ не перенялъ у него его искусства. Такимъ образомъ поступалъ сначала знаменитый литейщикъ Іоаннъ Фалькъ (Hans Falk); такъ требовалъ онъ, чтобъ русскіе ремесленники уходили отъ него прочь, когда онъ приступалъ къ отлитію и отдѣлкѣ пушекъ и другихъ особенно замѣчательныхъ вещей. Теперь Русскіе сами въ состояніи отливать пушки и колокола; такъ въ прошедшемъ году ученики упомянутаго Фалька вылили въ Кремлѣ, подлѣ колокольни Ивана Великаго, другой большой колоколъ, который вѣсилъ, какъ сказывали мнѣ Нѣмцы, живущіе въ Москвѣ и сами Русскіе, 7,700 пудовъ, 308,000 фунтовъ, или 208 центнеровъ. Колоколъ этотъ раскололся вскорѣ послѣ того какъ его повѣсили и начали звонить; раньше же издавалъ отличный чистый звукъ. Недавно его снова разбили, и его царское величество вмѣсто него хочетъ вылить другой, гораздо больше прежняго, который бы увѣковѣчилъ его имя. Въ настоящее время уже приступили къ начальнымъ работамъ, сопряженнымъ съ огромными издержками.

Русскіе, какъ изъ высшаго, такъ изъ низшаго сословія, привыкли

спать послѣ обѣда; по этой причинѣ мелочныя лавочки закрываются въ послѣобѣденное время, и мальчики, которые прислуживаютъ въ нихъ, обыкновенно спятъ предъ дверьми. Въ это же самое время, если бы кто захотѣлъ поговорить съ кѣмъ либо изъ знатныхъ вельможъ и богатыхъ купцовъ, то ни одного изъ нихъ не найдетъ въ бодрственномъ состояніи.

Отсюда заключили Русскіе, что Лжедимитрій (Falſche Dimitrius), о которомъ мы будемъ скоро говорить, не могъ быть Русскимъ и сыномъ великаго князя, ибо не любилъ спать послѣ обѣда; такъ судили они о немъ еще и потому, что онъ, противъ обыкновенія, не ходилъ часто въ баню,—обычай свято соблюдаемый всѣми Русскими, особенно послѣ первой свадебной ночи. Поэтому, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ можно встрѣтить у нихъ множество бань, въ которыхъ почти во всякое время непремѣнно найдешь моющихся.

Въ бытность мою въ Астрахани, я незамѣтнымъ образомъ побывалъ въ русскихъ баняхъ, желая узнать, какъ въ нихъ моются. Онѣ были раздѣлены на двѣ половины досчатыми перегородками, для того чтобы мужчины и женщины могли мыться отдѣльно; не смотря на то какъ тѣ, такъ и другія входили ничѣмъ не прикрываясь въ одну и туже дверь, и только нѣкоторые изъ нихъ держали передъ собою вѣникъ, у прочихъ же и того не было. Женщины входили иногда въ мужское отдѣленіе совсѣмъ голыя, безъ всякаго стыда, и разговаривали съ своими мужьями. Русскіе въ состояніи выносить самый сильный жаръ, а потому, ложась на полокъ, они заставляютъ бить себя вѣниками и тереть ими себѣ тѣло, что для меня было невыносимо. Раскраснѣвшись и утомившись отъ сильнаго жару и будучи не въ состояніи долѣе оставаться въ банѣ, они выбѣгаютъ изъ нея совершенно голыми, какъ мужчины, такъ и женщины, и обливаютъ себя холодною водою. Зимою же валяются въ снѣгу, какъ мыломъ трутъ имъ себѣ тѣло и потомъ снова уходятъ въ жаркую баню. Такъ какъ подобныя бани устраиваются обыкновенно на рѣкахъ и рѣчкахъ, то моющіеся въ нихъ изъ жару прямо бросаются въ холодную воду.

Подобный способъ мытья въ баняхъ мы встрѣчали не только въ Россіи, но также и въ Лифляндіи и Ингерманландіи, гдѣ простолюдины, особенно Финны, въ самый жестокій морозъ зимою выходятъ на улицу голыми, трутъ себя снѣгомъ и потомъ снова ухо-

дятъ въ теплую баню; такой быстрый переходъ отъ холода къ теплу и обратно не приноситъ имъ никакого рѣшительно вреда, такъ какъ они привыкли къ этому уже съ ранняго дѣтства. Поэтому Русскіе, Финны и Латыши народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ, и жаръ.

Съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣлъ я въ Нарвѣ на Русскихъ и Финскихъ мальчиковъ отъ 8 и 9 до 10 лѣтъ, какъ они, будучи одѣты въ тонкіе, полотняные кафтаны, стояли и ходили по снѣгу босыми ногами, похожими на гусиныя, въ продолженіи получаса, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нестерпимый холодъ.

Старые люди въ Россіи вообще здоровы, бодры и почти никогда не хвораютъ; самымъ обыкновеннымъ и лучшимъ средствомъ отъ болѣзней служитъ у нихъ (я разумѣю здѣсь простой народъ,) какъ напр. отъ горячки и лихорадки, вода съ чеснокомъ. Что же касается до знатныхъ и богатыхъ людей, то они въ настоящее время начинаютъ уже обращаться къ Нѣмецкимъ врачамъ и пользоваться извѣстными прописываемыми лекарствами.

У Нѣмцевъ и у Лифляндцевъ, живущихъ въ Москвѣ, можно найти хорошія бани. Въ нихъ устраиваются выводимыя сводомъ печи, въ которыхъ, на рѣшеткѣ, помѣщаются камни; изъ печи идетъ отверстіе въ самую баню и закрывается заслонкою, другое же идетъ вверхъ для пропуска дыма. Если нужно жару, то слѣдуетъ только открыть заслонку, полить водою нагрѣвшіеся камни и запереть трубу; въ такихъ баняхъ устроиваются лавки и полки, изъ коихъ одна, повыше прочихъ, устилается полотномъ и подушками, набитыми сѣномъ. Иногда полокъ усыпается цвѣтами и разнаго рода благовонными травами. Окна завѣшиваются, а на полу разбрасывается мелко нарубленный кустарникъ, что̀ вмѣстѣ съ травами и цвѣтами издаетъ весьма пріятный запахъ. Для мытья дается женщина или дѣвушка. Если знакомый иностранецъ моется у своихъ соотечественниковъ въ такихъ баняхъ, то это значитъ, что онъ пріятенъ имъ и о немъ заботятся и пекутся. Хозяйка, или дочь ея, обыкновенно посылаютъ, или сами приносятъ въ такихъ случаяхъ нѣсколько ломтей рѣдьки, усыпанныхъ солью, и супъ, приготовленный изъ вина и растертаго хлѣба; несоблюденіе этого обычая приписывается невниманію со стороны хозяевъ и принимается за дурное привѣтствіе. Послѣ бани гость угощается, смотря по до-

стопиству его, различными кушаньями и пользуется разнаго рода увеселеніями.

Подобной услужливости и чистоты не найдешь у спѣсивыхъ, своекорыстныхъ и неопрятныхъ Русскихъ, у которыхъ все это дѣлается грязно и противно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О СОСТОЯНІИ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(ТРЕТЬЯ КНИГА «ПУТЕШЕСТВІЯ» ОЛЕАРІЯ).

ГЛАВА ШЕСТАЯ. (*)

О бракѣ и образѣ совершенія русскихъ свадебъ.

Супружество у Русскихъ.

При всей склонности Русскихъ къ сладострастію, у нихъ не найдешь ни одного публичнаго развратнаго дома, что, къ сожалѣнію, встрѣчается въ Персіи и въ нѣкоторыхъ другихъ образованныхъ государствахъ, гдѣ правительство пользуется отъ того доходами.

Русскіе почитаютъ супружескій союзъ и дорожатъ имъ, такъ какъ каждому изъ нихъ позволяется имѣть только одну жену. Въ случаѣ смерти жены, мужъ можетъ жениться въ другой и третій разъ; въ четвертый же разъ вступать въ бракъ запрещено, и если священникъ въ такомъ случаѣ обвѣнчаетъ кого либо, то отрѣшается отъ своей должности. Священники Русскіе должны быть непремѣнно женаты, и, въ случаѣ смерти жены, не имѣютъ права жениться въ другой разъ; въ противномъ случаѣ, они лишаются своего сана и скуфьи (Mütze) и записываются въ сословіе купцовъ или ремесленниковъ. При бракосочетаніи принимается ими въ соображеніе родство (arbor consanguinitatis); такъ они не должны вѣнчать близкихъ родственниковъ, свойственниковъ, двухъ братьевъ на двухъ сестрахъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ, которые были воспріемниками при крещеніи. Священники совершаютъ обрядъ бракосочетанія въ церквахъ, съ особенными церемоніями, которыя я постараюсь здѣсь описать.

Молодымъ людямъ и дѣвушкамъ не позволяется, сходясь вмѣ-

(*) Первыя пять главъ см. въ третьей книгѣ Архива.

стѣ, толковать о супружествѣ, тѣмъ менѣе обѣщать себя другъ другу. Родители, имѣющіе многихъ дѣтей мужескаго пола и желающіе женить ихъ, еще болѣе тѣ, у коихъ много дочерей, сами отправляются къ своимъ знакомымъ, и если считаютъ дѣтей ихъ пригодными для своихъ, то обращаются или прямо къ нимъ, или къ ихъ родителямъ или друзьямъ, и намёкомъ даютъ знать имъ о своемъ намѣреніи. Въ случаѣ согласія, они просятъ, чтобы имъ показали невѣсту, въ чемъ хотя и получаютъ отказъ, но все таки невѣста, если она хороша собою, показывается или матери или подругѣ молодаго человѣка, желающаго жениться; если онѣ найдутъ, что невѣста ни слѣпа, ни хрома и не имѣетъ за собою никакого видимаго недостатка, то родители заключаютъ между собою условія о придачѣ, которую они называютъ *приданымъ* (pridanna). Вообще же всѣ болѣе или менѣе знатные вельможи воспитываютъ дочерей своихъ въ недоступныхъ никому теремахъ, тщательно скрывая ихъ отъ постороннихъ людей, и женихъ не раньше можетъ видѣть свою невѣсту, какъ только по совершеніи брака, въ брачной комнатѣ. Поэтому самому случается, что жениха иногда обманываютъ, и молодой человѣкъ, думая найти въ невѣстѣ своей красавицу, горько разочаровывается, увидя безобразную, хилую и хворую женщину. Бываетъ иногда, что родители подмѣняютъ дочь свою кѣмъ либо изъ ея родственницъ, или даже просто какою нибудь дѣвкою, чему встрѣчаются примѣры между знатными, и потому весьма неудивительно, что новобрачные обходятся въ такомъ случаѣ другъ съ другомъ какъ кошки съ собаками; отсюда происходитъ и то, что мужья бьютъ своихъ женъ,—дѣло столь обыкновенное между Русскими.

Свадьбы у Русскихъ совершаются съ особенными церемоніями и большою пышностью. Свадьбы княжескія, боярскія и дѣтей боярскихъ (Kinder berer, т. е. бояръ) справляются слѣдующимъ образомъ:

Сначала, со стороны жениха и невѣсты, выбираются двѣ женщины, называемыя у нихъ свахами (Swafa), обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ должны, подобно дружкамъ, заготовлять въ домѣ вѣнчающихся все необходимое для свадьбы. Сваха невѣсты, въ день свадьбы, отправляется въ домъ жениха и приготовляетъ тамъ брачную постель; вмѣстѣ съ нею идутъ до ста человѣкъ слугъ, одѣтыхъ въ кафтаны, которые несутъ на головахъ все

необходимое для украшенія брачной постели, равно какъ и комнаты, въ которой она поставлена. Постель приготовляется изъ 40 ржаныхъ сноповъ, положенныхъ другъ на друга. Первые снопы кладетъ самъ женихъ. За тѣмъ ставятся подлѣ постели нѣсколько бочонковъ, наполненныхъ пшеницею, ячменемъ и овсомъ, что̀ означаетъ надежду и желаніе, чтобы женихъ и невѣста, во все время ихъ супружества, не терпѣли никакого недостатка въ пропитаніи и жизненныхъ припасахъ. Проведя такимъ образомъ цѣлый день въ приготовленіяхъ и устройствѣ брачной комнаты, женихъ, уже поздними вечеромъ, отправляется вмѣстѣ съ своими друзьями и пріятелями въ домъ невѣсты, а впереди себя посылаетъ попа, долженствующаго вѣнчать его. Здѣсь уже ждутъ ихъ друзья и пріятели невѣсты и радушно принимаютъ жениха вмѣстѣ съ его свитою, послѣ чего болѣе знатные изъ нихъ приглашаются къ столу, который уставляется множествомъ блюдъ. Гости же только сидятъ, не прикасаясь къ яствамъ. Первое мѣсто, въ верхнемъ концѣ стола, оставляется для жениха, который въ это время бываетъ занятъ разговоромъ съ друзьями и пріятелями невѣсты; между тѣмъ на его мѣсто сажаютъ мальчика, и тогда женихъ, почтительно снявъ съ скамьи этого мальчика, самъ садится на приготовленное ему мѣсто. Вскорѣ приводится невѣста, съ закрытымъ лицемъ, одѣтая въ великолѣпное платье, и усаживается подлѣ жениха своего, а чтобы они не могли видѣть другъ друга, то между ними протягивается кусокъ красной тафты, который держатъ два мальчика. Тутъ подходитъ къ нимъ сваха, чешетъ невѣстѣ волосы, заплетаетъ косы, надѣваетъ на голову вѣнецъ и наконецъ открываетъ ей лицо. Вѣнецъ дѣлается изъ тонкаго золота или серебра и подбивается матеріею; къ вѣнцу, въ той его части, которая немного съуживается, именно около ушей, привѣшивается нѣсколько нитокъ жемчугу, которыя ниспадаютъ на грудь. Сверху надѣваютъ на невѣсту что-то въ родѣ сюртука съ рукавами, длиною въ три аршина, съ столчимъ и весьма жесткимъ воротникомъ, шириною въ три пальца, похожимъ нѣсколько на собачій ошейникъ; воротникъ этотъ густо усаживается жемчугомъ. Такой кафтанъ стоитъ иногда болѣе 100 талеровъ.

Сваха чешетъ волосы также и жениху. Между тѣмъ женщины встаютъ на лавки и поютъ разнаго рода пѣсни, большею частію любовнаго содержанія. Затѣмъ приходятъ два молодыхъ человѣка,

очень хорошо одѣтые, съ носилками, на которыхъ положенъ сыръ и хлѣбъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанный соболями; такой же хлѣбъ приносится и изъ дому невѣсты, и называется *коровайникомъ* (Krabeiniċe). Священникъ сначала благословляетъ молодыхъ людей, потомъ хлѣбъ и сыръ. Хлѣбъ этотъ съ сыромъ носятъ и въ церковь. Послѣ этого на столъ ставятъ большое серебряное блюдо, куда кладутъ небольшіе тафтяные или атласные лоскуточки, въ видѣ четвероугольниковъ, столько, сколько необходимо ихъ для того, чтобъ сшить небольшой кошелекъ, также нѣсколько кусочковъ серебра, нѣсколько хмѣлю, ячменя и овса, и все это перемѣшиваютъ. Тогда приходитъ сваха, снова покрываетъ невѣсту и осыпаетъ ее изъ блюда, равно какъ боляръ и всѣхъ присутствующихъ мужескаго пола, и если кто хочетъ, то можетъ подобрать съ полу кусочки атласу и серебра. Между тѣмъ во все это время поютъ пѣсни. Вслѣдъ за тѣмъ встаютъ съ своего мѣста отецъ жениха и отецъ невѣсты и обмѣниваютъ ихъ кольцами.

По совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ, сваха беретъ невѣсту за руку, сводитъ ее съ мѣста, усаживаетъ въ сани и, все еще закрытую, везетъ въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту въ церковь, обвѣшивается, около шеи и подъ дугою, лисьими хвостами. Вскорѣ за невѣстою слѣдуетъ и женихъ, сопровождаемый своими друзьями, пріятелями и священникомъ. Подлѣ саней ѣдутъ нѣкоторые изъ короткихъ пріятелей жениха и множество слугъ, при чемъ отпускается не мало довольно грубыхъ шутокъ. Каменный полъ церкви въ томъ мѣстѣ гдѣ должно происходить вѣнчаніе, покрывается красною тафтою, а на нее постилаютъ еще другую, на которой должны стоять женихъ и невѣста (*). Послѣ вѣнчанія, въ церкви женщины осыпаютъ жениха и невѣсту льняным и коноплянымъ сѣменемъ и желаютъ имъ счастья; за тѣмъ начинаютъ отнимать невѣсту отъ жениха, но тѣ крѣпко держатся другъ за друга. Послѣ такой возни, женихъ отводитъ невѣсту въ сани, самъ садится верхомъ на коня и поѣздъ отправляется въ обратный путь. Подлѣ саней невѣсты несутъ шесть зажженныхъ восковыхъ свѣчей, при чемъ поются разнаго рода пѣсни.

(*) Здѣсь у Олеарія вставлено нѣсколько словъ о самомъ вѣнчаніи, которыя опущены въ переводѣ. *Ред.*

Прибывъ въ домъ жениха, гости садятся съ нимъ за столъ, пьютъ, ѣдятъ и веселятся, невѣста же тотчасъ раздѣвается и укладывается въ постель. Лишь только женихъ начнетъ ѣсть, какъ его отзываютъ къ невѣстѣ. Предъ нимъ идутъ 6 или 8 мальчиковъ съ горящими факелами въ рукахъ. Заслышавъ приближеніе жениха, невѣста тотчасъ встаетъ съ постели, надѣваетъ на себя соболью шубу и съ поклономъ принимаетъ своего любезнаго; между тѣмъ мальчики, вставивъ факелы въ упомянутыя нами бочки и получивъ въ подарокъ по парѣ соболей, уходятъ прочь. Женихъ садится тогда съ невѣстой за накрытый столъ, и тутъ только въ первый разъ видитъ въ лицо супругу свою; приносятся кушанья, и, между прочимъ, жареная курица, которую женихъ разрѣзываетъ, и первую отрушенную ногу или крыло бросаетъ позади себя, а другую съѣдаетъ самъ. Послѣ этого обѣда, или скорѣе ужина, продолжающагося очень недолго, идетъ онъ съ невѣстою въ постель; тогда всѣ удаляются изъ комнаты, за исключеніемъ одного стараго служителя, взадъ и впередъ прохаживающагося предъ дверьми спальни. Между тѣмъ родители и пріятели жениха и невѣсты колдуютъ, желая этимъ наворожить новобрачнымъ счастливое супружество. Слуга, поставленный на часахъ у дверей брачной комнаты, долженъ по временамъ спрашивать: «какъ идутъ дѣла?» Если женихъ отвѣтитъ ему, что хорошо, то тотчасъ начинаютъ трубить и играть въ литавры, принесенные уже заранѣе. Потомъ приготовляется баня, въ которую, нѣсколько часовъ спустя, идутъ женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, гдѣ они моются и обливаются виномъ и мёдомъ; послѣ бани молодая прекрасная жена даритъ молодаго мужа своего рубашкою съ воротникомъ, унизаннымъ жемчугомъ, и новымъ богатымъ платьемъ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни они только тѣмъ и занимаются, что ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ и проводятъ это время въ разнаго рода увеселеніяхъ, какія могутъ только придумать. Тутъ можно слышать разнаго рода музыку. Между прочими музыкальными инструментами особенно замѣчателенъ такъ называемый *псалтырь* (Psaltir), устройствомъ и видомъ своимъ очень похожій на цимбалъ; во время игры инструментъ этотъ кладется на колѣна. Играютъ на немъ пальцами, какъ на арфѣ.

Вотъ все, что успѣлъ я узнать объ обрядахъ и обычаяхъ, которые соблюдаются на свадьбахъ знатныхъ бояръ въ Москвѣ.

Когда же кто либо задумаетъ жениться изъ простаго народа или горожанъ, то посылаетъ избранной имъ невѣстѣ, за день до свадьбы, шапочку и пару сапоговъ, также сундучекъ, въ которомъ положены румяна, гребень и зеркало. На другой день (день свадьбы) приходитъ попъ съ серебрянымъ небольшимъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженныя восковыя свѣчи, благословляетъ сначала мальчиковъ, а за тѣмъ и гостей; потомъ женихъ и невѣста садятся за столъ, и между ними также протягивается кусокъ тафты. Убравъ и снарядивъ невѣсту, сваха заставляетъ ее и жениха сойтись лицами и такимъ образомъ смотрѣться въ одно зеркало, а за тѣмъ дружески улыбнуться другъ другу. Между тѣмъ ходятъ свахи по комнатѣ и осыпаютъ гостей хмѣлемъ.

По окончаніи этихъ обрядовъ, отправляются въ церковь, гдѣ и совершается вѣнчаніе совершенно такимъ же образомъ какъ и при бракосочетаніи знатныхъ.

Послѣ свадьбы, молодыя жены содержатся въ теремахъ и не показываются на глаза постороннимъ; онѣ очень рѣдко выходятъ въ люди и болѣе навѣщаются своими подругами, чѣмъ сами посѣщаютъ ихъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О положеніи Русскихъ женщинъ.

Женщины сидятъ въ заперти.—О томъ, какъ женщины проводятъ время.—Почему Русскіе бьютъ женъ своихъ?—Правда ли что женщины вслѣдствіе побоевъ бываютъ вѣрны мужьямъ своимъ?

Такъ какъ дочери знатныхъ вельможъ и купцовъ нисколько не *пріучаются къ хозяйству, то и въ замужествѣ* онѣ очень мало имъ занимаются; почти все время проводятъ онѣ только въ томъ, что шьютъ, или вышиваютъ носовые платки золотомъ и серебромъ по бѣлой тафтѣ или тонкому полотну, или вяжутъ небольшіе кошельки

для денегъ и т. п. вещи. Онѣ никогда не осмѣлятся убить курицу, или какое нибудь другое животное, тѣмъ менѣе приняться за приготовленіе какого нибудь кушанья—изъ опасенія осквернится, а потому всю эту работу предоставляютъ своимъ слугамъ. Ревнивые мужья весьма рѣдко выпускаютъ ихъ изъ дому, въ слѣдствіе чего онѣ даже рѣдко ходятъ въ церковь. Между простымъ же народомъ это не соблюдается съ такою точностью и строгостью.

Дома ходятъ онѣ въ худыхъ платьяхъ; если же, по приказанію мужа, выходятъ къ гостямъ поподчивать кого либо изъ нихъ водкою, или когда идутъ въ церковь, то одѣваются въ самыя драгоцѣнныя и великолѣпныя платья, сильно нарумянивши себѣ лицо и набѣливши шею.

Жены княжескія, боярскія и другихъ знатныхъ людей лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ, которое употребляютъ они и зимою, когда катаются въ саняхъ. Какъ богини, сидятъ онѣ въ колымагахъ, во всемъ своемъ великолѣпіи; въ ногахъ у нихъ помѣщаются дѣвочки изъ крѣпостныхъ людей. Подлѣ каретъ ихъ бѣгутъ холопы и крѣпостные люди, числомъ иногда до 30 и 40 человѣкъ. Лошадь, запряженная въ сани или карету, увѣшивается подобно тому, какъ и на свадьбѣ, лисьими хвостами, что, впрочемъ, теперь уже рѣдко можно встрѣтить. Подобное украшеніе видѣли мы не только на лошадяхъ, везущихъ кареты знатныхъ женщинъ, но также и въ поѣздѣ великаго князя, лошади котораго были увѣшаны отличными собольими хвостами.

Проводя все время дома, не показываясь въ люди и притомъ почти ничего не дѣлая, молодыя дѣвицы естественно имѣютъ очень мало развлеченія, а потому со своими дѣвушками выдумываютъ разнаго рода игры и забавы. Изъ нихъ замѣчательны качели, до которыхъ дѣвицы страстныя охотницы, и скаканіе на доскѣ, для чего скачущія кладутъ доску на колоду, становятся на концы ея и высоко подбрасываютъ другъ друга на воздухъ. Есть у нихъ также качели на веревкахъ; качаясь на такихъ качеляхъ, онѣ могутъ высоко подниматься вверхъ. Простой народъ, живущій въ деревняхъ и при городахъ, потѣшаетъ себя подобными играми на улицахъ. Обыкновенныя качели устраиваются на подобіе висѣлицы, съ перекладиною на верху, къ которой прикрѣпляются мѣста для сидѣнья

въ видѣ креста; на такихъ качеляхъ за разъ могутъ качаться 2, 3 и 4 человѣка. Качаніемъ увеселяетъ себя народъ всего болѣе по праздникамъ. Молодые парни стоятъ у качелей и за нѣсколько копѣекъ предлагаютъ желающимъ покачаться. Мужья позволяютъ женамъ своимъ такія увеселенія, и часто сами раздѣляютъ ихъ вмѣстѣ съ ними.

Неудовольствія, влекущія за собой иногда и побои, происходятъ между супругами оттого, что жена поноситъ мужа бранными словами (ибо въ такихъ случаяхъ онѣ всегда бываютъ готовы браниться) или оттого, что чаще его напивается, или обхожденіемъ своимъ, уже слишкомъ вольнымъ, съ нравящимся ей мужчиною, возбуждаетъ ревность въ мужѣ. Эти три недостатка довольно часто встрѣчаются въ русской женщинѣ.

Жены нисколько не обижаются тѣмъ, что мужья бьютъ ихъ, въ упомянутыхъ случаяхъ, палкой или плёткой, такъ какъ чувствуютъ себя виновными, и утѣшаются тѣмъ, что съ ихъ сосѣдками и пріятельницами случается то же самое.

Мнѣ не приводилось ни видѣть, ни слышать, чтобы русскія женщины (какъ пишутъ нѣкоторые историки, заимствовавшіе извѣстія свои изъ Петрея, который вѣроятно, выписалъ ихъ изъ Герберштейна и Барклая въ его *Icone animorum)* отъ битья становились ласковыми, а безъ него нелюбезно обходились со своими мужьями и чрезъ то возбуждали въ нихъ ревность. Я не могу себѣ представить, чтобы онѣ могли любить то, что отвращаетъ отъ себя всякое живое существо, и чтобы люди, возбуждающіе противъ себя одну ненависть и вражду, могли быть ими любимы.

Извѣстна пословица: «битье не радуетъ никого», и мнѣ кажется, что ее можно примѣнить и къ русскимъ женщинамъ. Никто, я думаю, будучи въ своемъ разумѣ, не будетъ ненавидѣть и мучить самого себя. Можетъ быть, что нѣкоторыя изъ русскихъ женщинъ въ шутку допускали себѣ подобныя рѣчи съ своими мужьями, или ужъ это, должно быть, была сумасшедшая женщина, которая, прожившн съ мужемъ своимъ долгое время въ согласіи и дружбѣ, сказала, что она не замѣчаетъ его любви, такъ какъ ни разу еще не получала отъ него побоевъ. Мужъ, желая доказать ей любовь свою, не заставилъ долго просить себя и поколотилъ ее порядкомъ; спустя нѣсколько времени, онъ побилъ ее снова (ибо женѣ его это

очень нравилось), потомъ въ третій разъ, и наконецъ, изъ той же любви къ ней, убилъ ее. Человѣкъ этотъ по имени *Іорданъ* (Jordan) былъ родомъ Итальянецъ. Герберштейнъ называетъ его нѣмецкимъ кузнецомъ (alemannum fabrum ferrarium). Происшествіе это случилось въ бытность его въ Москвѣ. Подобный случай, повторяю, еще не слѣдуетъ примѣнять къ прочимъ женщинамъ, такъ какъ упомянутая мною сумасшедшая жена выказала совершенно противуестественныя чувства.

За прелюбодѣяніе у нихъ не наказываютъ смертью, и самый проступокъ этотъ не имѣетъ особаго названія.

Если мужъ узнаетъ, что жена измѣнила ему, то бьетъ ее плетью и потомъ отсылаетъ на нѣсколько дней въ монастырь на хлѣбъ и воду, послѣ чего виновная снова возвращается домой и принимается за запущенное свое хозяйство.

Если супруги наскучатъ другъ другу и не могутъ ужиться вмѣстѣ, то одинъ изъ нихъ удаляется въ монастырь; если это дѣлаетъ мужъ, то жена можетъ выдти за другаго (*). Если же жена безплодна, то мужъ воленъ заточить ее въ монастырь, и спустя шесть недѣль жениться на другой.

Подобные примѣры случались съ великими князьями—такъ именно поступилъ Василій Ивановичь (**), заточившій въ монастырь супругу свою *Соломонію,* отъ которой не имѣлъ дѣтей въ продолженіи 21 года брачной жизни, и женившійся потомъ на *Еленѣ,* дочери *Михаила Глинскаго* (Linzki). Въ монастырѣ прежняя супруга его разрѣшилась отъ бремени сыномъ, какъ объ этомъ говорятъ гораздо подробнѣе Герберштейнъ на стр. 19 и Тилеманъ Бредеабасъ (Tileman Bredeabas) на стр. 251.

Точно также и частный человѣкъ, если замѣтитъ, что жена его поступила съ нимъ нечестно, можетъ заточить ее въ монастырь, при чемъ большею частью мужья поступаютъ несправедливо, единственно по своей прихоти. Такъ иногда изъ одного пустаго подозрѣнія или по какимъ либо ничтожнымъ причинамъ мужъ

(*) При этомъ Олеарій замѣчаетъ неосновательно, будто въ такомъ случаѣ она можетъ выдти только за человѣка, который долженъ сдѣлаться священникомъ. *Ред.*

(**) Олеарій несправедливо называетъ его Иваномъ Васильевичемъ. *Ред.*

возненавидитъ жену свою, подкупаетъ бѣдныхъ мальчиковъ и идетъ съ ними въ судъ жаловаться на жену, въ доказательство чему представляетъ ложное свидѣтельство подкупленныхъ, будто бы они застали ее въ прелюбодѣяніи, и иногда до того доводятъ дѣло (особенно если этому помогаютъ деньги), что добрая, невинная женщина, даже безъ всякаго подозрѣнія, принуждена бываетъ надѣть на себя черное платье и тотчасъ отправляться въ монастырь, гдѣ и проводитъ всѣ остальные дни своей жизни, такъ какъ у Русскихъ, если кто вступилъ въ монашеское званіе и постриженъ, уже никогда не можетъ выдти изъ монастыря, тѣмъ менѣе вступить вторично въ бракъ.

Подобное случилось съ однимъ молодымъ Полякомъ, принявшимъ русскую вѣру и женившимся на одной прекрасной молодой женщинѣ. По дѣламъ своимъ онъ долженъ былъ разлучиться съ женою и въ продолженіи цѣлаго года жить съ нею врознь. Между тѣмъ въ отсутствіи его она родила. Услышавъ о скоромъ возвращеніи своего мужа и не видя себя въ состояніи отдать ему отчетъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, она со страху удалилась въ монастырь и тамъ постриглась. Вскорѣ мужъ вернулся домой и узнавъ о поступкѣ жены своей, не столько опечалился ея измѣною, сколько тѣмъ, что она постриглась. Онъ простилъ ее и обѣщалъ снова принять ее къ себѣ въ домъ, да и она была не прочь отъ этого, но, не смотря на все свое желаніе, не могла уже сойтись съ своимъ мужемъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О власти свѣтской и о внутреннемъ управленіи Россіи.

Образъ правленія.—Собственныя царскія деньги.—Тяжелыя пошлины. — Хорошее распоряженіе относительно скорой ѣзды.

Что касается до образа правленія въ Россіи, то уже изъ предыдущихъ главъ частью можно видѣть, что оно монархическое, неограниченное (Monarchia dominica et despotica, какъ говорятъ политики). Царь или великій князь, наслѣдуя престолъ по извѣстному порядку престолонаслѣдія, одинъ управляетъ государствомъ; князья, благородные граждане и простой народъ — всѣ подданные его,

надъ которыми онъ производитъ судъ и расправу, какъ отецъ семейства. Подобный родъ правленія весьма сходенъ съ тѣмъ, который описанъ у Аристотеля: «est alia species Monarchiae qualia suntapud quosdam barbaros regna vim habentia proximam tyrannidi» *(Pol. 3, l. cap. 14)*.

Знатные вельможи не считаютъ для себя унизительнымъ, вмѣстѣ съ уменьшительнымъ обозначеніемъ именъ своихъ, называться холопами. Въ прежнія времена знатныхъ купцовъ, если они не являлись безъ уважительныхъ причинъ на торжественныя аудіенціи (въ которыхъ засѣдаютъ въ великолѣпныхъ платьяхъ), наказывали кнутомъ; теперь же обыкновенно сажаютъ ихъ за такой проступокъ въ тюрьму на два или на три дня, если только при Дворѣ они имѣютъ покровителей и ходатаевъ.

Русскіе называютъ своего государя великимъ княземъ (Welikoi Knes), также царемъ (Zaar). Нѣкоторые производятъ это послѣднее слово отъ слова Цезарь. На государственномъ гербѣ и печати изображается у нихъ, какъ и у римскаго императора, двуглавый орелъ, съ крыльями, опущенными внизъ, съ тремя, на мѣсто прежнихъ двухъ, коронами, обозначающими три государства: Русское, Казанское и Астраханское. На груди орла помѣщается щитъ, съ изображеніемъ всадника, поражающаго копьемъ дракона. Такой гербъ учрежденъ въ Россіи впервые царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который славился своимъ родствомъ съ римскимъ императоромъ. Толмачи великаго князя и нѣкоторые изъ живущихъ въ Москвѣ Нѣмцевъ также называютъ его императоромъ. Такъ какъ русскіе называютъ также царемъ и короля Давида, то слово царь, какъ кажется мнѣ, обозначаетъ скорѣе короля, и, можетъ быть, происходитъ отъ Еврейскаго слова *zarah*, что значитъ *бальзамъ* или *миро*, также *помазанный*, какъ это видно изъ первой книги Моисея (Быт. гл. 37) и изъ пророка Іереміи (гл. 5, 1), ибо въ древности цари помазывались на царство муромъ.

Русскіе имѣютъ о царѣ своемъ чрезвычайно высокое понятіе и произносятъ имя его съ величайшимъ почтеніемъ. Поэтому они внушаютъ дѣтямъ своимъ, еще въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ, говорить о царѣ, какъ о земномъ богѣ; въ слѣдствіе этого, они часто повторяютъ: «про то вѣдаетъ Богъ и В. Князь». Отсюда же происходятъ и разнаго рода другія ихъ рѣчи и выраженія. Такъ напр. вмѣсто

выраженія: явиться предъ царя, они говорятъ: «стать предъ его свѣтлыя очи;» желая выказать свое глубокое смиреніе и покорность великому князю, они говорятъ, что все, чѣмъ они ни владѣютъ, принадлежитъ не столько имъ, сколько Богу и государю. Къ подобнымъ рѣчамъ пріучилъ ихъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный своими насильственными поступками, что не могло быть иначе, въ слѣдствіе полной зависимости отъ него какъ ихъ самихъ, такъ и имущества имъ принадлежавшаго. Желая держать подданныхъ своихъ въ рабствѣ и постоянномъ страхѣ, онъ приказалъ, чтобы никто, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣлъ выѣзжать изъ государства ради какихъ либо своихъ выгодъ и ознакомляться съ свободою иностранныхъ земель; равнымъ образомъ никто изъ купцовъ, по своимъ дѣламъ, не смѣлъ безъ царскаго позволенія производить торговли внѣ предѣловъ Россіи.

За 10 лѣтъ передъ симъ, одинъ переводчикъ нѣмецкій, по имени *Іоаннъ Хельмъ* (Hans Helm), умершій на 97 году своей жизни, съ большимъ трудомъ упросилъ великаго князя отпустить сына своего, воспитаннаго имъ въ Москвѣ и предназначавшагося въ великокняжескіе доктора, для окончательнаго усовершенствованія въ медицинѣ, въ Германію, въ одну изъ тамошнихъ академій. Молодой Хельмъ вскорѣ оказалъ тамъ большіе успѣхи и, получивъ степень доктора, отправился въ Англію, въ Оксфордъ, гдѣ пріобрѣлъ огромную извѣстность. Докторъ этотъ и до сихъ поръ живетъ за границею, не думая возвращаться въ Москву, откуда ему удалось вырваться. Новгородскій купецъ *Петръ Миклафъ* (Peter Miklaff), пріѣзжавшій къ намъ годъ тому назадъ посланникомъ, человѣкъ умный и честный, захотѣлъ отдать мнѣ сына своего для обученія латинскому и нѣмецкому языкамъ, но не могъ получить на то позволенія ни отъ великаго князя, ни отъ патріарха.

Что же касается до нынѣшняго великаго князя, то, благодаря благоразумному правленію его, уже ничего не найдешь въ Россіи изъ того, что напр. было при Иванѣ Васильевичѣ, который насильственнымъ образомъ отнималъ имущества у своихъ подданныхъ. Нѣкоторые историки и теперь еще продолжаютъ сообщать ложныя свѣдѣнія о Россіи, приписывая ей то, что было при Герберштейнѣ, Павлѣ Іовіѣ и Гваньини, познакомившихъ насъ съ тѣмъ бѣдственнымъ ея состояніемъ, въ какомъ она находилась подъ желѣз-

нымъ скипетромъ Грознаго. Въ настоящее время многое уже измѣнилось изъ того, что писано было о Русскихъ въ прежнее время, многое уже и вовсе не существуетъ, что, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать всеизмѣняющему времени, правительству и самимъ Русскимъ. Нынѣшній великій князь человѣкъ умный и государь благочестивый; подобно чадолюбивому отцу своему, онъ не дозволяетъ обижать кого либо изъ своихъ подданныхъ и никого не допускаетъ до нищеты. Такъ, если кто либо изъ нихъ потерпитъ неурожай въ хлѣбѣ, или подвергнется какому либо несчастію и чрезъ то впадетъ въ бѣдность, то ему выдается, не смотря на то, государственный ли онъ или помѣщичій крестьянинъ, вспомоществованіе изъ учрежденнаго царемъ Приказа или Канцеляріи съ тѣмъ, чтобы онъ снова могъ поправиться, заплатить долги и за тѣмъ какъ слѣдуетъ нести государственныя повинности. Тѣ, которые за оскорбленіе его царскаго величества, или за другія большія преступленія ссылаются въ Сибирь (что впрочемъ теперь случается рѣже), въ настоящее время получаютъ, смотря по званію и состоянію своему, довольно порядочное содержаніе; вельможи же преступники на содержаніе свое получаютъ деньги. Такъ провинившійся писецъ получаетъ мѣсто писца же въ Приказѣ какого либо города въ Сибири; солдатъ и стрѣлецъ переводятся въ тамошнія войска, и какъ тотъ, такъ и эти получаютъ годовой окладъ и приличное содержаніе. Самое тяжкое наказаніе для Русскихъ состоитъ въ томъ, когда они не допускаются предъ лицо его царскаго величества и не могутъ видѣть его свѣтлыя очи.

При всемъ томъ, бываютъ примѣры, что нѣкоторые изъ этой немилости извлекаютъ выгоды, находя болѣе удобнымъ для себя жить въ Сибири, чѣмъ въ Москвѣ; тамъ наживаютъ они хорошее состояніе, и если имѣютъ при себѣ жену и дѣтей, то вовсе не желаютъ возвращаться въ Москву, даже и тогда, когда получаютъ полную свободу.

Великій князь русскій хорошо понимаетъ свое значеніе, а потому, подобно другимъ монархамъ и полновластнымъ властителямъ, соблюдаетъ jura Majestatis: онъ не подлежитъ никакому закону, самъ же, по своему усмотрѣнію, можетъ издавать разнаго рода постановленія, которыя (если они только могутъ быть осуществимы) принимаются и исполняются безъ всякаго противорѣчія и при-

томъ съ такимъ послушаніемъ, какъ будто бы даны были отъ самого Бога. Такое безпрекословное исполненіе царскихъ узаконеній вытекаетъ изъ того убѣжденія Русскихъ, что все, что ни дѣлаетъ великій князь (какъ справедливо пишетъ объ этомъ Chytraeus lib. 1. Saxon.), онъ дѣлаетъ по волѣ Божіей. Поэтому, въ доказательство справедливости и безукоризненности дѣйствій государя, у нихъ существуетъ пословица: «Бога и царя слово ненарушимо и должно быть почитаемо».

Великій князь назначаетъ и смѣняетъ властей, ссылаетъ и казнитъ ихъ по своему усмотрѣнію: слѣдовательно, у Русскихъ такой же образъ правленія, какой, по изреченію пророка Даніила, былъ въ царствованіе Новуходоносора.

Великій князь назначаетъ по городамъ и провинціямъ воеводъ (Weiwoden), которые съ канцлерами, дьяками и писцами производятъ въ нихъ судъ и расправу; рѣшенія ихъ одобряются Дворомъ и на нихъ не бываетъ апелляціи. При такомъ управленіи провинцій и городовъ, великій князь держится того правила, которое выхваляется у *Барклая* (Barclajus l. 3. c. 6.) *Клеобуломъ* (Cleobulus), совѣтовавшимъ королю Сицилійскому не оставлять воеводъ или управителей на одномъ мѣстѣ болѣе 2 или 3 лѣтъ, въ слѣдствіе той уважительной причины, что государство можетъ пострадать отъ злоупотребленій при долговременномъ ихъ правленіи, и что самые правители, снискавъ дружбу и расположеніе народа, могутъ сдѣлаться независимыми.

Великій князь имѣетъ право объявлять войну иностраннымъ державамъ, вести ее или окончить по своему усмотрѣнію, а если и спрашиваетъ въ этомъ совѣта у своихъ бояръ, то дѣлаетъ это подобно Ксерксу, созвавшему азіатскихъ сатраповъ единственно для того, чтобы показать имъ свое могущество, а не испрашивать у нихъ совѣта и мнѣнія касательно второй предпринимаемой имъ тогда войны. Такъ онъ объявилъ сатрапамъ, что они созваны имъ не для того, чтобы высказывать свои мнѣнія, но ради того только, чтобъ напомнить имъ, что они должны болѣе повиноваться, чѣмъ совѣтовать.

Великій князь обыкновенно отличаетъ высокими почестями, возводя въ княжеское достоинство, тѣхъ изъ государственныхъ сановниковъ, которые оказали особенныя услуги ему и государству. Нѣ-

которые изъ великихъ князей, узнавши, что въ Германіи лекарямъ даютъ дипломы на степень доктора, старались подражать этому обыкновенію и возводили (какъ выше мы уже видѣли) въ достоинство это своихъ лекарей, иногда даже простыхъ цирульниковъ.

У царя Русскаго есть собственныя деньги, которыя чеканятся изъ чистаго серебра, частію и изъ золота, въ 4-хъ городахъ: Москвѣ, Новгородѣ, Твери и Псковѣ. Всѣ русскія монеты вообще невелики (небольше датскихъ Sechsling и меньше еще нѣмецкаго пфенинга), частью круглы, частью продолговаты. На лицевой сторонѣ ихъ изображается всадникъ, поражающій копьемъ дракона—гербъ, принадлежавшій прежде одному только Новгороду; на другой—русскими буквами, имя великаго князя и города, въ которомъ онѣ вычеканены. Монеты эти называются *денежками*, *деньгами* (Denning) и *копѣйками* (Kopeck), каждая цѣною въ голландскій *стюверъ* (Stüffer), въ половину Мейссенскаго гроша (Meißnischer Groschen), или въ голландскій шилингъ; 50 такихъ монетъ составляютъ рейхсталеръ. Есть монеты еще мельче, называемыя *полушками* (Polushke) и *Московскими* (Muskoffske). Всѣ эти монеты, по своей мелкости, весьма неудобны въ торговлѣ, такъ какъ очень легко проваливаются сквозь пальцы и пропадаютъ изъ рукъ. Для отвращенія этого неудобства, Русскіе, осматривая, отмѣривая и вывѣшивая товары, часто берутъ въ ротъ до 50 штукъ полушекъ, и между тѣмъ говорятъ, продолжаютъ торговаться, такъ что невозможно ни замѣтить, что у нихъ ротъ полонъ денегъ, ни представить себѣ, чтобы онъ замѣнялъ у нихъ карманы. Они торгуютъ на *алтыны*, *гривны* и *рубли* (Griffen, Altin, Rubeln), хотя, собственно говоря, подобныхъ монетъ у нихъ и не имѣется; ихъ замѣняютъ они извѣстнымъ числомъ копѣекъ. Алтынъ заключаетъ въ себѣ три копѣйки, гривна—десять, рубль—сто. Употребляются у Русскихъ и наши рейхсталеры, называемые у нихъ ефимками (отъ Іохимсталя); они даютъ за него 50 копѣекъ, но вскорѣ обращаютъ въ мелкія монеты, находя въ томъ свою выгоду, такъ какъ рубль, или 100 коп., менѣе рейхсталера нѣсколькими лотами. Что касается до золотыхъ монетъ, то ихъ нельзя найти у нихъ въ большомъ количествѣ. Великій князь приказываетъ чеканить ихъ только по случаю какой либо побѣды надъ врагами и потомъ или даритъ ихъ солдатамъ, или раздаетъ ими милостыню, какъ это дѣлалось прежде.

Великій князь налагаетъ на товары въ разныхъ мѣстахъ государства своего довольно тяжелыя пошлины. Всѣ купцы, какъ иностранные, такъ и Русскіе, торгующіе въ Архангельскѣ и Астрахани, *платятъ пять процентовъ, что ежегодно приноситъ ему* большой доходъ.

Онъ отправляетъ великолѣпныя посольства къ императору римскому, королю датскому, шведскому, шаху персидскому и другимъ владѣтельнымъ особамъ. Значительные посланники называются *у нихъ великими послами* (Welikoi Posol), *менѣе значительные посланниками* (Poslanik). Великій князь посылаетъ иногда иноземнымъ государямъ большіе подарки, состоящіе большею частью изъ мѣховъ. Между прочими, замѣчателенъ подарокъ, присланный великимъ княземъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ германскому *императору Рудольфу II, при великолѣпномъ посольствѣ въ 1595* году, состоявшій, какъ я узналъ отъ вѣрнаго человѣка, изъ 1003 сороковъ соболей, 519 куницъ, 120 чернобурыхъ лисицъ, 337000 лисицъ, 3000 бобровъ, 1000 шкуръ волчьихъ, 74 рысьихъ.

Посланники, въ особенности же гонцы, которые привозятъ царскіе подарки, обыкновенно предлагаютъ съ своей стороны нѣсколько паръ соболей; въ замѣнъ этого, слѣдуетъ дарить ихъ другими вещами и если подарокъ будетъ незначителенъ, они сами намекаютъ объ этомъ.

Великій князь почти ежегодно отправляетъ посла или небольшихъ посланниковъ къ шаху персидскому по торговымъ дѣламъ, которыя, надо признаться, идутъ плохо, хотя царь и посылаетъ туда своихъ купцовъ; эти купцы, получая во время своего проживанія въ Персіи готовое содержаніе отъ шаха, могутъ пользоваться большими выгодами. Довольно часто отправляя посольства къ иностраннымъ государямъ, великій князь въ свою очередь принимаетъ и чужеземныя посольства; случается иногда, что въ Москвѣ сходится до 2 и 3 посольствъ отъ иноземныхъ государей. Выполненіе и отправленіе ихъ тянется долгое время. У нѣкоторыхъ изъ иноземныхъ государей есть постоянные консулы (consules perpetui) или резиденты; живутъ они на своихъ консульскихъ дворахъ. Въ Москвѣ выстроены весьма удобные дома и дворы, гдѣ могутъ помѣщаться посольства; въ нихъ не найдешь ни одной по-

стели, и если кто не желаетъ спать на соломѣ или на лавкѣ, то ему нужно привозить собственныя постели. Ворота Посольскаго Двора охраняются крѣпкою стражею, и до сихъ поръ соблюдалось очень строго, чтобы никто изъ иноземцевъ не выходилъ со двора. Посольства содержались точно въ плѣну. Въ настоящее же время, послѣ первой торжественной аудiенцiи, каждый можетъ идти, куда ему вздумается. Москвитяне говорили намъ, что мы первые изъ иноземцевъ, участвовавшихъ въ посольствѣ, пользовались совершенною свободою.

Посланники, вмѣстѣ съ штатомъ своимъ, получаютъ хорошее содержанiе, и во все время пребыванiя ихъ въ Москвѣ посѣщаются весьма часто назначаемыми для нихъ *приставами* и дворецкими, которые предлагаютъ имъ свои услуги. Обыкновенные вопросы, съ которыми они обращаются къ посламъ, состоятъ въ слѣдующемъ: что за дѣла у нихъ съ великимъ княземъ; не знаютъ ли они о содержанiи письма къ царю; есть ли у нихъ дары и сколько вручатъ ихъ его царскому величеству; не имѣютъ ли они чего нибудь поручить имъ отъ себя? Принявъ подарки, великiй князь, черезъ два или три дня, щедро одаряетъ пословъ различными вещами самой высокой цѣны.

Въ прежнiя времена, иноземные посланники, по выслушанiи торжественной аудiенцiи, въ продолженiи всего пребыванiя своего въ Москвѣ жили въ великокняжескихъ палатахъ и по временамъ обѣдали за столомъ его царскаго величества. Въ настоящее же время посылаются на Посольскiй Дворъ только однѣ милостивыя подачи кушанiй и напитковъ съ царскаго стола.

Посланники, также какъ и свита ихъ, при выѣздѣ, получаютъ въ подарокъ соболей и разнаго рода другiе мѣха, смотря потому сколько они представятъ даровъ отъ своихъ государей. Если они привезутъ отъ кого либо изъ иноземныхъ государей только одно дружественное письмо, то получаютъ въ подарокъ одинъ сорокъ или 20 паръ соболей цѣною въ 100 талеровъ, а въ Москвѣ стоющихъ еще дороже.

Посланники и гонцы могутъ ѣздить въ Россiи очень скоро и безпрепятственно, такъ какъ относительно этого предмета существуетъ весьма хорошее постановленiе; такъ въ различныхъ мѣстахъ государства содержатся крестьяне-ямщики, которые еже-

дневно должны имѣть на готовѣ 40 или 50 лошадей, и, по полученіи великокняжескаго приказа, немедленно ѣхать впередъ. Самъ приставъ, или кто либо другой, посылается впередъ и предувѣдомляетъ о скоромъ прибытіи посольства, и проѣдетъ ли оно днемъ или ночью, крестьяне непремѣнно должны явиться со своими лошадьми. Такимъ образомъ отъ Новгорода до Москвы (разстояніе между этими двумя городами будетъ до 120 нѣм. миль) можно доѣхать въ 6 или 7 дней; зимою же, по санной дорогѣ, можно прибыть въ Москву еще скорѣе. Каждый крестьянинъ, обязанный такой службой, получаетъ въ годъ до 50 рублей или до 60 рейхсталеровъ; притомъ, государь даетъ ему землю для хлѣбопашества и освобождаетъ отъ всѣхъ повинностей и налоговъ. Сверхъ того, во время разгону, приставъ долженъ давать каждому изъ этихъ крестьянъ по 1 или по 2 алтына, смотря по обстоятельствамъ. Такую подачу называютъ они хлѣбомъ съ масломъ. Многіе изъ крестьянъ стараются получить подобную должность, такъ какъ находятъ ее довольно покойною и притомъ выгодною.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О Московскихъ великихъ князьяхъ, царствовавшихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ другъ за другомъ въ продолженіи 100 лѣтъ, и о томъ, что случилось при нихъ замѣчательнаго.

Прежде нежели приступлю къ болѣе подробному изложенію внутренняго управленія Россіи и образа правленія, представлю здѣсь краткій обзоръ царствованій великихъ князей русскихъ и того, что случилось при нихъ замѣчательнаго. Начну съ Ивана Васильевича Грознаго и продолжу повѣствованіе мое до царя Михаила Ѳедоровича и нынѣшняго великаго князя Алексѣя Михайловича.

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

Царь Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ въ 1540 году и велъ съ сосѣдями продолжительныя и тяжкія войны; онъ привелъ

въ Москву изъ Лифляндіи много плѣнныхъ Нѣмцевъ (потомки которыхъ и теперь еще живутъ въ Москвѣ въ крайней бѣдности). Кромѣ Нѣмцевъ плѣнилъ онъ и многихъ другихъ, изъ коихъ нѣкоторые были Христіане, другіе—Татары и Турки. Съ этими послѣдними обходился онъ безчеловѣчнымъ (не скажу нехристіанскимъ) образомъ; точно также поступалъ онъ съ своими подданными. То, что я разсказалъ объ этомъ государѣ, при описаніи города Новгорода, весьма мало можетъ подтвердить слова Павла Іовія, который, въ началѣ первой книги своей исторіи, несправедливо говоритъ, будто бы онъ былъ: «Christianae religionis cultor sane egregius», т. е. отличнымъ ревнителемъ христіанской религіи. Писатель этотъ уже черезъ чуръ много приписываетъ ему религіозности. Безъ-всякаго сомнѣнія, онъ усвоилъ себѣ подобный взглядъ на этого государя потому, что видалъ, какъ онъ налагалъ на себя священническій санъ, рѣшалъ споры въ церковныхъ дѣлахъ, лицемѣрнымъ образомъ, подобно священникамъ и монахамъ, самъ совершалъ богослуженіе и церковные обряды, и что за столомъ пѣлъ Символъ Вѣры (Symbolo Athanasii).

Иванъ Васильевичъ имѣлъ семь женъ; отъ первой было у него два сына: Іоаннъ, котораго онъ самъ убилъ палкою, и Ѳеодоръ, наслѣдовавшій ему престолъ. Отъ послѣдней супруги онъ имѣлъ сына, по имени Димитрія, котораго Борисъ Годуновъ велѣлъ умертвить, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Грозный умеръ въ 1584 г. по Рожд. Христ., 28 марта, на 56 году отъ рожденія, самымъ страшнымъ образомъ, испустивъ духъ съ жалкимъ рыданіемъ и воплемъ. Тѣло его, еще за нѣсколько дней до смерти, начало гнить и издавать нестерпимый запахъ.

ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ.

Сынъ его Ѳедоръ Іоанновичъ былъ коронованъ на царство того же года, 31 іюля, будучи 22 лѣтъ отъ роду.

Такъ какъ этотъ великій князь былъ еще очень молодъ и притомъ не выказывалъ особенныхъ способностей въ управленіи государствомъ, которое, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, нуждалось въ государѣ умномъ и дѣятельномъ, а съ большею охотою занимался тѣмъ только, что звонилъ въ колокола предъ церковною службою и послѣ нея (какъ объ этомъ упоминаетъ Соло-

монъ Хеннингъ въ своей Лифляндской хроникѣ), то прекрасно сдѣлалъ, что поставилъ правителемъ государства *Бориса Годунова* (Boris Gudenow), государственнаго конюшаго, любимаго брата молодой великой княгини.

Этого Бориса Годунова, за его великій умъ, благоразумно-осторожное правленіе и за услуги государству, полюбили всѣ до такой степени, что, въ случаѣ смерти Ѳеодора Іоанновича и брата его, царевича Димитрія, никто не находилъ кромѣ его кого либо другаго достойнымъ занять великокняжескій престолъ. Услыхавъ объ этомъ и горя желаніемъ какъ можно скорѣе выполнить давно задуманный имъ планъ, Борисъ Годуновъ приказалъ подкупленнымъ имъ придворнымъ слугамъ умертвить молодаго царевича Димитрія, жившаго въ то время въ Угличѣ и имѣвшаго отъ роду только 9 лѣтъ. Совершивъ возложенное на нихъ порученіе, убійцы, въ надеждѣ на большую награду отъ правителя, пришли въ Москву, но правитель, желая сохранить въ тайнѣ это злодѣяніе, приказалъ умертвить убійцъ и въ то же время во многихъ мѣстахъ зажечь Москву, на тотъ конецъ, чтобы Москвитяне сокрушались не столько о смерти царевича, сколько о потерѣ домовъ своихъ и имущества, и такимъ образомъ, при своемъ собственномъ несчастіи, забыли о другомъ. Самъ же онъ, извѣстясь о убіеніи царевича, представился весьма опечаленнымъ и огорченнымъ, и немедленно отдалъ приказаніе отправить въ ссылку многихъ жителей города Углича, а самый дворецъ царевича срыть, какъ мѣсто, запятнанное убійствомъ.

Великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ, послѣ 12 лѣтняго правленія, впалъ въ кратковременную болѣзнь и умеръ въ 1597 году по Рожд. Христ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ умеръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ (брата его царевича Димитрія не было въ живыхъ), а потому бояре *начали совѣтоваться, кого бы имъ* избрать на царство. Послѣ кратковременнаго совѣщанія, они единодушно присудили корону Борису, который своимъ умомъ, осторожностью и искусствомъ править государствомъ превосходилъ всѣхъ знатныхъ

людей русскихъ. Услышавъ о своемъ избранiи, Годуновъ притворился, будто бы никогда не помышлялъ о царскоiй коронѣ, сопряженной съ заботами, безпокойствами, завистью и враждой, и сказалъ имъ, что охотнѣе будетъ носить на головѣ своей монашескiй клобукъ, чѣмъ царскiй вѣнецъ; въ слѣдъ за тѣмъ онъ удалился въ монастырь. Между тѣмъ, отъ друзей своихъ и преданныхъ ему вельможъ, онъ зналъ навѣрное, что никого кромѣ его не изберутъ на царство, и удалился въ монастырь единственно для того, чтобы потомъ согласиться на усиленныя просьбы бояръ. И дѣйствительно, все исполнилось такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Узнавъ объ удаленiи его въ монастырь къ сестрѣ своей, Русскiе поспѣшили къ нему толпами, пали на землю и съ плачемъ умоляли его не спѣшить постриженiемъ, такъ какъ они желаютъ избрать его на царство. Борисъ отказывался, но наконецъ, тронутый ихъ слезами и просьбами сестры своей, согласился принять корону, которой домогался уже давно и которой никогдабъ не уступилъ никому на свѣтѣ. Такимъ образомъ Борисъ Годуновъ избранъ былъ на престолъ русскiй въ 1597 году.

При этомъ государѣ появился въ Россiи одинъ русскiй монахъ по имени Гришка Отрепьевъ (Grieſka Utrepeja), родившiйся въ Ярославлѣ (Geresław), сынъ незначительнаго дворянина; за вольное поведенiе свое и разныя шалости былъ онъ заточенъ до того въ одномъ изъ монастырей. Убѣжавши оттуда, сталъ онъ выдавать себя за сына Грознаго Дмитрiя Ивановича, и довелъ дѣло до того, что дѣйствительно былъ признанъ за него и короnованъ въ Москвѣ. Онъ достигъ этого слѣдующимъ образомъ: будучи отъ природы уменъ и смѣтливъ, въ юношескихъ лѣтахъ, по внушенiю и наущенiю одного стараго хитраго монаха, тайно бѣжалъ онъ изъ монастыря въ Литву, гдѣ поступилъ въ услуженiе къ Адаму Вишневецкому и въ скоромъ времени успѣлъ пріобрѣсть всеобщее расположенiе своею обходительностiю. Случилось однажды, что Вишневецкiй, за что то разсердившись на него, обругалъ его и въ добавокъ поколотилъ; Гришка началъ горько плакать и сказалъ своему господину, что еслибы онъ зналъ, кого онъ прибилъ, то не сталъ бы поступать съ нимъ такимъ образомъ. На вопросъ князя, кто бы онъ былъ таковъ, онъ отвѣчалъ: «я любимый сынъ великаго князя Ивана Васильевича, на жизнь котораго покушался Борисъ Году-

новъ, но по ошибкѣ вмѣсто меня убилъ сына одного священника однихъ со мною лѣтъ и весьма на меня похожаго. Я-же, при помощи добрыхъ людей, тайно увезенъ былъ въ монастырь». Сказавъ это, Гришка показалъ ему золотой крестъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, присовокупивъ, что онъ данъ ему при крещеніи, а что до сихъ поръ онъ не объявлялъ о себѣ, то это дѣлалъ изъ страха къ Борису Годунову. Тутъ упалъ онъ въ ноги князю и въ жалобныхъ выраженіяхъ умолялъ его взять подъ свою защиту. Князь не могъ не повѣрить всей этой сказкѣ, когда Гришка разсказалъ ему подробно и притомъ съ увлеченіемъ о всѣхъ обстоятельствахъ своей прежней жизни (вымышленныхъ имъ заранѣе), сопровождая этотъ разсказъ приличными и даже изящными тѣлодвиженіями; немедленно приказалъ онъ выдать ему отличныя одежды, лошадей, и сталъ оказывать ему съ этого времени почести, приличныя сыну государя.

Между тѣмъ, тамъ и сямъ по государству русскому, начали поговаривать, что настоящій наслѣдникъ великокняжескаго престола живъ и что Богъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ враждебныхъ рукъ. Этому повѣрили, и стали вѣрить еще болѣе, когда великій князь Борисъ Годуновъ, смущенный подобными вѣстями, обѣщалъ большія деньги тому, кто доставитъ ему ложнаго Димитрія. Но Лжедимитрій, для большей его безопасности, отправленъ былъ изъ Литвы въ Польшу, гдѣ воевода Сендомірскій принялъ его очень благосклонно, за что тотъ обѣщался съ своей стороны, по восшествіи своемъ на престолъ русскій, утвердить тамъ католическую вѣру; воевода обязался помогать ему въ томъ, какъ войсками, такъ и деньгами. Недовольствуясь этимъ, Димитрій тайно принялъ римско-католическую вѣру, обѣщался жениться на дочери воеводы и сдѣлать ее великою княжною московскою. *Подобное предложеніе* понравилось воеводѣ, который въ скоромъ времени представилъ его польскому королю; при Дворѣ польскомъ онъ принятъ былъ за истиннаго царевича и пользовался почестями, приличными великому князю. Питая себя обольстительною надеждою на будущее счастіе супруга своей дочери и горя желаніемъ *распространить* въ *Россіи* католическую вѣру, воевода Сендомірскій продалъ имѣніе свое и вмѣстѣ съ другими панами вскорѣ собралъ значительное войско, съ которымъ Гришка немедленно и

отправился на Россію. Послѣ кровопролитныхъ сраженій и неудачныхъ переговоровъ съ великимъ княземъ, Димитрій сталъ дѣйствовать съ огромнымъ успѣхомъ и нашелъ многихъ себѣ приверженцевъ, даже между начальниками войска, высланнаго противъ него Борисомъ, изъ коихъ нѣкоторые перешли на его сторону. Все это до такой степени поразило Бориса Годунова, что 13 апрѣля 1605 года онъ умеръ скоропостижно.

ѲЕДОРЪ БОРИСОВИЧЪ.

(Избранъ В. Княземъ въ 1605 г.).

По смерти Бориса, бояре Московскіе избрали на престолъ сына его Ѳеодора Борисовича, бывшаго еще въ молодыхъ лѣтахъ; но видя, что Димитрій все болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ приверженцевъ, они, считая это дурнымъ для себя предзнаменованіемъ, собрали совѣтъ, разсуждали и рѣшили, что это дѣйствительно долженъ быть истинный царевичъ, подмѣненный въ Угличѣ, и потому положили не сопротивляться ему долѣе. Допустивъ такую мысль на своемъ собраніи, они, подобно легкомысленной черни, легко согласились съ нею и громко закричали: «Боже, даруй счастье Димитрію и истреби всѣхъ враговъ его!» Послѣ этого поспѣшили они въ Кремль, гдѣ не постыдились наложить руки на недавно избраннаго ими великаго князя Ѳеодора Борисовича, приставили къ нему стражу и умертвили всѣхъ оставшихся еще въ живыхъ отъ роду Годунова. Тогда отправили они пословъ къ Димитрію съ просьбою, чтобы онъ пришелъ въ Москву, сѣлъ на отцовскій престолъ и простилъ ихъ за долгое ему сопротивленіе, которое произошло частью по незнанію, частью же по побужденію Бориса Годунова, что теперь они открываютъ ему свободный путь и отдаютъ ему во власть Ѳеодора Борисовича съ его матерью и сестрою. Димитрій давно ждалъ этого; но прежде нежели идти въ Москву, ему необходимо было избавиться отъ Годуновыхъ. Для этого послалъ онъ въ столицу одного дьяка, или писца, по имени Ивана Богданова (Ивли Bogdanow), который долженъ былъ умертвить юнаго царя вмѣстѣ съ матерью его и разгласить въ народѣ, что они сами себя отравили ядомъ. Въ слѣдствіе такого распоряженія

молодой великій князь Ѳеодоръ Борисовичъ былъ удавленъ веревкою на другой мѣсяцъ своего царствованія, 10 іюня 1605 года.

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

16-го іюня Лжедимитрій подступилъ къ Москвѣ со всемъ своимъ войскомъ. На встрѣчу къ нему вышло все высшее и низшее сословіе народа, поднесены были богатые дары и выражено желаніе счастливаго въѣзда; 29 іюня онъ былъ коронованъ съ большимъ торжествомъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Лжедимитрій повелѣлъ призвать въ Москву мать царевича Димитрія, жившую до тѣхъ поръ, по приказанію Бориса Годунова, въ заточеніи въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей Россіи; этимъ самымъ желалъ онъ еще болѣе скрыть обманъ свой и показать, что онъ истинный царевичъ. Лжедимитрій, въ день въѣзда царицы-матери, самъ лично, съ великолѣпною свитою, вышелъ къ ней на встрѣчу, радостно привѣтствовалъ ее, приказалъ держать для нея царскій столъ въ Кремлѣ и посѣщалъ ее ежедневно, однимъ словомъ, оказывалъ ей такія почести, какія только можно было оказать любимой матери. Добрая женщина *очень хорошо знала, что истинный любимый сынъ ея умерщвленъ* и что этотъ ничто иное какъ обманщикъ, по частью изъ боязни, частью же потому, что могла теперь пользоваться почестями и спокойною жизнію послѣ всѣхъ бѣдствій, которымъ она подвергалась въ ссылкѣ, ни въ чемъ не противорѣчила Лжедимитрію.

Достигнувъ престола, Димитрій ни при Дворѣ, ни въ управленіи государствомъ не соблюдалъ тѣхъ обычаевъ и правилъ, коимъ слѣдовали всѣ прежніе великіе князья; такъ онъ женился на Полькѣ-Католичкѣ, дочери Сендомірскаго воеводы, взялъ большія суммы денегъ изъ великокняжеской казны, отослалъ ихъ въ видѣ приданаго невѣстѣ своей въ Польшу и наконецъ самому бракосочетанію допустилъ совершиться болѣе на польскій, чемъ на русскій ладъ. Еще на другой день послѣ свадьбы, молодая великая княгиня сняла уже съ себя русское платье и надѣла польское; самъ Димитрій приказывалъ поварамъ своимъ приготовлять телятину и ѣлъ ее, которой Русскіе не только что не ѣдятъ, но питаютъ къ ней сильное отвращеніе), ни разу послѣ брака не ходилъ въ баню, немытый съ собаками посѣщалъ церковь (въ слѣдствіе чего святыня

была поругана), не кланялся низко въ землю предъ св. иконами, и другими тому подобными несообразными съ духомъ русской жизни поступками поселилъ скорбь и печаль въ сердцахъ своихъ подданныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали уже догадываться, что они обмануты. Между тѣмъ знатнѣйшій изъ вельможъ русскихъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій велъ тайныя совѣщанія съ прочими князьями и духовенствомъ и представлялъ имъ, какой большой опасности можетъ подвергнуться отъ этого великаго князя и ихъ религія и государство и всѣ Русскіе, такъ какъ съ самаго прибытія своего выказываетъ онъ изъ себя не истиннаго царевича и не отца отечества, но измѣнника и обманщика. Доводы и убѣжденія Шуйскаго подѣйствовали на бояръ, участвовавшихъ въ заговорѣ, и общимъ, единодушнымъ рѣшеніемъ положено было свергнуть Лжедимитрія. Но тайный замыселъ ихъ не удался: Лжедимитрій узналъ о немъ и приказалъ казнить многихъ заговорщиковъ, а Шуйскаго, какъ зачинщика и предводителя, предать пыткѣ, бить и потомъ казнить смертью. Шуйскій выведенъ былъ на лобное мѣсто, голова его уже лежала на плахѣ, какъ неожиданно воспослѣдовало прощеніе. Лжедимитрій простилъ Шуйскому на этотъ разъ его преступленіе, желая такимъ поступкомъ выказать себя строгимъ, а вмѣстѣ и милостивымъ государемъ, внушить боязнь своимъ подданнымъ, въ случаѣ еслибъ они задумали вторичный заговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсть любовь своего народа. Русскіе дѣйствительно успокоились, но не надолго, только до свадьбы великаго князя, совершившейся 8 мая 1606 г., когда вмѣстѣ съ невѣстою прибыло въ Москву много Поляковъ и другихъ иноземцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы; тогда Русскіе снова открыли глаза. Князь Василій Ивановичъ опять собралъ у себя въ домѣ знатныхъ вельможъ московскихъ, представлялъ имъ, въ какомъ опасномъ положеніи находится ихъ отечество подъ властью Лжедимитрія и говорилъ, что если онъ еще долѣе останется на престолѣ, то всѣмъ имъ ничего не придется ожидать, какъ только одной погибели. Самъ онъ готовъ былъ жертвовать жизнію своею за спасеніе православной вѣры и за благоденствіе отечества и просилъ ихъ содѣйствія; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на совѣщаніи бояръ, не думая много, обѣщали ему помогать въ низверженіи Лже-

димитрія и клялись Богомъ кровью своею жертвовать за него, лишь бы онъ только началъ.

Принявъ такое рѣшеніе, бояре положили хранить его въ глубокой тайнѣ и не приступать къ дѣлу до тѣхъ поръ, пока не представится къ тому удобный случай. Случай этотъ не замедлилъ представиться въ послѣдніе дни празднованія свадьбы. Ночью 17 мая, въ 9-й день послѣ бракосочетанія Лжедимитрія, въ то самое время, когда онъ, отягощенный виномъ, наслаждался пріятнымъ сномъ вмѣстѣ со своими приближенными, вдругъ поднялась тревога, зазвонили въ колокола, и весь городъ вооружился съ удивительною поспѣшностью. Первое нападеніе сдѣлано было на дворецъ, находящійся въ Кремлѣ; истребивъ польскую стражу, стоявшую у воротъ, Русскіе отворили ихъ, проникли въ великокняжескіе покои, уничтожая и умерщвляя всѣхъ попадавшихся имъ на встрѣчу. Великій князь, думая о своемъ спасеніи, въ отчаяніи бѣгалъ по комнатамъ и выскочилъ въ окно на площадку, гдѣ стояла остальная стража, но былъ схваченъ, битъ и съ ругательствами снова приведенъ въ комнаты дворца. Здѣсь нашелъ онъ и мнимую мать свою. На вопросъ Шуйскаго, дѣйствительно ли Димитрій сынъ ея, она при крестномъ цѣлованіи отвѣчала отрицательно, утверждая, что у ней былъ одинъ только сынъ, который еще въ отроческихъ лѣтахъ былъ умерщвленъ измѣнническимъ образомъ; послѣ этого показанія, Лжедимитрія тутъ же на мѣстѣ застрѣлили изъ пистолета. За нимъ, безъ всякой пощады, умертвили слугъ его, гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу, и многихъ другихъ иноземцевъ, всѣхъ числомъ до 1700 человѣкъ, между коими было много ювелировъ, прибывшихъ въ Москву съ драгоцѣнными вещами. Великая княгиня, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, братьями, воеводами, а равнымъ образомъ и польскіе королевскіе посланники, отправленные въ Москву по случаю бракосочетанія Димитрія, были взяты въ плѣнъ и получали весьма дурное содержаніе; одна благородная женщина была обезчещена и убита. Трупъ Димитрія, раздѣтый до-нага, волочили по площади предъ Кремлемъ и потомъ положили на столъ, на которомъ онъ лежалъ въ продолженіи трехъ дней, чтобъ всякій могъ видѣть обманщика и проклинуть его; потомъ зарыли его въ землю, но вскорѣ вырыли и сожгли.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Исполнивши такимъ образомъ задуманное дѣло, Русскіе 1-го іюня 1606 года возвели на престолъ великокняжескій главнаго предводителя и виновника возстанія, князя Василья Ивановича Шуйскаго (Knes Wasili Iwanowiz Zuski). Едва вступилъ онъ въ управленіе государствомъ, какъ появился новый обманщикъ, князь *Григорій Шаховскій* (Gregori Schakorski), хотѣвшій воспользоваться именемъ бывшаго Лжедимитрія. Во время мятежа московскаго онъ успѣлъ захватить изъ дворца великокняжескую печать, ушелъ вмѣстѣ съ двумя Поляками въ Польшу и на всѣхъ постоялыхъ дворахъ распускалъ слухи, что онъ Димитрій, спасшійся отъ Русскихъ во время самой жаркой схватки, что они вмѣсто него, по ошибкѣ (ибо дѣло было ночью), убили другаго, что теперь онъ идетъ въ Польшу собирать новое войско для отмщенія Москвитянамъ за всѣ нанесенныя ему поношенія и обиды, при чемъ давалъ хозяевамъ и содержателямъ гостинницъ приличное награжденіе. Тѣ, которые не были въ Москвѣ во время мятежа, повѣрили ему и немедленно дали знать объ этомъ московскимъ жителямъ, что многихъ привело въ крайнее смущеніе и возбудило новыя опасенія. Теперь Русскіе должны были вести войну и съ этимъ обманщикомъ и еще съ приверженцами третьяго Лжедимитрія. Этотъ третій Димитрій былъ никто иной, какъ незначительный писецъ Московскій, весьма хитрый и притомъ краснорѣчивый человѣкъ. Польша, желавшая отмстить Россіи, не мало помогала этимъ обманщикамъ. Терпя одно сраженіе за другимъ, Русскіе приписывали неудачи царю своему Василію Ивановичу Шуйскому, полагая, что онъ по злополучной судьбѣ своей не можетъ выиграть побѣды, постоянно одерживаемой непріятелемъ; такъ они говорили, что кровопролитіе не уймется до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ править государствомъ. По внушенію трехъ знатныхъ вельможъ русскихъ: *Захарія Ляпунова* (Zacharias Lipzenow), *Михайла Молчанова* (Michael Molzanc) и *Ивана Косовскаго(?)* (Iwan Kesciski), они, въ третій годъ его царствованія, заключили его въ монастырь и противъ воли постригли въ монахи. За тѣмъ рѣшились они избрать себѣ великаго князя не изъ Русскихъ, но кого либо изъ великихъ иноземныхъ государей, королевскаго или великокняжескаго роду; выборъ палъ на польскаго королевича Вла-

дислава, который болѣе всѣхъ другихъ способенъ былъ занять царскій престолъ по своему могуществу, доблестямъ, наконецъ, по языку, нравамъ и одеждѣ. Вслѣдствіе этого, сдѣлали они предложеніе польскому королю, который и принялъ его на извѣстныхъ условіяхъ. Это было въ 1610 году по Рожд. Хр.

Тогда вывели Русскіе своего бывшаго великаго князя изъ монастыря и, вмѣстѣ съ братьями его, а также нѣкоторыми русскими вельможами, отправили плѣнными подъ Смоленскъ къ королю польскому; Василій Шуйскій умеръ въ Польшѣ въ темницѣ и погребенъ на дорогѣ между Варшавою и Торномъ.

ВЛАДИСЛАВЪ, СЫНЪ ПОЛЬСКАГО КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА.

Между тѣмъ король польскій далъ приказаніе главнокомандующему польскими войсками Станиславу Жолкевскому (Stanislav Solkovski), стоявшему въ то время подъ Москвою и находившемуся еще въ непріязненномъ къ ней отношеніи, чтобы онъ, заключивъ перемиріе, привелъ ее къ присягѣ Владиславу и до тѣхъ поръ оставался въ этомъ городѣ, пока не прибудетъ королевичъ. Жолкевскій спѣшилъ привести въ исполненіе приказаніе своего короля, не встрѣтивъ на это со стороны Русскихъ никакого сопротивленія; они клялись ему въ вѣрности Владиславу и, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе, впустили въ городъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 1000 человѣкъ, которое тотчасъ овладѣло Кремлемъ. Остальное польское войско расположилось лагеремъ подъ Москвою и вошло съ русскимъ войскомъ въ самыя дружественныя отношенія. Между тѣмъ мало по малу Поляки проходили въ городъ и въ скоромъ времени вмѣсто 1000 человѣкъ въ Кремлѣ оказалось до 6000 вооруженныхъ солдатъ. Наводнивъ собою почти всѣ дома, церкви и улицы, Поляки до того надоѣли наконецъ Русскимъ, что они отказались отъ всякихъ съ ними сношеній. Время текло, а великій князь все еще не являлся къ сроку. Это казалось Русскимъ подозрительнымъ. 26 января 1611 г. собрались они на площади предъ Кремлемъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и громко жаловались на солдатъ польскихъ за ихъ насильственные поступки, за оскорбленія, причиненныя ихъ женамъ, и въ особенности на то, что они не уважаютъ святыни, стрѣляя изъ пистолетовъ въ св. иконы. Такія тол-

ны по цѣлымъ днямъ стояли на площади. Содержаніе 6000 человѣкъ войска составляло не малую тягость для жителей, тратившихъ на это большія деньги, притомъ они постоянно были отвлекаемы Поляками отъ своихъ занятій и работъ, вслѣдствіе чего пришли въ крайнее истощеніе. Между тѣмъ Владиславъ не являлся, время проходило, и Русскіе не знали на что рѣшиться. Наконецъ терпѣніе ихъ истощилось, и они для спасенія своего рѣшились принять иныя мѣры. Не смотря на увѣщанія военачальника польскаго, старавшагося успокоить Русскихъ, не смотря даже на строгое наказаніе нѣкоторыхъ Поляковъ, Русскіе начали выказывать враждебное расположеніе къ врагамъ своимъ. Опасаясь всеобщаго возстанія, Поляки усилили стражу, заняли всѣ ворота, улицы и запретили Русскимъ имѣть при себѣ оружіе. Мѣра эта не успокоила, но еще болѣе раздражила Москвитянъ; большими толпами начали они сходиться въ разныхъ мѣстахъ, намѣреваясь, въ случаѣ нападенія, раздѣлить силы Поляковъ. Враги зажгли городъ въ различныхъ частяхъ его, что понудило Русскихъ спѣшить для спасенія женъ своихъ, дѣтей и всего того, что было для нихъ дорого въ домѣ. Въ скоромъ времени занялся такой страшный пожаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ кровопролитіе, что въ продолженіе 2 дней вся Москва, за исключеніемъ Кремля и каменныхъ церквей, обратилась въ пепелъ; до 200,000 Москвитянъ погибло отъ меча и пламени, остальные были разогнаны. Зажегши городъ, Поляки опустошили великокняжескій дворецъ, казну, церкви и монастыри; награбленныя сокровища—золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнныя камни и другія цѣнныя вещи отправили въ Польшу. Солдаты, по свидѣтельству Петрея, въ тщеславной гордости, заряжали ружья крупнымъ жемчугомъ и стрѣляли на воздухъ. Съ сожалѣніемъ вспоминаютъ Русскіе еще и донынѣ объ этомъ грабежѣ, въ которомъ похищенъ былъ большой единорогъ, усаженный алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

14 дней спустя послѣ этого возмущенія, прибылъ въ Москву съ нѣсколькими тысячами войска Захарій Ляпуновъ (который съ двумя другими боярами свергнулъ съ престола Шуйскаго, какъ выше уже сказано нами), осадилъ Поляковъ въ Кремлѣ (во время мятежа также довольно пострадавшемъ), нанесъ имъ нѣсколько пораженій

и наконецъ довелъ до того, что они принуждены были сдать Кремль и выйти изъ государства.

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Овладѣвши такимъ образомъ снова своимъ государствомъ, Русскіе избрали и короновали на царство въ 1613 г. Михаила Ѳеодоровича. Великій князь этотъ былъ сынъ Ѳеодора Никитича (Fedor Nikitiß), одного изъ потомковъ царя Ивана Васильевича. Оставивъ супружескую жизнь, Ѳеодоръ Никитичъ постригся въ монахи и потомъ избранъ сыномъ своимъ въ патріархи подъ именемъ Филарета Никитича (Filaret Nikitiß). Михаилъ Ѳеодоровичъ оказывалъ отцу своему во все время его жизни величайшее уваженіе и глубокую сыновнюю покорность. Князь этотъ отъ природы былъ человѣкъ благочестивый и богобоязненный. Такъ на торжественныхъ аудіенціяхъ, когда чужеземные послы являлись предъ его царскимъ величествомъ, отецъ его со всемъ клиромъ своимъ сидѣлъ по правую отъ него руку. Патріархъ этотъ скончался въ 1633 г., незадолго до нашего прибытія въ Москву. Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, вступивъ на престолъ Русскій, нашелъ государство свое въ большомъ разстройствѣ, вслѣдствіе чего спѣшилъ заключить миръ съ сосѣдственными государями. Правленіе его было мирно и спокойно. Будучи надѣленъ отъ природы прекрасными качествами, государь этотъ оказывалъ удивительную снисходительность, какъ къ подданнымъ своимъ, такъ и къ иностранцамъ; всѣ говорили, что въ продолженіи 100 лѣтъ государство не имѣло еще подобнаго благочестиваго великаго князя. Онъ умеръ скоропостижно въ 1645 году по Р. Хр. 12-го іюня, правивъ государствомъ 33 года, на 49 году отъ рожденія. Восемь дней спустя по смерти государя, умерла и супруга его великая княгиня. Ему наслѣдовалъ сынъ его Алексѣй Михайловичъ (Alexei Michailowiß), который царствуетъ въ настоящее время.

Теперь, прежде нежели перейду къ описанію царствованія этого великаго князя и народа Русскаго въ современномъ его состояніи, я упомяну здѣсь объ одномъ новомъ обманщикѣ, который въ исходѣ прежняго и въ началѣ нынѣшняго царствованія, подобно прежнимъ Лжедимитріямъ, безъ всякаго стыда и совѣсти выдавалъ себя за истиннаго наслѣдника великокняжескаго престола.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О Лже-Шуйскомъ, иначе называемомъ Тимошкою Анкудиновымъ, его происхожденіе, замыслы и смерть.

Въ обозначенное уже нами время появился между Русскими одинъ человѣкъ, выдававшій себя за *Іоанна Синенса* (Johannes Sinensis) или по Русски (какъ онъ самъ называлъ себя) за *Ивана Шуйскаго* (Iwan Suski, или Siuski). Будучи уличенъ въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, бѣжалъ онъ въ чужія земли и вздумалъ выдавать себя за сына Василія Ивановича Шуйскаго, бывшаго великаго князя Московскаго. Царь Алексѣй Михайловичъ, нынѣшній великій князь, приказалъ отыскать его, схватить и привезти въ Москву, что сопряжено было съ немалыми трудностями и издержками; при всемъ томъ онъ былъ схваченъ и въ прошедшемъ году казненъ въ Москвѣ.

Настоящее имя этому обманщику было *Тимошка Анкудиновъ* (Timoska Ankudina). Родился онъ въ городѣ Вологдѣ, въ уѣздѣ того же имени, отъ бѣдныхъ и незнатныхъ родителей: отецъ его былъ продавцемъ полотна, по имени *Дёмка* или *Дементій Анкудиновъ* (Demka или Dementi Ankudina). Замѣтивъ въ сынѣ своемъ большія способности и охоту къ ученью, отецъ послалъ его въ школу, гдѣ онъ въ скоромъ времени выучился читать, очень хорошо писать, чрезъ что и достигъ высшей степени русской учености. Владѣя отличнымъ голосомъ, онъ пѣлъ въ церквахъ на клиросѣ и этимъ то обратилъ на себя вниманіе тогдашняго архіепископа Вологодскаго и Великопермскаго, по имени *Пектарія* (Nectari), который взялъ его къ себѣ въ услуженіе при своемъ домѣ и церкви; исправляя эту должность, онъ велъ себя такъ примѣрно, что въ скоромъ времени архіепископъ выдалъ за него единственную дочь свою, прижитую имъ еще въ бытность его міряниномъ. Тимошка возгордился такою женитьбою и называлъ себя въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ внукомъ намѣстника великопермскаго. Ведя безпорядочную жизнь, онъ прожилъ все имѣніе своей жены, и, по смерти архіепископа, вмѣстѣ съ нею и дѣтьми отправился въ Москву, гдѣ принятъ былъ хорошимъ своимъ пріятелемъ *Иваномъ Патрикѣевымъ* (Ivan Patrikeon), служившимъ прежде при архіепископ-

скомъ Дворѣ, тогда же дьякомъ Приказа Новой Четверти (Nova Zetverti). Здѣсь Тимошка, въ этомъ же Приказѣ, опредѣлился писцомъ и, исправляя эту должность, велъ себя такъ примѣрно, что вскорѣ получилъ на свои руки приходъ и расходъ суммъ, идущихъ въ этотъ Приказъ отъ царскихъ кружечныхъ дворовъ. Нѣсколько времени велъ онъ дѣла свои честнымъ образомъ, но когда связался съ однимъ распутнымъ товарищемъ, началъ пить и играть, то рѣшился наложить руки на царскую казну. Замѣтивъ, что при предстоящемъ отчетѣ, (который при Московскомъ Дворѣ соблюдается весьма строго) недостаетъ въ царскихъ деньгахъ 100 рублей, онъ сталъ придумывать разныя средства какъ бы пополнить сумму и возвратить украденныя деньги. Наконецъ рѣшился онъ идти къ одному писцу того же Приказа *Василью Григорьевичу Шпилькину* (Basili Gregoriviç Spilki), своему куму, человѣку извѣстному въ Москвѣ по своей честности, который много помогалъ ему, и обмануть своего благодѣтеля. Въ Москву, говорилъ онъ ему, пріѣхалъ одинъ богатый купецъ изъ Вологды, хорошій мой пріятель, котораго я пригласилъ на завтрешній день къ себѣ въ гости, и такъ какъ желаю, чтобы жена моя, одѣвшись получше, могла выдти и поднести дорогому гостю чарку водки, то и прошу тебя, какъ моего кума и друга, ссудить меня жемчугомъ и другими драгоцѣнностями, что̀ я въ скоромъ времени возвращу тебѣ въ совершенной цѣлости. Шпилькинъ, не подозрѣвая его злаго замысла, охотно, даже безъ всякаго залога, снабдилъ его драгоцѣнностями, стоившими до 1000 талеровъ. По прошествіи срока, Тимошка нетолько не думалъ возвратить ему взятыя вещи, но на вопросъ его о нихъ, отвѣчалъ, что онъ ничего не бралъ отъ него, и что · если и взялъ, то онъ долженъ ему доказать это. Шпилькинъ потребовалъ Тимошку въ судъ и когда онъ и тутъ запирался, то приказалъ взять его подъ стражу. Но такъ какъ виновнаго ничѣмъ не могли уличить въ утайкѣ вещей, то его выпустили на поруки, а между тѣмъ онъ не досталъ и украденныхъ въ Приказѣ денегъ. Упрекаемый своею женою (съ которой онъ обходился очень дурно) за свое плутовство и распутную жизнь и опасаясь притомъ, чтобы она не донесла на него и не уличила въ воровствѣ, Тимошка рѣшился на слѣдующую плутовскую уловку: взявъ небольшаго сына своего и передавъ его на руки хорошему своему пріятелю *Ивану Пескову* (Ivan Peskou), въ Раз-

бойный Приказъ (Rosboynoy Prikase), пришелъ онъ ночью въ свой домъ (находившійся на Тверской (Tversky), неподалеку отъ двора шведскаго резидента), заперъ жену въ комнатѣ и зажегъ его, а самъ убѣжалъ въ Польшу, такъ что долгое время не знали, живъ ли онъ или сгорѣлъ вмѣстѣ съ женою въ домѣ. Это случилось осенью 1643 года.

Два года спустя, Русскіе послы прибыли въ Польшу и узнали о пребываніи здѣсь какого то Русскаго. Тимошка, опасаясь розыска, убѣжалъ въ 1646 г. къ казацкому вождю Хмѣльницкому (Chmielnizki), открылъ ему, что его преслѣдуютъ единственно за то, что онъ происходитъ отъ царской крови, и своими льстивными рѣчами вскорѣ успѣлъ снискать его любовь и милостивое расположеніе, вслѣдствіе чего онъ пользовался здѣсь очень хорошимъ содержаніемъ. Спустя нѣсколько времени, царскій посланникъ по имени *Яковъ Козловъ* (Iacob Koslou), будучи по одному дѣлу посланъ къ Хмѣльницкому, встрѣтился однажды съ Тимошкою и узналъ его; добрыми словами онъ увѣщевалъ его оставить перебѣжки и возвратиться въ Москву, обѣщая ему, по ходатайству и просьбѣ друзей, выхлопотать прощеніе въ похищеніи царскихъ денегъ. Въ Москвѣ тогда еще не знали, что въ бытность свою въ Малороссіи онъ выдавалъ себя за сына великаго князя Василія Ивановича Шуйскаго. Но Тимошка, не довѣряя этому предложенію и побуждаемый дурною совѣстью, въ 1648 г. бѣжалъ въ Турцію, гдѣ обрѣзался и принялъ магометанскую вѣру; но и здѣсь онъ не могъ ужиться долго, такъ какъ совершилъ какое то преступленіе и, изъ боязни потерять голову, бѣжалъ въ Италію, въ Римъ, гдѣ принялъ римско-католическую вѣру. Отсюда отправился онъ въ Австрію, въ Вѣну, а въ 1656 г. въ Трансильванію или Семиградію, къ князю Рагоцію, который повѣрилъ хитрымъ рѣчамъ обманщика, принялъ въ немъ живое участіе и согласился на настоятельную просьбу—отправить его къ какому либо изъ государей съ рекомендательнымъ письмомъ. Отсюда отправился онъ въ Швецію, гдѣ королева Христина, по рекомендательному письму князя Рагоція, приняла его весьма милостиво и отпустила отъ себя съ подобающими его происхожденію почестями. Между тѣмъ въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ русскихъ купцовъ, проживавшихъ въ Стокгольмѣ, что обманщикъ, котораго отыскиваетъ царь, прибылъ въ Швецію. Вслѣдствіе это-

го, его царское величество немедленно отправилъ писца Козлова (Cosloff) съ слѣдующимъ письмомъ въ Швецію: «дошло до свѣдѣнія его царскаго величества, что живетъ въ Стокгольмѣ одинъ русскій человѣкъ, который, къ большому вреду его величества, выдаетъ себя за сына царя Василья Ивановича Шуйскаго (да будетъ вамъ извѣстно, что сей послѣдній умеръ, не оставивъ дѣтей мужескаго пола) и называетъ себя Иваномъ Синенсомъ (Johannem Sinenſem), а потому его царское величество желаетъ, чтобы этотъ ложный Шуйскій, во уваженіе сосѣдственной дружбы, выданъ былъ нашему депутату». Но Тимошка, еще прежде прибытія этого депутата, успѣлъ уйти изъ Стокгольма и пробраться въ Лифляндію; оставшійся же въ Стокгольмѣ слуга его *Костька* (Coſtka, Conſtantin) былъ схваченъ, закованъ въ цѣпи и отправленъ въ Москву. Вслѣдъ за тѣмъ, по сыскной грамотѣ его величества, схваченъ былъ въ Ревелѣ и взятъ подъ стражу и самъ Тимошка, но успѣлъ освободиться и бѣжать оттуда. Между тѣмъ захвачены были въ Москвѣ мать Тимошкина и нѣкоторые изъ его друзей (такъ какъ ихъ подозрѣвали въ участіи въ заговорѣ), преданы пыткѣ и иные замучены до смерти. Убѣжавъ изъ Лифляндіи, Тимошка былъ въ Брабантѣ и потомъ, какъ самъ пишетъ, у эрцъ-герцога Леопольда, отсюда отправился онъ въ Лейпцигъ, потомъ съ однимъ Полякомъ, по имени Стефаномъ Липуцкимъ, въ Виттенбергъ, гдѣ принялъ религію по аугсбурскому исповѣданію и пріобщался св. таинъ, что видно изъ собственнаго его признанія, написаннаго имъ собственноручно на латинскомъ языкѣ съ приложеніемъ печати. Рукопись эта хранится въ библіотекѣ виттенбергскаго университета. За тѣмъ прибылъ онъ въ Голштинію, гдѣ схваченъ былъ въ городѣ Нейштадтѣ и взятъ подъ стражу Новгородскимъ купцомъ *Петромъ Миклафомъ* (Peter Miklaff), который посланъ былъ отъ его царскаго величества съ сыскною грамотою къ нѣмецкимъ князьямъ и владѣтелямъ; отсюда, по просьбѣ этого и другаго любскаго купца, перевезенъ онъ былъ въ Готторфъ, столицу Голштиніи, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока не получены были отъ его царскаго величества особенныя по этому предмету письма къ его свѣтлости герцогу Голштинскому.

Озабоченный этимъ обманщикомъ, его царское величество разо-

слалъ посланниковъ и гонцовъ по различнымъ мѣстамъ Германіи, снабдивъ ихъ ссыскными грамотами къ нѣмецкимъ князьямъ и владѣтелямъ, чтобы бѣжавшій нигдѣ не могъ найти безопаснаго для себя убѣжища. Услышавъ отъ отправленнаго по этому же дѣлу посланника, что Тимошка въ голштинскомъ городѣ Нейштадтѣ взятъ подъ стражу, его царское величество немедленно отправилъ къ герцогу голштинскому двухъ гонцовъ, одного за другимъ, съ письмомъ слѣдующаго содержанія (по нѣмецкому переводу):

«Его Царскаго Величества письмо къ Его Княжеской Свѣтлости Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому».

«Милостью Всемогущаго Бога, Творца всей вселенной, добраго утѣшителя и защитника народовъ, славнаго во Св. Троицѣ и Единосущности, всемогуществомъ и сопзволеніемъ Господа нашего Іисуса Христа избранный держать въ рукахъ своихъ скипетръ Христіанской вѣры, управлять и надзирать за обширнымъ Государствомъ Россійскимъ и защищать другія завоеванныя съ Божіей помощью земли, Мы Великій Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи и пр. и пр. (тутъ слѣдуетъ весь обыкновенный титулъ его)—Высокомощному Фридриху, Наслѣднику Норвежскому, Герцогу Шлезвигскому, Голштинскому, Готторпскому, Штормарскому, Дитмарскому, Графу Ольденбургскому и Дельменгорскому, нашъ дружескій привѣтъ».

«Въ прошедшемъ 1644 г. (по московскому календарю 7152 г.) обокрали нашего Царскаго Величества казну нѣкто по имени Тимошка Анкудиновъ съ Костькою Конюховымъ (*Kostka Koniſzow*); воры и грабители эти, страшась смертной казни, убѣжали изъ земли нашего Царскаго владѣнія въ Константинополь, гдѣ приняли магометанскую вѣру. Учинивши и тамъ плутовства разнаго рода, убѣжали они отъ смертнаго наказанія и пришли въ Польшу, а потомъ и въ Литву, гдѣ возмущали владѣтелей; за тѣмъ были у Запорожскихъ Казаковъ, у Гетмана Богдана Хмѣльницкаго (Theodato Chmelinski), который по нашему Царскому повелѣнію и Великаго Государя Яна Казиміра, брата нашего, Короля Польскаго, приказалъ схватить этихъ воровъ и мошенниковъ и передать сему послѣднему, вслѣдствіе чего и были они къ нему отправлены, какъ писалъ объ этомъ Хмѣльницкій Его Королевскаго Величества Камеръ-Юнкеру *Гермолицовскому* (Germoliſzowi) и нашему *Петру Протасову*

(Protesiovi), равно какъ и нашему Царскому Величеству. Но враги и измѣнники наши убѣжали въ Римъ и приняли тамъ Латинскую вѣру. Потомъ ѣздили они по другимъ Государствамъ и возмущали противъ насъ Государей, перемѣнили свои имена и выдавали себя—одинъ за Шуйскаго, въ другихъ мѣстахъ за Синенса (Sinensis), другой—Костька—за слугу перваго. Оба они появились потомъ въ Шведскомъ Королевствѣ, гдѣ были замѣчены нашими купцами изъ Новгорода и другихъ городовъ, схвачены и посажены въ тюрьму: Тимошка въ Ревелѣ, Костька же въ Нарвѣ. А какъ губернаторы, взявшіе плѣнниковъ, не хотѣли выдать ихъ намъ безъ повелѣній Шведской Королевы, то мы написали Великой Королевѣ чрезъ нашего Камеръ-Юнкера NN, чтобы она выдала намъ обоихъ вышеупомянутыхъ измѣнниковъ, на что Королева Шведская охотно согласилась и приказала передать ихъ нашему Камеръ-Юнкеру, когда онъ прибудетъ въ Ревель изъ Стокгольма. Пріѣхавъ въ Ревель, Камеръ-Юнкеръ нашелъ одного только Костьку, такъ какъ Тимошка убѣжалъ изъ тюрьмы, и во все время своего тамъ пребыванія нигдѣ не могъ найти убѣжавшаго измѣнника. Наконецъ поймали его въ Голштиніи, въ городѣ Нейштатѣ, и посадили въ тюрьму. По этой причинѣ, послали мы къ Вашей Свѣтлости письмо съ Посланникомъ нашимъ Василіемъ Шпилькинымъ (Wasili Spilkin) и другими подданными нашими, чтобы Вы выдали имъ нашего измѣнника и переслали къ намъ».

(Этимъ кончается первое письмо отъ 31 октября 1652 г., другое—отъ 5 января 1653 года слово въ слово сходное съ первымъ).

Послѣднее письмо имѣетъ слѣдующее прибавленіе: «но въ минувшемъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, прибылъ къ намъ изъ Новгорода Петръ Миклафъ и привезъ извѣстіе отъ вашихъ Совѣтниковъ въ доказательство тому, что онъ, съ *Іоанномъ фонъ Горепомъ* (Johann von Goren), изъ Любека, взялъ подъ стражу измѣнника нашего, вслѣдствіе чего мы извѣстили васъ, что онъ воръ и мошенникъ, и вы перевели его изъ Княжескаго города вашего Нейштата въ Готторфъ и содержите его подъ крѣпкою стражею. По этой причинѣ, посылаемъ Мы съ этимъ Нашего Царскаго Величества письмомъ Петра Миклафа, чтобы вы, въ силу нашего перваго и настоящаго письма, приказали выдать вышепомянутаго плѣннаго

посланнику нашему Шпилькину, Петру Миклафу и прочимъ подданнымъ нашимъ, и пріятно бы намъ было, еслибы измѣнникъ не убѣжалъ снова и не причинилъ намъ новыхъ безпокойствъ, за что наше Царское Величество взаимно окажетъ Вашей Свѣтлости одолженіе, гдѣ бы оно ни приключилось.

«Воръ и измѣнникъ нашего Царскаго Величества именемъ Тимошка ничтоженъ по своему происхожденію, сынъ одного торговца полотномъ, называемаго *Демкою Анкудиновымъ*, изъ предмѣстья Вологды; мать его *Саламанидка* (Salmanitka) и сынъ *Сережка* (Sereska) еще находятся-въ живыхъ. Этотъ Тимошка служилъ въ Москвѣ въ Приказѣ Новой Четверти, обокралъ казну нашу, умертвилъ жену свою и сжегъ домъ свой, причемъ погорѣли и другіе дома, однимъ словомъ, нанесъ много вреда подданнымъ нашимъ, вслѣдствіе чего приговоренъ онъ былъ къ смертной казни, но убѣжалъ и до настоящаго времени скрывался внѣ Государства нашего, причиняя безпокойства иноземнымъ Государствамъ. Дано въ нашей Царской столицѣ Москвѣ 5 января въ 7061 г. отъ сотворенія міра» (или 1653 г. по Р. Христ.).

Третье и послѣднее письмо, присланное отъ его царскаго величества его свѣтлости, по этому же дѣлу, было отъ 17 октября того же года, по которому плѣнный былъ выданъ Русскимъ.

Однимъ изъ депутатовъ, которые привозили эти письма и увезли плѣннаго, былъ, какъ видно изъ царскаго письма, Григорій Шпилькинъ, бывшій сотоварищъ Тимошки, писецъ въ Новой Четверти, обманутый имъ въ драгоцѣнныхъ жениныхъ вещахъ. Однажды, въ присутствіи нѣкоторыхъ придворныхъ, дозволено было ему войти къ Тимошкѣ и поговорить съ нимъ; обманщикъ подошелъ къ нему съ важною осанкою и сначала не хотѣлъ ни узнать его, ни говорить съ нимъ по Русски, а повелъ рѣчь на языкѣ Сарматскомъ (?) (Sarmatiſche Sprache), котораго, разумѣется, Шпилькинъ не могъ понимать. На вопросъ Шпилькина, не онъ ли Тимошка Анкудиновъ, обокравшій казну вѣликаго князя и учинившій много другихъ преступленій, обманщикъ отвѣчалъ: «очень легко можетъ быть, что какой нибудь Тимошка Анкудиновъ и обокралъ княжескую казну (подъ выраженіемъ «обокрасть великокняжескую казну» не слѣдуетъ понимать покражу со взломомъ, а просто похитить деньги, принадлежащія казнѣ), но это не относится ко мнѣ

ибо я называюсь Іоанномъ Синепископъ, по Русски Шуйскимъ». Сказавши это, онъ не утверждалъ уже, что онъ сынъ бывшаго великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго. Когда же Шпилькинъ заговорилъ снова и напомнилъ ему о прежней его жизни, то Тимошка началъ ругать Шпилькина, не признавая его за посланника и объявляя, что онъ продавецъ булавокъ, при чемъ упомянулъ о его имени. Въ другой разъ, Тимошка, по собственному своему желанію, былъ допрашиваемъ государственнымъ канцлеромъ и членами совѣта касательно нѣкоторыхъ пунктовъ, а именно: какого онъ происхожденія и роду; не родственникъ ли онъ нынѣшнему великому князю; почему великій князь его преслѣдуетъ, и чѣмъ онъ могъ вредить ему? На всѣ эти вопросы онъ отвѣчалъ частью устно, частью же письменно въ своемъ признаніи. Вотъ собственныя слова его: «всѣмъ извѣстно, что я Іоаннъ Синепископъ, по Русски же Иванъ Шуйскій, названный въ святомъ крещеніи Тимоѳѣемъ, сынъ Василія Домиціана Шуйскаго (получившаго это имя отъ города Шуи (Suia), лежащаго въ московскомъ княжествѣ), происхожу отъ роду московской націи (ex familia nationis Moscovitiсae), воспитанъ въ одной изъ провинцій царства польскаго (in parte quadam regni Poloniae provincia) Новгородѣ Сѣверскомъ (Novogardka Severskhio), наслѣдственный владѣтель принадлежащей мнѣ Сѣверской Украйны, страны болотистой (Hukragina Serverska), лежащей близъ Московской границы. Нынѣшній великій князь мнѣ не родственникъ, такъ какъ отецъ его происходитъ изъ дворянскаго рода, мой же изъ княжескаго, и за то онъ и преслѣдуетъ меня. Ханъ Татарскій (Chan Tatarski), который теперь снова ведетъ войну съ Польшею, побуждалъ меня напасть на московское государство, на что я не согласился, потому что предки мои называли эти земли своимъ отечествомъ, да и изъ любви къ нему я не рѣшился на это. Я могъ идти на владѣніе великаго Князя съ 100,000 человѣкъ, но Богъ не допустилъ меня до этого и т. п.» Объ этомъ же говорилъ онъ и въ письмѣ своемъ къ патріарху. Московскій посланникъ, прибывшій изъ Швеціи, явился къ Тимошкѣ и, возбудивъ въ немъ къ себѣ довѣріе, посовѣтовалъ ему, чтобы онъ билъ челомъ патріарху, который имѣетъ большой вѣсъ у великаго князя и можетъ выхлопотать ему помилованіе; самъ онъ, съ своей стороны, обѣщалъ сдѣлать въ его пользу всѣ,

что только будетъ въ его силахъ. Тимошка повѣрилъ словамъ этого Русскаго и передалъ ему запечатанное письмо къ патріарху, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что онъ именемъ Тимоѳѣй, названный такъ во св. крещеніи (отсюда и умепьшительное Тимошка), былъ ослѣпленъ до того, что хотѣлъ идти войною на Россію съ 300,000 человѣкъ, но ангелъ Божій явился къ нему ночью и удержалъ его отъ этого намѣренія, противнаго вѣрѣ и отечеству. Послѣ этого, продолжалъ Тимошка, желалъ онъ возвратиться домой и хотя могъ бы уйти изъ нейштатской темницы, но не хотѣлъ этого сдѣлать и счёлъ за лучшее съ депутатомъ возвратиться въ Москву. Когда же посланникъ, въ моемъ присутствіи, прочиталъ это письмо, то онъ, отказываясь отъ своей руки, утверждалъ, что ничего не знаетъ объ этомъ, представлялъ другой почеркъ, ругалъ и поносилъ посланника, который, не вытерпѣвъ этого, бросилъ ему письмо въ лицо и плюнулъ, Тимошка же тотчасъ поднялъ его и разорвалъ на мелкія куски. Своими непостоянными, перемѣнчивыми рѣчами и письмами онъ доказалъ ясно, что былъ обманщикъ. Иногда говорилъ, что онъ Русскій и сынъ великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго, а въ признаніи письменномъ называлъ отца своего Васпліемъ Доминіаномъ; но извѣстно, что изъ трехъ братьевъ Шуйскихъ не было ни одного Доминіана, а кромѣ этихъ тогда не было ни одного въ Россіи. Иногда называлъ онъ себя Русскимъ, а въ признаніи говорилъ совсѣмъ противное: «я осмѣлюсь попробовать наглядно доказать, что въ настоящемъ моемъ положеніи, будучи совершенно измученъ болѣзнію и пытками, я никакимъ образомъ, ни по языку, ни по нравамъ не могу быть признанъ за Русскаго (Москвича.)» Этотъ Лже-Шуйскій не носилъ окладистой бороды, какую обыкновенно можно видѣть у Русскихъ. Странствуя по различнымъ землямъ, онъ очень хорошо выучился латинскому, итальянскому, турецкому и нѣмецкому языкамъ, такъ что могъ свободно объясняться на каждомъ изъ нихъ. Отлично зная русскую грамоту, онъ могъ подписываться подъ различныя руки, чѣмъ и пользовался для своей выгоды. Онъ хотѣлъ заподозрить дьяковъ, присланныхъ за нимъ отъ великаго князя къ его свѣтлости, стараясь доказать, что письма, данныя имъ, ложны, потому что не подписаны ни великимъ княземъ, ни даже кѣмъ либо изъ русскихъ вельможъ. «Всякому извѣстно, говорилъ онъ, что письмо безъ собственно-

ручной подписи не имѣетъ никакой силы.» Тимошка воображалъ, что мы не знаемъ правилъ и обычаевъ русскихъ приказовъ: ни одно царское посланіе или письмо къ иностраннымъ государямъ, ни одинъ контрактъ не подписывается собственноручно самимъ государемъ, а прикладывается къ нимъ только большая царская печать. Вмѣсто царя, на документахъ, при совершеніи контрактовъ, подписываются бояре и высшіе государственные сановники и прилагаютъ свои печати, что̀ имѣетъ такую же силу, какъ и царская подпись. Видя такимъ образомъ, что хитрость не удалась и обманъ замѣченъ, Тимошка, будучи уже выданъ Русскимъ, задумалъ лишить себя жизни. Такъ на дорогѣ въ Травемюнде (откуда его слѣдовало отправить моремъ), недалеко отъ Нейштата, онъ выскочилъ изъ кареты и изо-всей силы ударился головой о землю, въ надеждѣ попасть подъ колёса и тутъ найти вѣрную смерть, но почва въ этомъ мѣстѣ была песчаная и карета была тотчасъ остановлена; невредимымъ подняли его съ земли, посадили въ карету, и съ этихъ поръ стали присматривать за нимъ строже. Приближаясь къ Москвѣ, онъ придумывалъ различныя средства лишить себя жизни, но замысловъ своихъ не могъ привести въ исполненіе, такъ какъ за нимъ постоянно былъ тщательный надзоръ. При всемъ томъ, до пріѣзда въ Новгородъ, онъ былъ довольно веселъ, но по мѣрѣ приближенія своего къ Москвѣ, сталъ онъ замѣтно печалиться и не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить.

По прибытіи въ Москву, тотчасъ подвергнули его пыткѣ, въ которой онъ выказалъ удивительное терпѣніе вмѣстѣ съ какою-то дерзостью, изъ чего можно заключить, что онъ дѣлалъ это или по сумашествію, или потому что не думалъ уже найти себѣ пощады ни въ случаѣ признанія, ни въ случаѣ упорства; поэтому, въ отчаяніи, рѣшился онъ продолжать начатыя имъ ложныя показанія, которыми хотѣлъ оставить по себѣ память у иноземныхъ государей, повѣрившихъ его льстивымъ рѣчамъ. Что же касается до совѣсти, то въ этомъ дѣлѣ ея было у него столько же, сколько и при измѣненіи имъ различныхъ вѣроисповѣданій; можетъ быть, поступая такимъ образомъ, думалъ онъ, лучше стремглавъ влетѣть въ адъ, чѣмъ *просто войти* въ него.

Когда его привели къ допросу и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли подвергнуть пыткѣ, то онъ въ присутствіи нѣкоторыхъ бояръ, назначен-

ныхъ по этому дѣлу, сказалъ, что «никого не считаетъ болѣе достойнымъ, съ кѣмъ бы онъ могъ поговорить надлежащимъ образомъ, какъ боярина Никиту Ивановича Романова» (это сказалъ онъ потому, что Никита Ивановичъ уже давно былъ извѣстенъ ему своими доблестями и добротою). Два боярина пошли къ Никитѣ Ивановичу и попросили его придти на пытку. Между тѣмъ Тимошкѣ захотѣлось пить, и когда ему подали квасу въ деревянной чашкѣ, то онъ не хотѣлъ до нее и дотронуться, а потребовалъ мёду и притомъ въ серебряной чашкѣ. Желаніе его было исполнено, но онъ выпилъ немного. При входѣ Никиты Ивановича Романова, онъ поклонился ему довольно почтительно, но все таки продолжалъ утверждать, что онъ сынъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Присутствовавшіе на пыткѣ доказывали ему, что онъ сынъ Дементья Анкудинова, бывшаго бѣднаго торговца полотномъ въ Вологдѣ, и что онъ никакимъ образомъ не можетъ быть изъ роду князей Шуйскихъ, ибо бывшій блаженной памяти великій князь Василій Ивановичъ Шуйскій не имѣлъ дѣтей, а только двухъ братьевъ, князей Димитрія Ивановича и Ивана Ивановича, которые также не оставили послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Всѣ три брата отправлены были въ Польшу вмѣстѣ съ тогдашнимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ; изъ нихъ первые два умерли въ Польшѣ, а третій Иванъ Ивановичъ, прибывши обратно въ Москву вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ царствованіе нынѣшняго государя. Былъ еще одинъ изъ роду Шуйскихъ, именно дядя трехъ вышепомянутыхъ нами братьевъ, Василій Ѳедоровичъ Шуйскій, имѣвшій одного только сына, князя *Михаила Васильевича Скопина Шуйскаго* (Xięż Michał Wasilowiç Zuski-Skopin), который умеръ при взятіи Новгорода Шведами и также не имѣлъ наслѣдниковъ. Изъ всего этого ясно видно, что Тимошка никакимъ образомъ не могъ быть изъ роду князей Шуйскихъ.

На пытку привели и мать обманщика (въ настоящее время она постриглась въ монахини). Горько плакала она о его несчастіи и совѣтовала ему опомниться, бросить задуманныя имъ глупости, сознаться въ нихъ и просить царя о помилованіи. Тимошка грустно смотрѣлъ на нее, но все таки не хотѣлъ признать ее за свою мать. Сюда-же привели также и бывшаго пріятеля его дьяка Ивана Пескова (Peskou), которому поручилъ онъ своего сына предъ бѣг-

ствомъ изъ Москвы. Довольно грубо Песковъ напомнилъ Тимошкѣ, что пора бы ему ужъ и перестать дурачиться, хитрить и обманывать, и что великій князь причинилъ ему (Пескову) за него много непріятностей и оказываетъ величайшую немилость: «Пора бы тебѣ подумать о Богѣ», продолжалъ онъ, «признаться во всемъ и вспомнить о сынѣ, котораго ты поручилъ мнѣ». (Нужно замѣтить, что сына этого онъ прижилъ не съ своею законною супругою, а отъ служанки.) Тимошка посмотрѣлъ на сына, потомъ на Пескова, поздоровался съ нимъ и не сказалъ больше ни слова. Приводили еще нѣсколькихъ прежнихъ его пріятелей и сослуживцевъ, но на всѣ ихъ увѣщанія—признаться въ истинѣ, Тимошка отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ. Потомъ осматривали его и нашли, что онъ былъ обрѣзанъ, чѣмъ и кончилась пытка. На другой день привели его опять къ допросу по нѣкоторымъ пунктамъ, но онъ не отвѣчалъ уже никому. Тогда вывели его на большую площадь, предъ Кремлемъ, и прочитали приговоръ о казни за его преступленія. Судъ присудилъ четвертовать обманщика. Его раздѣли, положили на землю, сначала отрубили по локоть правую руку, потомъ лѣвую ногу по колѣно, тоже самое сдѣлали съ остальною рукою и ногою, и въ заключеніе отрубили голову. Отрубленныя части тѣла выставлены были на показъ: голову воткнули на одинъ изъ пяти находившихся тутъ столбовъ, руки же и ноги размѣстили по остальнымъ четыремъ. Все это оставалось на площади до слѣдующаго дня. Туловище оставлено было на землѣ, между столбами, и ночью съѣдено собаками. На другое утро палачь собралъ отрубленныя части тѣла и вмѣстѣ съ остатками туловища и самыми столбами, положивъ въ сани, вывезъ за городъ и бросилъ въ грязную, помойную яму.

Что же касается до бывшаго слуги Тимошки, Костьки, то судъ опредѣлилъ ему присутствовать при казни своего господина; его не лишили жизни, какъ человѣка во всемъ искренно признавшагося, но какъ преступнику противъ его царскаго величества ему присудили отрубить на правой рукѣ два пальца. Но по ходатайству патріарха, наказанію этому подверглась лѣвая рука, на томъ основаніи, что правою рукою онъ долженъ былъ молиться, что весьма важно въ ихъ вѣроисповѣданіи. Послѣ этого Костьку сослали въ одинъ изъ Сибирскихъ городовъ, съ назначеніемъ пожизненнаго содержанія.

Въ тотъ самый день и часъ, когда совершилась казнь Тимошки, польскій посланникъ, прибывшій не задолго предъ тѣмъ въ Москву, будучи приглашенъ на аудіенцію, умышленно привезенъ былъ на лобное мѣсто, для того чтобы могъ быть свидѣтелемъ казни и потомъ извѣстить свое правительство, что ложный Шуйскій, бывшій нѣсколько времени въ Польшѣ, публично преданъ смерти.

Вотъ истинное описаніе жизни и смерти Лже-Шуйскаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О короновании великаго князя Алексѣя Михайловича и о короновании вообще.

12 іюля 1645 года по Р. Христ. умеръ, какъ выше сказано, великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, самодержецъ всея Россіи. Тотчасъ же, на другой день, объявленъ былъ государемъ и великимъ княземъ всея Россіи 16-лѣтній сынъ его *Алексѣй Михайловичъ* (Alexei Michailovitz); того же дня его короновали и присягали всѣ сословія, по единодушному согласію бояръ, вельможъ и всего народа.

По особеннымъ видамъ и расчетамъ одного сильнаго вельможи русскаго, *Бориса Ивановича Морозова* (Boris Ivanovitz Morosov), бывшаго гофмейстера молодаго государя и его воспитателя, коронованіе должно было совершиться какъ можно скорѣе: это было причиною тому, что не всѣ, обыкновенно присутствующіе при коронованіи, могли на него явиться.

Коронованіе московскихъ великихъ князей, когда оно должно производиться по установленнымъ единожды правиламъ, совершается слѣдующимъ образомъ:

Сначала сзываются въ Москву всѣ митрополиты, архіепископы, епископы и игумены, князья, воеводы и всѣ службой обязанныя лица, равнымъ образомъ и знатные купцы изъ всей Россіи и областей, подвластныхъ великому князю.

Предъ совершеніемъ коронованія, патріархъ съ митрополитами и другими духовными особами идетъ въ кремлевскую церковь. За нимъ слѣдуетъ новый великій князь, съ боярами, государст-

венными сановниками и служащими людьми. Въ церкви устраивается на это время возвышенное мѣсто (въ 3 ступени вышиною) и покрывается драгоцѣнными коврами; потомъ ставятъ на него три стула, обитые золотою матеріею, одинъ для великаго князя, другой для патріарха, на третій же кладется шапка великокняжеская, украшенная драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, съ небольшою короною, унизанною алмазами. Подлѣ этой шапки полагается драгоцѣнный кафтанъ, кругомъ обшитый золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и подбитый совершенно черными соболями. Кафтанъ этотъ, какъ говорятъ Русскіе, получилъ Владиміръ (*) Мономахъ во время Татарской войны изъ Кафы и повелѣлъ употреблять его при короновапіи великихъ князей.

Когда царь, сопровождаемый боярами, войдетъ въ церковь, то священники начинаютъ пѣть; потомъ патріархъ читаетъ молитву, въ коей молитъ Бога, Николая чудотворца и прочихъ св. угодниковъ Божіихъ—освятить присутствіемъ своимъ настоящее короноваиіе. Тогда выступаетъ впередъ одинъ изъ знатныхъ государственныхъ сановниковъ съ избраннымъ великимъ княземъ, обращается къ патріарху и говоритъ отъ лица прочихъ, что они считаютъ его за ближайшаго наслѣдника царства русскаго и желаютъ, чтобы онъ благословилъ и короновалъ его. Тогда беретъ патріархъ новоизбраннаго государя, сажаетъ его на стулъ и благословляетъ небольшимъ золотымъ крестомъ, унизаннымъ драгоцѣнными камнями. Послѣ этого одинъ изъ митрополитовъ читаетъ слѣдующую молитву, какъ ее записалъ Петрей въ своей Московской хроникѣ: «Господи Боже нашъ, царь царствующимъ, избравшій чрезъ пророка Самуила раба твоего Давида и помазавшій его на царство народа Израильскаго! Услышь нынѣ молитву нашу, приносимую Тебѣ недостойно и воззри съ высоты Твоей на вѣрнаго раба Твоего, сидящаго здѣсь на тронѣ, котораго Ты удостоилъ править народомъ, искупленнымъ кровью Единороднаго Сына Твоего; помажь его елеемъ радости, защити его силою Твоею, возложи на главу его корону, украшенную драгоцѣнными камнями, даруй ему долголѣтнюю жизнь, вручи въ руки ему царскій скипетръ,

(*) Олеарій называетъ его ошибочно Димитріемъ.

посади его на престолъ правосудія, покори ему всѣ языцы вражескіе; пусть будутъ сердце и чувства его всегда пребывать въ страхѣ Твоемъ и во все время жизни своей да будетъ онъ послушенъ Твоимъ повелѣніямъ; освободи его отъ всѣхъ ересеи и заблужденій, наставь его защищать и сохранять въ цѣлости все, что установила Греческая Церковь. Суди право народъ Твой, окажи милость Твою неимущимъ, чтобы они могли наслѣдовать Царствіе Божіе». Молитву эту заключаетъ патріархъ громкимъ возгласомъ: «Яко Твое есть царство, и сила, и слава, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

По окончаніи этой молитвы, два епископа берутъ со стула шапку и кафтанъ и держатъ ихъ, между тѣмъ какъ патріархъ велитъ боярамъ взойти на площадку и надѣть кафтанъ на великаго князя, послѣ чего благословляетъ его. Потомъ беретъ онъ самъ царскую шапку, отдаетъ ее одному изъ бояръ и, проговоривъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», велитъ ему надѣть ее на великаго князя, причемъ благословляетъ государя въ третій разъ. Потомъ призываетъ онъ все присутствующее на короноваціи духовенство, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ благословилъ великаго князя. По окончаніи этой церемоніи, садятся великій князь и патріархъ на стулья, но вскорѣ встаютъ съ нихъ снова. Тогда священники начинаютъ пѣть литію (Litaney) «Господи помилуй» (Gospodi pomilui), и, при всякомъ третьемъ возгласѣ, поминаютъ великаго князя, послѣ чего патріархъ и великій князь снова садятся, а одинъ изъ митрополитовъ идетъ къ алтарю и говоритъ громкимъ голосомъ: «Боже соблюди намъ нашего царя и великаго князя всея Руси и даруй ему жизнь долгую и доброе здравіе!» Подобное желаніе повторяется всѣми прочими священниками и боярами, всѣми присутствующими въ церкви, и внѣ ея раздаются клики радости. Потомъ бьютъ челомъ царю всѣ знатные вельможи и цѣлуютъ у него руку. Послѣ этого выступаетъ предъ нимъ патріархъ и говоритъ ему краткое наставленіе въ слѣдующихъ словахъ: «такъ какъ онъ (т. е. государь), промысломъ Божіимъ и по желанію всѣхъ государственныхъ чиновъ свѣтскаго и духовнаго сословія, избранъ на царство и коронованъ великимъ княземъ всея Руси, и ему поручена столь важная обязанность управленія государствомъ, то да будетъ любить онъ Бога, поступать по его

законамъ, руководствоваться справедливостью, защищать и распространять истинную греческую вѣру».

Послѣ этого, снова получаетъ великій князь благословеніе отъ патріарха и идетъ изъ церкви въ другую, противоположную ей, называемую Михайло-Архангельскою. Между тѣмъ народу бросаютъ деньги, а въ церкви поютъ литію. Отсюда идетъ великій князь въ церковь Св. Николая, изъ которой, въ сопровожденіи бояръ, отправляется въ большую залу (Saal), гдѣ приготовляется какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ великолѣпное угощеніе, съ котораго многіе съ трудомъ убираются домой.

Титулъ, присвоиваемый Русскими ихъ великому князю, пишется слѣдующимъ образомъ:

«Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя Росіи Самодержцу, Московскому, Кіевскому, Владимірскому, Новгородскому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Сибирскому, Государю Псковскому и Великому Князю Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ, Государю и Великому Князю Новагорода Низовскія земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и всея сѣверныя страны Повелителю и Государю Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и инымъ многимъ государствамъ и землямъ восточнымъ, и западнымъ и сѣвернымъ отчичу и дѣдичу (Otſchitſchen, Dedſchen) и наслѣднику и государю и обладателю.»

(Продолженіе слѣдуетъ).

О СОСТОЯНІИ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(ТРЕТЬЯ КНИГА «ПУТЕШЕСТВІЯ» ОЛЕАРІЯ).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ (*).

О доходахъ и расходахъ великаго князя.

Всѣ упомянутыя нами въ царскомъ титулѣ земли и кромѣ нихъ еще другія области и города приносятъ въ казну его царскаго величества огромные доходы, простирающіеся до нѣсколькихъ милліоновъ; все это идетъ отъ податей, налоговъ, пошлинъ, царскихъ кружечныхъ дворовъ, торговли и помѣстій. Хотя подданные его царскаго величества платятъ и небольшую подать, но все таки она, по множеству подвластныхъ ему земель, приноситъ большой доходъ. Кромѣ того, во время войны, всѣ граждане, принадлежащіе къ торговому и ремесленному сословію, обязаны доставлять особенное, довольно значительное вспомоществованіе; такъ во время войны за Смоленскъ, при прежнемъ великомъ князѣ, они должны были дать *пятину* (Pettina), т. е. пятую часть ихъ дохода, пятый пфеннингъ. Нынѣшній же государь взялъ только десятую часть. Бояре и знатные вельможи, будучи всѣ очень богаты, должны выставлять на войну извѣстное число воиновъ; дѣти же боярскіе (Edelleute) обязаны сами съ своими слугами выступать въ поле. Монастыри, обладая богатыми, большими деревнями, населенными крестьянами, также должны выставлять извѣстное число солдатъ и сами содержать ихъ. Огромный доходъ приносятъ великому князю пошлины, взимаемыя съ приморскихъ и пограничныхъ торговыхъ городовъ. Я слышалъ въ Москвѣ отъ одного богатаго

(*) Первыя одиннадцать главъ см. въ третьей и четвертой книгахъ Архива.

купца, что торговый городъ Архангельскъ ежегодно приноситъ въ казну его царскаго величества до 300,000 руб., что составляетъ около шести тоннъ золота. Шинки, или кружечные дворы, какъ они теперь называются, приносятъ государю (онъ одинъ только имѣетъ право держать ихъ), при большомъ употребленіи вина, огромныя деньги. Прежде бояре и другіе знатные вельможи имѣли право содержать въ различныхъ мѣстахъ государства свои кабаки; всѣ они, подобно великому князю, отдавали ихъ въ аренду извѣстнымъ лицамъ, но такъ какъ арендная цѣна была ими поднята очень высоко, то многіе изъ откупщиковъ должны были раззориться. Поэтому, въ настоящее время, постановлено, чтобы никто изъ бояръ или вельможъ не смѣлъ содержать кабаковъ; всѣ они теперь находятся въ управленіи великаго князя. Онъ повелѣлъ выстроить въ каждомъ городѣ особенные дома, откуда можно бы было за извѣстную цѣну получать водку, пиво и медъ, а деньги вносить въ его казну. Прежде въ Новгородѣ каждый изъ находящихся тамъ трехъ кабаковъ ежегодно приносилъ до 2,000 рублей, а всѣ вмѣстѣ до 12,000 рейхсталеровъ; теперь же, при новомъ постановленіи, эта сумма еще увеличилась. Въ настоящее время такихъ кружечныхъ дворовъ (хотя и не каждый изъ нихъ приноситъ одинаковые доходы) во всемъ государствѣ считается до 1,000. Большой доходъ приноситъ также великому князю торговля соболями и другими пушными товарами, которые онъ получаетъ изъ сѣверныхъ странъ. Кромѣ того онъ ведетъ большую торговлю и другими товарами внѣ своего государства. Торгуютъ за него извѣстныя избранныя имъ лица, которымъ онъ повѣряетъ товары, ссужаетъ большими суммами денегъ и посылаетъ ихъ въ сосѣдственныя Россіи земли, по большей части въ Персію и Турцію. Такого великокняжескаго купца или маклера, по имени *Савелья* (Savelli), встрѣтили мы въ Персіи, который отправленъ былъ туда съ 4,000 талеровъ для производства торговли въ пользу великаго князя. Купецъ этотъ, вмѣсто того, чтобы употребить въ дѣло данныя ему деньги, во время трехъ-лѣтняго пребыванія своего въ Персіи истратилъ ихъ до копѣйки, въ слѣдствіе чего великій князь приказалъ посланнику своему *Алексѣю Савичу Романчикову* (Alexei Sovinovitz Romanizikov), отправленному съ нами въ Персію, заковать въ цѣпи невѣрнаго купца и привезть его въ Москву. Посланникъ нашелъ его въ горо-

дѣ Шемахѣ, лежащемъ въ Медіи (смотр. карту Персіи, составл. Олеаріемъ, стр. 112). Потерявъ въ это время своего переводчика, онъ хотѣлъ замѣнить его этимъ купцомъ, не исполнялъ даннаго ему приказанія, обходился съ нимъ весьма дружески и взялъ его съ собою изъ Шемахи въ Персію, имѣя намѣреніе заманить его съ собою въ Россію. Савелій догадался объ угрожающей ему опасности, и когда посланникъ возвращался обратно въ Россію, то онъ убѣжалъ въ городъ Алакапи (Alacapi—тоже, что свобода), гдѣ обрѣзался, отдалъ себя подъ защиту Магометанъ и остался въ Персіи.

Въ разныхъ мѣстахъ своего государства его царское величество владѣетъ богатыми помѣстьями, которыя отдаетъ въ аренду и получаетъ за нихъ огромныя деньги. Рудники, о коихъ мы уже упоминали выше, находящіеся въ окрестностяхъ Тулы, также приносятъ ему большія выгоды.

При такихъ огромныхъ доходахъ у его царскаго величества не мало и расходовъ; такъ ежегодно онъ долженъ платить стрѣльцамъ и солдатамъ полковъ, которые стоятъ по пограничнымъ городамъ, такъ какъ къ сосѣдственнымъ землямъ нельзя имѣть большаго довѣрія. Въ одной Москвѣ долженъ онъ содержать 16,000 войска, въ царствѣ Казанскомъ до 6000, и всѣмъ платить жалованье; войска, расположенныя по провинціямъ, числомъ до 100,000, также находятся на его содержаніи.

Кромѣ того, въ Москву приходитъ ежегодно татарское посольство и получаетъ немалыя деньги, которыми великій князь, такъ сказать, замиряетъ Татаръ, грозящихъ своими частыми и неожиданными нападеніями. На войну выводитъ онъ огромное число солдатъ, содержаніе которыхъ стоитъ еще большихъ денегъ; сверхъ этого долженъ онъ платить большое жалованье нѣмецкимъ офицерамъ, изъ коихъ нѣкоторые, по желанію ихъ, получаютъ деньги впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ. Не мало также идетъ денегъ на содержаніе различныхъ посольствъ, довольно часто посѣщающихъ его царское величество. Такъ иногда сходятся въ Москвѣ въ одно время по два и по три посольства отъ иностранныхъ государей, и всѣ они получаютъ готовое содержаніе во все время пребыванія ихъ въ столицѣ. Великій же князь содержитъ многочисленный придворный штатъ: за его роскошнымъ

столомъ, въ Кремлѣ и внѣ его, ежедневно обѣдаетъ до тысячи человѣкъ.

Обѣды царскіе совершаются слѣдующимъ образомъ: при приближеніи обѣденнаго времени, не трубятъ, какъ это обыкновенно дѣлается при другихъ Дворахъ, но одинъ изъ служителей бѣжитъ на кухню и погреба и кричитъ громко: *Государю кушанье* (Gosudar Kuschanie, т. е. великій князь желаетъ кушать). Кушанья приготовляютъ за тѣмъ въ скоромъ времени. Ихъ царскія величества сидятъ за столомъ одни; если же къ ихъ обѣду приглашается патріархъ, или кто либо изъ знатныхъ вельможъ, то подлѣ царскаго стола ставятся другіе столы. Кушанья, числомъ до 50 и болѣе, не всѣ ставятся на столъ; ихъ держатъ служители, которые по знаку, данному стольникомъ (находящимся теперь въ большой милости у великаго князя), подаютъ и ставятъ ихъ на столъ. Нѣкоторыя изъ этихъ кушаній разсылаются въ знакъ царской милости вельможамъ и чиновникамъ, Нѣмцамъ и Русскимъ безразлично, въ особенности же лейбъ-медикамъ и господамъ докторамъ и лекарямъ. Въ настоящее время состоитъ на службѣ у великаго князя одинъ только докторъ лейбъ-медикъ, *Г. Гартманъ Граманъ* (Hartman Graman), бывшій съ нами въ Персіи; онъ отлично изучилъ свойства лекарствъ меркуріальныхъ и до сихъ поръ лечитъ съ удивительнымъ успѣхомъ, за что великій князь его очень любитъ, а бояре, князья и другіе вельможи охотно принимаютъ его къ себѣ и оказываютъ должное почтеніе. Онъ получаетъ ежемѣсячно жалованья до 62 руб., или 124 талера, и сверхъ этого еще ежегодно до 300 (что составитъ вмѣстѣ 2088 талеровъ), пользуясь притомъ готовымъ хлѣбомъ, солодомъ, мѣдомъ и всѣмъ, что только необходимо въ домашнемъ хозяйствѣ. Великій князь очень уважаетъ его и всякій разъ, когда онъ открываетъ ему кровь, или оказываетъ какое либо другое медицинское пособіе, даритъ его сотнею талеровъ, нѣсколькими кусками атласа, или дамаша, сорокомъ соболей и другими подобными вещами.

Доктора и лекаря за леченіе рѣдко получаютъ отъ бояръ, князей и вельможъ *чистыми деньгами, но болѣе соболями*, полотнами, водкою и другими припасами. Всѣ они ежедневно должны являться во дворецъ и бить челомъ знатнымъ вельможамъ, въ особенности инспектору царской аптеки, которая устроена великолѣпно.

Его царское величество содержитъ на свой счетъ многихъ толмачей для перевода съ различныхъ языковъ, а также множество служителей, какъ изъ Русскихъ, такъ и изъ иностранцевъ. Особенно большое жалованье получаютъ иностранные офицеры высшаго ранга, какъ въ военное время, такъ и въ мирное; многіе изъ нихъ перемѣнили свою вѣру и перекрестились.

Между толмачами его царскаго величества особенно замѣчателенъ *Іоаннъ Бёкеръ Фонъ-Делденъ* (Johann Bäker von Delden), человѣкъ отличный, знающій нѣсколько языковъ, свѣдущій во многихъ наукахъ и притомъ много путешествовавшій. Такого человѣка еще не бывало въ Москвѣ между толмачами. Его царское величество далъ ему должность *генералъ-интерпретема* (General Interpretem) и обыкновенно посылаетъ его въ иноземныя государства по дѣламъ посольскимъ, требующимъ особеннаго вниманія; такъ недавно былъ онъ въ Вѣнѣ у римскаго императора съ двумя царскими послами *Иваномъ Ивановичемъ Баклановскимъ* (Baklakovsky), царскимъ камеръ-юнкеромъ, и дьякомъ *Иваномъ Михайловымъ Поликарповымъ* (Ivan Polycarpou syn Michailow). Тогда пожаловалъ ему его царское величество за его отличныя способности и услуги дворянскій дипломъ (дворянскую грамоту), о чемъ извѣстилъ меня изъ Вѣны одинъ хорошій мой пріятель и прислалъ притомъ и копію съ этого диплома. Между придворными чинами и служителями его царскаго величества, особенно между Русскими, происходило въ прежнія времена почти тоже, что и при иностранныхъ Дворахъ, гдѣ добро и зло постоянно враждуютъ между собою и гдѣ нерѣдко послѣднее беретъ верхъ надъ первымъ. Тѣ изъ придворныхъ, которые болѣе другихъ приближены къ государю, пользуются болѣе свободнымъ къ нему доступомъ, бываютъ обыкновенно гораздо заносчивѣе, грубѣе, тщеславнѣе и притомъ скупѣе и своекорыстнѣе прочихъ; поэтому, если кто желаетъ скорѣе выиграть какое либо тяжебное дѣло, долженъ высоко чтить такихъ придворныхъ, бить имъ челомъ до земли и часто дарить ихъ, не въ видахъ полученія отъ нихъ добра, а напротивъ, для того, чтобы они не причиняли ему вреда. Такъ точно и Москва за нѣсколько лѣтъ предъ симъ находилась въ самомъ бѣдственномъ состояніи; каждый, давая подарокъ (который они называютъ посуломъ—Посулы), могъ надѣяться, что выиграетъ затянутое имъ дѣло. Мож-

но было даже (если кто хотѣлъ) завладѣть чужимъ имуществомъ и присвоить его себѣ, не смотря на то, что грабитель не имѣлъ на то никакого права. Такія несправедливости, будучи доведены до крайности нѣкоторыми изъ родственниковъ великаго князя и другими вельможами, были причиною, вскорѣ послѣ царскаго бракосочетанія, страшнаго возмущенія, въ которомъ многіе дорого поплатились за свои безчинства, а нѣкоторые потеряли свои головы (объ этомъ подробнѣе сказано будетъ въ слѣдующихъ главахъ).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О свадьбѣ и бракосочетаніи великаго князя Алексѣя Михайловича.

Государь Алексѣй Михайловичъ былъ еще очень молодъ, когда вступилъ на престолъ; бывшій его гофмейстеръ и воспитатель *Морозовъ* (Morosov) пользовался большимъ расположеніемъ и почетомъ у молодаго царя, такъ что произвольно правилъ вмѣсто него государствомъ. Онъ склонилъ на свою сторону всѣхъ придворныхъ, безпрекословно исполнявшихъ его волю, родственниковъ же великаго князя, и въ особенности приближенныхъ прежней великой княгини—матери царя, какъ людей, могущихъ имѣть вліяніе на молодаго государя, удалилъ отъ Двора, разославъ ихъ воеводами по различнымъ городамъ; въ этомъ случаѣ поступалъ онъ подобно *Ликогену* (Lycogenes у Барклая lib. 1 cap. 2), который, наполнивъ Дворъ людьми однихъ съ нимъ мыслей и дѣйствующихъ въ его пользу, надѣлялъ ихъ значительными должностями, съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону. Никто изъ знатныхъ вельможъ придворныхъ не смѣлъ въ присутствіи государя превзойти Морозова въ угодничествѣ и потворствѣ молодому великому князю. Такъ, желая удалить нѣкоторыхъ изъ бояръ, которые могли наскучить царю непріятными и притомъ тягостными въ его лѣта занятіями дѣловыми, Морозовъ часто доставлялъ ему случай охотиться и проводить время съ нимъ однимъ въ разнаго рода увеселеніяхъ. Изыскивая средства, какимъ бы образомъ навсегда удержать милость и расположеніе великаго князя, онъ рѣшился вступить съ нимъ въ

близкое родство. Этотъ хитрый вельможа зналъ очень хорошо, что великому князю пора уже жениться и потому задумалъ предложить ему въ жены дочь одного боярина, на сестрѣ котораго онъ самъ намѣревался жениться; это дѣлалъ онъ на томъ основаніи, что ему хотѣлось остаться въ среднемъ сословіи, изъ котораго онъ и происходилъ. Тогда между камеръ-юнкерами великаго князя былъ нѣкто по имени *Илья Даниловичъ Милославскій* (Ilia Daniloviłz Miloslavski), имѣвшій двухъ прекрасныхъ дочерей, но ни одного сына. Милославскій часто посѣщалъ Морозова (игравшаго тогда при Дворѣ главную роль, fac totum, какъ обыкновенно о немъ говорили) и охотно во всемъ помогалъ ему, въ слѣдствіе чего пользовался у него большою милостію; онъ имѣлъ всегда свободный къ нему доступъ уже и потому, что исполнялъ во всемъ его волю, не говоря о томъ, что у него были прекрасныя дочери. Однажды, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Морозовъ началъ выхвалять государю красоту дочерей Милославскаго и возбудилъ въ немъ охоту видѣть ихъ. Обѣ сестры, какъ бы для посѣщенія, приглашены были къ сестрамъ великаго князя. Тутъ видѣлъ ихъ государь и влюбился въ старшую изъ нихъ. Тотчасъ дано было знать Милославскому о желаніи государя быть его зятемъ. Милославскій, не долго думавши, далъ свое согласіе и спѣшилъ благодарить царя за оказанную ему милость. Вслѣдъ за тѣмъ послана была ему на домъ большая сумма денегъ съ многими другими драгоцѣнностями (Милославскій былъ не очень богатъ), для того чтобы онъ могъ принарядить какъ себя, такъ и своихъ дѣтей. Вскорѣ стали приготовляться къ свадьбѣ, и въ 1647 году по Рожд. Хр. совершено было бракосочетаніе государя (невѣстѣ былъ 22 года и 70 дней отъ роду) тихо, безъ всякой пышности и великолѣпія, на тотъ конецъ, чтобы не околдовали жениха съ невѣстою — суевѣріе, бывшее тогда въ большой силѣ, и чего всѣ боялись въ высшей степени. 8 дней спустя послѣ свадьбы царской, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ женился на младшей дочери Милославскаго, сестрѣ великой княгини, и сталъ такимъ образомъ своякомъ великаго князя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О томъ, какъ поступали родственники великой княгини послѣ свадьбы царской, о злоупотребленіяхъ въ судопроизводствѣ и о томъ, что происходило потомъ замѣчательнаго.

Вступивъ въ родство съ государемъ, Милославскій въ скоромъ времени занялъ при Дворѣ первое мѣсто. Въ Кремлѣ отведенъ былъ ему особенный домъ, стоявшій подлѣ царскаго дворца, въ которомъ онъ долженъ былъ жить съ своею женою; онъ приказалъ срыть его и выстроить вмѣсто него великолѣпный дворецъ. Затѣмъ удалилъ онъ прежнихъ слугъ своихъ отъ Двора и замѣнилъ ихъ другими, по большей части своими-же родственниками, которые, находясь до этого времени въ бѣдности, съ жадностію начали набивать свои сундуки. Между ними особенно замѣчателенъ былъ *Леонтій Степановичъ Плещеевъ* (Leonti Stepanovitz Plescov), назначенный главнымъ судьею въ Земскомъ Приказѣ (Semiſche Dvor) или Ратушѣ; онъ обиралъ и притѣснялъ простой народъ до такой степени, что не довольствовался подарками, а бралъ взятки съ тяжущихся до тѣхъ поръ, пока они не приходили въ крайнюю бѣдность. Кромѣ того, онъ обыкновенно нанималъ за деньги такихъ людей, которые дѣлали ложные доносы на кого либо изъ честныхъ и невинныхъ гражданъ, изъмести или ненависти къ нимъ, или изъ желанія посмѣяться надъ ними; такъ они обвиняли ихъ въ воровствѣ, убійствѣ или другихъ важныхъ преступленіяхъ. По такимъ ложнымъ доносамъ, обвиняемыхъ людей сажали въ тюрьму, варварски обходились съ ними, давали въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ весьма скудное содержаніе, однимъ словомъ, приводили ихъ въ совершенное отчаяніе. Между тѣмъ безбожные слуги Плещеева умышленно заводили съ ними дружбу, принимали въ нихъ притворное участіе и предлагали имъ совѣты касательно освобожденія ихъ изъ тюрьмы; чрезъ посредство этихъ-то мошенниковъ Плещеевъ велъ переговоры съ обвиненными, выторгавывая у каждаго изъ нихъ извѣстную сумму денегъ въ видѣ выкупа за ихъ освобожденіе, такъ какъ самъ не удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ ни заключенныхъ, ни друзей ихъ.

Въ числѣ подобныхъ безбожныхъ чиновниковъ былъ другой, по

именн *Петръ Тихоновичъ Троханіотовъ* (Peter Tychonovitz Trochoniotov), зять Плещеева; онъ былъ уже окольничимъ (ocolnitz), что, по чиноположенію Русскихъ, считается самою близкою степенью къ сану боярскому. Кромѣ того онъ управлялъ *Пушкарскимъ Приказомъ* (Puskarche Pricas); подъ его же начальствомъ были и стрѣлки, ружейные мастера, пушкари и всѣ тѣ, кои служатъ при Оружейной Палатѣ. Съ этими людьми обходился Троханіотовъ весьма жестоко, отнимая у нихъ заработанныя ими деньги. По обычаю, существующему еще въ Москвѣ и до настоящаго времени, всѣ царскіе слуги и ремесленники ежемѣсячно получаютъ отъ великаго князя въ видѣ награды довольно значительныя суммы денегъ; нѣкоторымъ изъ нихъ приносятъ жалованье даже на домъ. Троханіотовъ заставлялъ ихъ по нѣскольку мѣсяцевъ ждать награжденія; приходившіе же къ нему за полученіемъ денегъ получали только половину, другіе же еще меньше и притомъ должны были давать квитанцію въ томъ, что получили деньги сполна. Слѣдствіемъ всего этого было то, что торговля и промышленность стали приходить въ упадокъ, появилось много монополистовъ; тотъ кто приносилъ значительный подарокъ любимцу его царскаго величества, съ радостью отправлялся домой, получивъ отъ него милостивое охранное письмо.

Такъ одинъ изъ подобныхъ притѣснителей народа придумалъ дѣлать желѣзные аршины, заклейменные орломъ; за такой аршинъ должно было платить рейхсталеръ, тогда какъ прежде платили за него только 10 копѣекъ или шиллингъ. Старые же аршины были запрещены въ продажѣ и наложенъ былъ большой штрафъ на того, кто бы осмѣлился нарушить это постановленіе. Продажа такихъ аршиновъ, по рейхсталеру за штуку, при большомъ расходѣ ихъ по всему государству, приносила большой доходъ, простиравшійся до нѣсколькихъ тысячъ талеровъ.

Другой изъ притѣснителей народа, въ видахъ увеличенія царскихъ доходовъ и снисканія милости и любви его царскаго величества, предложилъ увеличить акцизную пошлину на соль цѣлою гривною болѣе прежней съ пуда, который стоилъ прежде всего 2 гривны и 20 грошей. При этомъ онъ высчиталъ, сколько тысячъ рублей отъ такого налога ежегодно должно было приходить въ казну его царскаго величества. Годъ спустя, при отчетности по этой статьѣ, увидѣли, что, по причинѣ дороговизны соли, потеряно

до нѣсколькихъ сотъ тысячъ пудовъ соленой рыбы, употребляемой въ Россіи гораздо болѣе сравнительно съ мясомъ: она гнила, такъ какъ посолена была недостаточно. Тутъ замѣтили также, что и соли въ продолженіи года продано было очень немного: при высокой цѣнѣ своей, она мало шла въ продажу, портилась и таяла въ пакгаузахъ. Вскорѣ простой народъ началъ выражать негодованіе на подобныя тягостныя для него постановленія и невыносимыя притѣсненія. Большими толпами началъ онъ сходиться по утрамъ и вечерамъ около церквей и разсуждалъ, какимъ бы образомъ избавиться отъ такой бѣды. Многіе видѣли и понимали ясно, что приближенные его царскаго величества не хотятъ выслушивать ихъ жалобъ, еще менѣе намѣрены помочь имъ въ крайне стѣсненномъ положеніи, и потому единодушно рѣшили предстать предъ его царское величество, когда онъ выѣдетъ или отправится въ процессіи изъ Кремля въ городскую церковь, и собственноручно подать ему челобитную отъ имени всего народа. Въ этой челобитной положили они жаловаться царю на Леонтія Степановича Плещеева за его несправедливые поступки, за его ежедневное злоупотребленіе власти, и просить, чтобы онъ отставилъ его отъ должности, опредѣливъ вмѣсто него другаго, честнаго человѣка. Не смотря однакожъ на подобныя попытки, положеніе народа не облегчалось, такъ какъ каждый разъ такія челобитныя отбирались боярами, сопровождавшими государя. Его царское величество самъ не читалъ этихъ челобитныхъ, но узнавалъ только то, что ему сообщалось потомъ боярами, и потому не могъ знать настоящей нужды народа. Челобитныя оставались безъ отвѣта. Между тѣмъ притѣсненія продолжались, и народъ раздражался все болѣе и болѣе. Огромными, многочисленными толпами, съ громкими криками и воплемъ, началъ онъ снова сходиться у церквей, рѣшившись, въ случаѣ новыхъ притѣсненій, устно высказать жалобу свою его царскому величеству. Вскорѣ представился удобный тому случай. 6 іюля 1648 г. былъ праздникъ, и его царское величество, въ сопровожденіи своихъ бояръ, отправился въ *Стрѣтенскій* (Strelenskoi) *монастырь*, лежащій въ городѣ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, народъ многочисленными толпами началъ сходиться на большомъ рынкѣ и на улицахъ, по которымъ должна была проходить процессія. Выслушавъ обѣдню, царь отправился обратно, но толпы народа

бросились къ нему на встрѣчу; нашлись смѣльчаки, которые, схвативъ за узду царскаго коня, умоляли государя выслушать ихъ жалобу, громко негодовали на Плещеева, просили, чтобы онъ отрѣшилъ его отъ должности и назначилъ другаго честнаго человѣка, ибо, въ противномъ случаѣ, народъ раззорится въ конецъ. Царь обратился къ народу съ дружелюбною рѣчью, уговаривалъ его успокоиться, обѣщалъ разузнать все дѣло и удовлетворить его просьбѣ. Выслушавъ такое милостивое обѣщаніе, толпы успокоились, благодарили его царское величество и желали ему добраго здравія и долгой жизни. Царь отправился далѣе и благополучно достигъ Кремля. Между тѣмъ нѣкоторые изъ бояръ, приверженцевъ Плещеева, начали поносить чернь бранью, били иныхъ по головамъ своими плётками, иныхъ же сбили съ ногъ. Толпы народа возрастали все болѣе и болѣе. Дерзкій поступокъ бояръ раздражилъ ихъ, и нѣкоторые начали бросать въ обидчиковъ камнями. Бояре, непривыкшіе сносить подобный градъ на своихъ спинахъ, быстро рванулись за его царскимъ величествомъ и поспѣшили убраться въ Кремль. Но здѣсь народъ, стоявшій предъ дворцомъ, принялъ ихъ точно такимъ же образомъ; они соскочили съ лошадей и, тѣснимые раздраженною чернью, съ трудомъ едва-едва добрались до большаго крыльца, ведущаго въ комнаты его царскаго величества. Стрѣльцы, ежедневно держащіе стражу предъ крыльцомъ, до тѣхъ поръ удерживали напоръ народа, пока бояре не вошли въ великокняжескіе покои. Тогда народъ, раздражившись до крайности, началъ неистовствовать и кричать, чтобы ему выдали Плещеева. Боярин Борисъ Ивановичъ Морозовъ вышелъ на крыльцо и отъ имени великаго князя началъ уговаривать народъ, чтобы онъ отказался отъ подобнаго требованія; но въ толпѣ раздались крики: «и тебя хотимъ мы взять въ свои руки»! Опасаясь за свою безопасность, Морозовъ спѣшилъ удалиться съ крыльца. Раздраженная чернь напала на домъ его — великолѣпный дворецъ, выстроенный имъ въ Кремлѣ. Выбили ворота и двери, рубили все, что ни попадалось на встрѣчу, грабили, опустошали и чего не могли взять съ собою, то предавали огню. Одинъ изъ слугъ Морозова вздумалъ было сопротивляться, но его выбросили въ окно изъ самой верхней комнаты, такъ что несчастный тутъ же испустилъ духъ.

Въ домѣ Морозова нашли они и жену его, но не нанесли ей ника-

кого оскорбленія, даже не дотронулись до нея, а сказали только: «если бы ты не была сестра великой княгини, то мы изрубили бы тебя въ куски»!

Между прочими многими драгоцѣнными вещами разбили они богатую карету, внутри и снаружи обитую золотою матеріею, съ соболями въ подбоѣ; вся она, не исключая даже и колесныхъ шинъ, обыкновенно дѣлаемыхъ изъ желѣза, была окована чистымъ серебромъ. Карету эту подарилъ Морозову его царское величество въ день его свадьбы.

Нѣкоторые изъ народа бросились въ погреба, наполненные мёдомъ и виномъ, и чего не могли выпить, то разбивали, такъ что почти по колѣно бродили въ винѣ и почти всѣ сгорѣли, когда огонь, разложенный на дворѣ, дошелъ до погреба.

Отмстивъ Морозову, народъ раздѣлился на партіи. Нѣкоторыя изъ нихъ направились къ дому Плещеева, другія къ Тихоновичу, иныя къ дому государственнаго канцлера и другихъ вельможъ, бывшихъ у нихъ въ подозрѣніи. Даже дьяки, находившіеся въ дружбѣ съ ненавистными народу людьми, и подьячіе должны были подвергнуться той же участи. Раздраженная чернь разграбила дома своихъ притѣснителей и опустошила все, что ни попадалось ей подъ руку. Здѣсь найдены были огромныя богатства и драгоцѣнности, въ особенности въ домѣ Морозова; жемчугъ брали пригоршнями, шапку, наполненную жемчугомъ, отдавали за 30 талеровъ, за одинъ талеръ—пару отличныхъ лисицъ или черныхъ соболей. Что же касается до золотыхъ слитковъ, то эту добычу дѣлили они между собою, разрубая ихъ ножомъ.

Горькая участь постигла государственнаго канцлера *Назарья Ивановича Ртищева* (Nazari Ivanovitz Tzistov), взявшаго на себя продажу соли (какъ выше объ этомъ сказано) и повысившаго на нее пошлину. За три дня до народнаго бунта возвращался онъ изъ Кремля верхомъ на лошади; на дорогѣ повстрѣчалась ему бѣшеная корова, и испуганная лошадь сбросила съ себя сѣдока. Почти замертво принесли домой Ртищева. По этому, во время бунта, онъ оставался дома и лежалъ въ постелѣ. Услышавъ, что разъяренная чернь разграбила домъ Морозова и готова уже идти къ нему для расплаты, Ртищевъ съ трудомъ поднялся съ постели и приказалъ спрятать себя подъ вѣниками, которые, какъ выше объ этомъ ска-

зано, дѣлаются изъ березовыхъ вѣтвей, связываемыхъ въ пучки на подобіе метлы, употребляются въ баняхъ и сохраняются въ продолженіи цѣлаго года. Накрывшись такимъ образомъ вѣниками, онъ велѣлъ еще сверху положить нѣсколько кусковъ полоти (боковая половина окорока). Но къ несчастію Ртищева, одинъ изъ слугъ его за нѣсколько сотъ червонцевъ рѣшился измѣнить своему господину и открыть убійцамъ его убѣжище, а самъ тотчасъ же убѣжалъ съ деньгами въ Нижній Новгородъ. Разъяренная чернь, ворвавшись въ домъ Ртищева, вытащила несчастнаго боярина изъ подъ вѣниковъ и сдернула его за ноги внизъ по лѣстницѣ на дворъ: здѣсь его забили палками до смерти и изуродовали до такой степени, что невозможно было узнать его лица. Трупъ бросили потомъ въ помойную яму. Покончивъ такимъ образомъ дѣло съ хозяиномъ, они принялись ломать его лари и сундуки. Въ бытность нашу въ Москвѣ, мы сами на себѣ должны были испытать злой нравъ этого боярина. Сильный при Дворѣ и притомъ одинъ изъ первѣйшихъ сановниковъ въ государствѣ, онъ доставилъ намъ не мало непріятностей, задерживая отправленіе нашего посольства изъ за того только, что не тотчасъ, какъ ему хотѣлось, получилъ отъ насъ подарки. 7-го іюня, на другой день послѣ этого возмущенія, происходившаго внѣ Кремля, рано поутру, всѣмъ офицерамъ изъ иноземцевъ тайно отданъ былъ приказъ собраться и, вооружившись, придти въ Кремль, такъ какъ мятежная чернь продолжала волноваться и начала снова подступать къ запертому Кремлю. Нельзя было безъ удивленія смотрѣть, какъ мятежники охотно уступали имъ дорогу, приговаривая весьма дружелюбно: «вы, Нѣмцы, честные люди, не сдѣлали намъ никакого вреда, и мы отнынѣ не будемъ васъ обижать». Прежде же Русскіе были очень не расположены къ Нѣмцамъ и старались, при всякомъ удобномъ случаѣ, нанести имъ какое нибудь оскорбленіе. Тотчасъ по прибытіи иноземныхъ солдатъ, Кремлевскія ворота были отворены. Нѣмцы вошли въ Кремль, раздѣлились на партіи и стали держать стражу. Вскорѣ послѣ этого его царское величество выслалъ къ мятежнымъ толпамъ своего двоюроднаго брата Никиту Ивановича Романова, любимца народнаго, желая испытать, не будетъ ли онъ въ состояніи успокоить озлобленные умы и прекратить волненіе. Съ открытою головою вышелъ Никита Ивановичъ

къ народу. Мятежники называли его своимъ отцемъ благодѣтелемъ, оказали ему должную почтительность и готовы были выслушать умную рѣчь его. Тогда Никита Ивановичъ, въ весьма трогательныхъ словахъ, сказалъ слѣдующее: «его царскому величеству весьма прискорбно видѣть несчастіе его народа. За нѣсколько дней тому назадъ онъ обѣщалъ вамъ тщательно разобрать вашу жалобу и удовлетворить вашей просьбѣ. Теперь, чрезъ меня, онъ приказалъ сказать вамъ, что непремѣнно сдержитъ свое слово, а потому вамъ слѣдуетъ успокоиться и смириться».

Едва только успѣлъ онъ сказать это, какъ многіе изъ толпы закричали, что они готовы успокоиться и смириться предъ его царскимъ величествомъ, но просятъ выдать имъ виновниковъ ихъ несчастія, а именно: боярина Бориса Ивановича Морозова, Леонтія Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Троханіотова, съ которыми они расправятся по своему. Никита Ивановичъ, поблагодаривъ народъ за покорность государю, обѣщалъ передать царю его желаніе, причемъ увѣрялъ, что Морозова и Петра Тихоновича нѣтъ въ Кремлѣ, но что они убѣжали и теперь спасаются бѣгствомъ. Тогда народъ потребовалъ выдачи Плещеева. Никита распрощался съ народомъ и ускакалъ обратно въ Кремль.

Вскорѣ пришла вѣсть изъ Кремля, что его царское величество приказалъ выдать Плещеева и казнить его предъ народомъ, и что если отыщутъ двухъ остальныхъ, то и съ ними будетъ поступлено по справедливости. Тотчасъ велѣно было отыскать палача. Мятежники не заставили ждать себя, сыскали палача и подошли съ нимъ къ Кремлевскимъ воротамъ. Ворота были отворены и палачъ съ нѣсколькими служителями вошелъ въ Кремль. Между тѣмъ мятежники условились раздѣлиться на партіи (многіе изъ нихъ были верхами) и разъѣзжали вдоль и поперегъ по всѣмъ улицамъ для поимки бѣжавшихъ; большая награда была назначена тѣмъ, кто отыщетъ и поймаетъ ихъ. Палачъ пробылъ въ Кремлѣ не больше четверти часа и воротился назадъ, ведя съ собою Плещеева. Завидѣвъ послѣдняго, толпы не могли дождаться даже того, чтобы его вывели на площадь, прочли ему смертный приговоръ и потомъ уже казнили; съ неистовствомъ бросились онѣ на него, и подъ руками палача, до такой степени избили палками, что голова несчастнаго обратилась въ кисель, а мозгъ разлетѣлся въ разныя сторо-

ны, забрызгавъ лице палачу. Раздѣвъ убитаго и разодравъ на части его платье, они таскали его по рынку за ноги и кричали: «такъ должно угощать подобныхъ воровъ и мошенниковъ! Боже продли вѣку батюшкѣ царю»!

Борисъ Ивановичъ Морозовъ, по показанію Никиты Ивановича, дѣйствительно думалъ спастись бѣгствомъ, ушелъ изъ Кремля, но къ несчастію замѣченъ былъ извощиками (Samtzifen), которые перерѣзали ему дорогу. Бѣглецъ принужденъ былъ вернуться назадъ. Къ счастію, удалось ему ускользнуть отъ преслѣдователей и тайнымъ проходомъ снова пробраться въ Кремль. Никто изъ преслѣдователей не замѣтилъ этого. Между тѣмъ государь, желая доказать народу, что онъ не на шутку занялся преслѣдованіемъ бѣжавшихъ лицъ, выслалъ къ народу князя *Семена Пожарскаго* (Simon Posarski) съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ отыскалъ Петра Тихоновича. Имъ удалось поймать Тихоновича близъ монастыря Троицкаго (Kloster Troiţe), лежащаго въ 12 миляхъ отъ Москвы. 8-го іюля привезли его въ Москву, и не въ Кремль, а прямо на Земскій Дворъ (Semske Dwor). Узнавъ объ этомъ, его царское величество приказалъ, чтобы палачъ сначала въ продолженіи часу водилъ его по базару съ колодкою на шеѣ и потомъ отрубилъ ему голову.

Такими мѣрами удалось наконецъ успокоить озлобленные умы возмутившихся. Народъ благодарилъ его царское величество за правый судъ, желалъ ему долголѣтней жизни и просилъ такого же суда Морозову. Отъ извощиковъ и ямщиковъ мятежники знали, что Морозовъ былъ замѣченъ на городскихъ улицахъ, и что онъ скрылся, но не знали, куда именно, а потому не могли настоятельно требовать его выдачи, а только просили, чтобы, въ случаѣ его поимки, съ нимъ было поступлено точно такимъ же образомъ, какъ и съ прочими притѣснителями. Тѣмъ кончилось на первый разъ возмущеніе народа. Удовлетворенная чернь успокоилась и пріутихла. Это было незадолго до полудня. Вскорѣ послѣ 12 часовъ (по полудни) въ разныхъ мѣстахъ улицъ Тверской и Дмитровской занялись большіе пожары. Тогда разъяренная чернь толпами бросилась на пожары, не столько для спасенія имущества погорѣвшихъ, сколько для грабежу. Въ недолгое время огонь разлился на огромное пространство и уничтожилъ все, что находилось внутри Бѣлой

Стѣны, вплоть до самой Неглинки; отсюда огонь перешелъ за Красную Стѣну къ замѣчательному въ то время большому кружечному двору его царскаго величества и отъ него распространился далѣе, угрожая большою опасностью всему городу и даже самому Кремлю. Никто не думалъ ни о спасеніи имущества, ни о прекращеніи пожара, да и врядъ ли кто и могъ это сдѣлать, такъ какъ водка, добытая изъ кружечнаго двора, у всѣхъ помутила умы. Народъ одичалъ совершенно. Будучи не въ состояніи вытащить изъ погребовъ большихъ бочекъ съ водкою, Русскіе выбивали дно и наполняли виномъ все, что только имъ ни попадалось подъ руку: шапки, шляпы, сапоги, рукавицы, выносили ихъ на улицу, выпивали и снова наполняли, что повторялось до тѣхъ поръ, пока улицы не покрылись пьяными за-мертво. Многіе изъ нихъ, въ безчувственномъ своемъ состояніи, задыхались отъ дыму и жару, иные же сгарали на мѣстѣ. Къ вечеру, около 11 часовъ (дня), нѣсколько человѣкъ изъ Нѣмцевъ, стоявшихъ и съ ужасомъ смотрѣвшихъ на пылавшій кружечный дворъ, замѣтили, что къ нимъ приближается какой-то монахъ въ черномъ одѣяніи. Въ сильномъ волненіи и запыхаясь, несъ онъ какую то тяжесть. Подошедши поближе, онъ остановился и громко началъ сзывать народъ на помощь, крича, что пожаръ прекратится тогда только, когда трупъ безбожнаго Плещеева (который онъ, въ самомъ дѣлѣ, тащилъ за собою) будетъ брошенъ въ огонь и сгоритъ въ немъ. Не смотря на то, никто не вызывался помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и монахъ началъ сильно клясться; наконецъ нѣсколько молодыхъ парней подошли къ нему и помогли дотащить трупъ до пожарища и бросили его въ огонь. И дѣйствительно, какъ только началъ горѣть трупъ Плещеева, огонь сталъ гаснуть самъ собою и вскорѣ потухъ, къ величайшему изумленію всѣхъ присутствовавшихъ.

Спустя нѣсколько дней, его царское величество приказалъ угостить водкой стрѣльцовъ, бывшихъ при немъ во время возмущенія; равнымъ образомъ и тесть его Илья Даниловичъ Милославскій очень милостиво началъ обходиться съ знатными гражданами, ежедневно приглашалъ къ себѣ на обѣдъ, поочередно, разные цехи и гильдіи, угощалъ ихъ на славу и ревностно заботился о снисканіи ихъ благорасположенія. Патріархъ съ своей стороны приказалъ священникамъ исподоволь успокоить взволнованные умы народа. Его царское величество, отставивъ отъ должности прежнихъ своекорыстныхъ

чиновниковъ, посадилъ на ихъ мѣста людей новыхъ, притомъ молодыхъ, благочестивыхъ и много уважаемыхъ въ народѣ. Страшная гроза утихла, и можно было полагать, что все успокоится въ скоромъ времени. Тогда его царское величество, въ праздничный день, когда назначена была процессія, приказалъ собрать народъ на площадь и вышелъ къ нему въ сопровожденіи многихъ бояръ, въ томъ числѣ и Никиты Ивановича Романова. Царь началъ свою рѣчь выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что безбожные Плещеевъ и Тихоновичъ, по незнанію его, столь дурно обходились съ любезнымъ ему народомъ (за что впрочемъ они получили должное возмездіе), что на мѣсто ихъ онъ назначилъ благочестивыхъ и богобоязненныхъ людей, которые будутъ обходиться съ народомъ кротко и справедливо, смотрѣть за его пользой и благосостояніемъ, и что онъ самъ съ этого времени будетъ обращать на него милостивое свое вниманіе. «Высокая пошлина на соль будетъ уничтожена, продолжалъ государь, и выданныя мною монопольные листы, смотря по обстоятельствамъ, будутъ отбираемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я увеличу права и прежде дарованныя народу вольности и отнынѣ навсегда пребуду милостивымъ отцомъ своихъ подданныхъ.» Народъ билъ челомъ государю за ласковое слово его, благодарилъ и желалъ ему долголѣтней жизни. За тѣмъ царь продолжалъ: «что же касается до Бориса Ивановича Морозова, котораго я обѣщалъ вамъ выдать, то я, хотя и не совсѣмъ оправдываю его поведеніе, но всетаки не считаю его совершенно виновнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я увѣренъ, что народъ мой не откажетъ мнѣ въ моей первой просьбѣ (ибо я еще ни о чемъ не просилъ васъ) простить Морозову во всемъ, что онъ сдѣлалъ вамъ дурнаго; ручаюсь, что съ этихъ поръ, въ отношеніи къ вамъ, онъ постоянно будетъ милостивъ, довѣрчивъ и добръ. Если хотите, чтобы я отрѣшилъ его отъ должности государственнаго совѣтника, то я охотно исполню вашу просьбу; выдать же вамъ головою моего втораго отца, вскормившаго и воспитавшаго меня, я не могу. Я не перенесу этого несчастія и думаю, что народъ мой не потребуетъ отъ меня новой жертвы.» Увидавъ слёзы на глазахъ государя—явное доказательство любви его къ Морозову—народъ единодушно ударилъ челомъ въ землю и закричалъ громко: Боже сохрани въ добромъ здравіи царя на долгія лѣта! Да будетъ такъ, какъ угодно Богу и государю!» Радость царя при этихъ восклицаніяхъ

народа была сильнѣе огорченія, испытаннаго имъ въ то время, когда отъ него требовали выдачи Морозова. Сказавъ, чтобы народъ успокоился, и былъ послушенъ, государь въ сопровожденіи бояръ и приближенныхъ своихъ спокойно возвратился въ Кремль.

Вскорѣ послѣ этихъ происшествій, его царское величество, вмѣстѣ съ Морозовымъ, отправился въ Троицкій монастырь. Борисъ Ивановичъ ласково кланялся народу, толпившемуся около его лошади. Съ этихъ поръ всякій подавшій просьбу или челобитную въ руки Морозову къ его царскому величеству никогда не получалъ отказа. Въ настоящее время сдѣлался онъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, истиннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ народа, какъ Русскихъ, такъ и Нѣмцевъ.

Изъ предъидущаго видно, что большой опасности подвергались тогда и молодой государь и подданные его, когда государствомъ управляли люди своекорыстные и неблагонамѣренные.

Исполняя свое обѣщаніе, я упомяну здѣсь еще о возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Псковѣ. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ городѣ причиною возмущенія служили также своекорыстные и несправедливые поступки нѣкоторыхъ чиновниковъ, которые крайне раздражили и озлобили противъ себя народъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О бунтѣ, бывшемъ въ Псковѣ.

Въ 1649 году его царское величество отправилъ къ ея королевскому величеству, королевѣ шведской Христинѣ знатное посольство, въ главѣ котораго стоялъ окольничій *Борисъ Ивановичъ Пушкинъ*, (Okolnitza Boris Ivanovitz Puscin). Посольство это, между прочими возложенными на него порученіями, должно было положить конецъ обоюднымъ неудовольствіямъ по поводу перебѣжчиковъ, разобрать тяжбы, возникшія по этому предмету, и удовлетворить взаимныя притязанія, въ продолженіе 23 лѣтъ остававшіяся безъ всякаго изслѣдованія. Вскорѣ послѣдовало рѣшеніе, состоявшее въ томъ, чтобы тѣ, которые перебѣжали за 30 лѣтъ тому назадъ (ибо многіе изъ нихъ уже умерли, а иные разошлись по разнымъ странамъ)

оставались на своихъ мѣстахъ, тѣ же, кои перебѣжали въ послѣдніе два года, съ той и другой стороны, должны быть выданы. Такъ какъ на русской сторонѣ Шведовъ было гораздо меньше, чѣмъ Русскихъ на шведской, то его царское величество обязанъ былъ уплатить за то 190,000 рублей (или 380,000 рейхсталеровъ) частью чистыми деньгами, частью же хлѣбомъ. Платежъ назначенъ былъ весною слѣдующаго 1650 года, и къ этому времени долженъ былъ прибыть въ Москву шведскій королевскій коммисаръ *Г. Іоаннъ де Родъ* (Jagan du Rodes) для полученія чистыми деньгами (дукатами и копѣйками) 150,000 рублей. Остальныя деньги 40,000 руб. должно было выплатить хлѣбомъ. По этому случаю его царское величество приказалъ русскому купцу въ Псковѣ, по имени *Ѳеодору Емельянову* закупить въ срокъ извѣстное количество хлѣба (ржи); но этотъ купецъ, будучи человѣкомъ грубымъ и притомъ своекорыстнымъ, упустилъ время, и когда никто не хотѣлъ продать ни одного четверика хлѣба (шефель—Scheffel—хлѣбная мѣра), если онъ не набавитъ цѣны, то Емельяновъ сталъ говорить, что закупаетъ хлѣбъ по приказанію его царскаго величества, который долженъ уплатить имъ долгъ Шведамъ. Это было причиною тому, что псковская чернь возненавидѣла самое имя Шведовъ. Большими толпами стали сходиться Псковичи въ кабакахъ и кружечныхъ дворахъ и обвинять бывшаго посла Пушкина въ измѣнѣ, состоявшей, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что онъ выманилъ у нихъ деньги и обѣщалъ отдать шведскому правительству. Нѣкоторые заподозрили въ этомъ дѣлѣ и Морозова, еще по старой памяти о случившемся въ Москвѣ два года тому назадъ, и воображали, что все это произошло безъ вѣдома его царскаго величества. Немедленно обо всемъ случившемся дано было знать въ Новгородъ. Уже нашлись безпокойные люди, которые стали поджигать народъ къ возстанію и говорить воеводѣ, чтобы онъ задержалъ людей, назначенныхъ для вывоза денегъ въ Швецію, и что, въ противномъ случаѣ, они сами остановятъ ихъ на дорогѣ. На закупку же хлѣба, слѣдуемаго Шведамъ, въ видѣ уплаты долга, они никакимъ образомъ не хотѣли согласиться, утверждая, что вывозъ причинитъ въ немъ дороговизну. Оставаясь при такомъ мнѣніи, они немедленно отправили въ Москву посольство, состоявшее изъ одного купца, стрѣльца и казака, съ тѣмъ, чтобы они обо всемъ случившемся довели до свѣдѣнія государя. Между

тѣмъ Псковичи огромной толпою направились къ дому Емельянова, разбили, разграбили его и взявъ жену этого купца (самъ Емельяновъ успѣлъ убѣжать и скрыться отъ нихъ), мучили и пытали ее, требуя, чтобы она сказала имъ, гдѣ лежатъ деньги ея мужа. Недопытавшись отъ нея ничего, они взяли все, что только нашли драгоцѣннаго въ домѣ, разграбили и опустошили все, что только ни попадалось имъ подъ руку и, безъ сомнѣнія, убили бы Емельянова, если бы онъ не успѣлъ скрыться отъ нихъ. За тѣмъ выгнали они своего воеводу, выказавшаго сопротивленіе, призвали въ городъ всѣхъ боярскихъ дѣтей, жившихъ внѣ его, и подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ принудили ихъ дѣйствовать съ ними заодно. Между тѣмъ прибывшіе въ Новгородъ три депутата, посланные Псковичами, приказали заковать воеводу въ цѣпи и отослать его въ Москву къ великому князю. Вскорѣ прибылъ въ Москву убѣжавшій Емельяновъ и вмѣстѣ съ воеводою извѣстилъ государя о всемъ случившемся въ Псковѣ; вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ другой гонецъ съ вѣстью, что мятежные Псковичи, схвативъ одного богатаго шведскаго купца, по имени *Левина Нумина* (Levin Numins), изъ Нарвы, отняли у него деньги на сумму нѣсколькихъ тысячъ рейхсталеровъ, били, подвергали пыткѣ (трескѣ—gewippelt—особеннаго рода пытка), съ позоромъ выставляли на пивные чаны, насмѣхались надъ нимъ и причиняли ему другія разнаго рода обиды. Выслушавъ гонца, государь отправилъ къ нимъ одного знатнаго боярина, съ тѣмъ, чтобъ онъ толкомъ разузналъ обо всемъ случившемся и успокоилъ народъ; но мятежники не хотѣли сначала его и выслушать, заперли городъ и рѣшились не впускать къ себѣ ни боярина, ни воеводу. Только нѣсколько дней спустя, они впустили ихъ въ городъ, но едва только они вошли въ него, какъ ихъ постигла горькая участь. Воеводу тотчасъ посадили въ тюрьму, а боярина, начавшаго довольно сурово выговаривать имъ отъ имени великаго князя, схватили и избили жестокимъ образомъ; боринъ искалъ спасенія въ одномъ по близости находящемся монастырѣ, но мятежники выломали дверь, вытащили его оттуда и до такой степени изувѣчили побоями, что долгое время опасались за его жизнь.

Между тѣмъ въ Москвѣ, вмѣсто хлѣба, рѣшили дополнить должную сумму чистыми деньгами. Шведскій комиссаръ, снабженный

такимъ образомъ полною суммою, отправился изъ Москвы въ сопровожденіи сильнаго отряда солдатъ и стрѣльцовъ, долженствовавшихъ провожать его до самой шведской границы.

Рѣшившись строго наказать мятежниковъ, Государь отправилъ въ Псковъ князя Ивана Никитича Хованскаго съ значительнымъ конныимъ войскомъ. Полковникамъ *Мунну Кормихелю и Гамельтону* (Munda Karmichel und Hamelthon), стоявшимъ у города Онеги, на шведской границѣ, съ 4,000 войска, приказано было немедленно двинуться къ Пскову и соединиться съ Хованскимъ. Увидѣвши, что дѣло пошло не на шутку, Псковитяне упали духомъ. Сначала они еще оборонялись, но вскорѣ, полагаясь на милость великаго князя, сдались, сознались въ винѣ своей и просили пощады. Главные мятежники и бунтовщики были частью казнены, частью разосланы по Сибирскимъ городамъ. Такимъ образомъ усмирено было это опасное возмущеніе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О боярахъ или государственныхъ совѣтникахъ, окольничихъ и другихъ засѣдающихъ въ судахъ чиновникахъ.

Въ настоящее время гражданское управленіе Россіи находится гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ прежнія царствованія; теперь правительство гораздо строже смотритъ за чиновниками, засѣдающими въ судахъ, да притомъ и самые суды приведены въ гораздо лучшее положеніе. Но за исключеніемъ Морозова, Милославскаго и патріарха, заботящихся о полезныхъ нововведеніяхъ, всѣ почти прочіе вельможи еще остаются при прежнихъ устарѣлыхъ правилахъ относительно находящихся въ ихъ вѣдѣніи государственныхъ и частныхъ дѣлъ; до сихъ поръ еще крѣпко держатся они укоренившихся въ нихъ прежнихъ убѣжденій, происходящихъ частью отъ особеннаго сословнаго ихъ положенія, а частью отъ рода занимаемыхъ ими должностей. Въ настоящее время, по обыкновенію, при Дворѣ находится до 30 *бояръ*, или государственныхъ совѣтниковъ; иногда бываетъ впрочемъ двумя боярами болѣе

или менѣе. Годъ тому назадъ, при началѣ войны за Смоленскъ, въ Москвѣ считалось до 29 бояръ. Вотъ имена ихъ:

1) Боярин Борисъ Ивановичъ Морозовъ.
2) — — князь Никита Ивановичъ Романовъ.
3) — — Иванъ Васильевичъ Морозовъ.
4) — — князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ.
5) — — князь Никита Ивановичъ Одоевскій (Odoevski).
6) — — князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій (Kudenietovitz Tzerkaski).
7) — — князь Алексѣй Никитичъ Трубецкій.
8) — — Глѣбъ Ивановичъ Морозовъ.
9) — — Василій Петровичъ Шереметевъ (Tzeremetov).
10) — — князь Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ (Reppenin).
11) — — Петръ Михайловичъ Салтыковъ.
12) — — Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.
13) — — князь Василій Семеновичъ Прозоровскій (Prosorouski).
14) — — князь Григорій Семеновичъ Куракинъ.
15) — — князь Ѳеодоръ Семеновичъ Куракинъ.
16) — — князь Юрій Петровичъ Буйносовъ-Ростовскій (Bojnessov Rostouski).
17) — — Иванъ Ивановичъ Салтыковъ.
18) — — Григорій Васильевичъ Пушкинъ.
19) — — князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій.
20) — — Лаврентій Дементьевичъ Салтыковъ.
21) — — князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій.
22) — — Илья Даниловичъ Милославскій.
23) — — Василій Васильевичъ Бутурлинъ.
24) — — князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.
25) — — Иванъ Петровичъ Пронскій.
26) — — князь Иванъ Никитичъ Хованскій.
27) — — князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ (Schwerostinin).
28) — — Василій Борисовичъ Шереметевъ.
29) — — Никита Алексѣевичъ Зюзинъ (Susin).

За боярами слѣдуютъ *окольничіе* (Okolnitzen); изъ нихъ то избираются бояре. Вотъ имена ихъ:

1) Окольничій Князь Андрей Ѳедоровичъ Литвиновъ Масальскій (Litvinov Massalsky).

2) Окольничій князь Иванъ Ѳедоровичъ Хилковъ.
3) — — Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ.
4) — — князь Дмитрій Петровичъ Львовъ (Lewov).
5) — — князь Василій Петровичъ Львовъ.
6) — — князь Семенъ Петровичъ Львовъ.
7) — — князь Иванъ Ивановичъ Ромадановскій.
8) — — Василій Григорьевичъ Ромадановскій.
9) — — Степанъ Гавриловичъ Пушкинъ (Stepan Gavrielovitz).
10) — — князь Сепенъ Романовичъ Пожарскій.
11) — — Богданъ Матвѣевичъ Петровъ.
12) — — Петръ Петровичъ Головинъ.
13) — — Иванъ Андреевичъ Милославскій.
14) — — князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.
15) — — князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукой.
16) — — Петръ Алексѣевичъ Долгорукой.
17) — — Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ.
18) — — Иванъ Ѳедоровичъ Большой Стрѣшневъ.
19) — — Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ (Artichov).
20) — — Прокофій Ѳедоровичъ Соковнинъ.
21) — — князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ.
22) — — князь Алексѣй Дмитріевичъ Кольцовъ.
23) — — Василій Александровичъ Чоглоковъ (Zoglotov).
24) — — Иванъ Васильевичъ Алферьевъ.

За окольничими слѣдуютъ 6 думныхъ дворянъ (Dumeny Duorany), называемыхъ также дѣтьми боярскими (Sin boiarski), или придворными юнкерами. Вотъ имена ихъ:

1) Иванъ Аѳонасьевичъ Гавреневъ (Gabrienow).
2) Ѳедоръ Кузьмичъ Елизаровъ.
3) Богданъ Ѳедоровичъ Нарбековъ.
4) Жданъ (Stan) Васильевичъ Кондыревъ.
5) Аѳонасій Осиповичъ Прончищевъ (Pronzissov).
6) Василій Ѳедоровичъ Яновъ (Ianov).

Думныхъ дьяковъ (Dumnoj Diaci) три:

1) Алмазъ Ивановичъ.
2) Семенъ Ивановичъ Заборовскій (Saborovski).
3) Ларіонъ Дементьевичъ Прончищевъ.

Вотъ имена вельможъ, занимающихъ теперь самыя почетныя мѣста при Царскомъ Дворѣ. Ими производятся и рѣшаются въ Приказахъ или канцеляріяхъ всѣ дворцовыя, государственныя и частныя дѣла, значительныя и маловажныя, какъ тайныя, такъ и обыкновенныя.

Что же касается до чиновъ, даваемыхъ за разнаго рода услуги государству, то самымъ высшимъ изъ нихъ считается должность *государственнаго конюшаго* (Reichs-Stallmeister); впрочемъ должность эта остается незанятою со времени великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго,

За должностью государственнаго конюшаго идетъ, какъ самая ближайшая къ нему, *дворецкаго* (dvoretsky). Состоящій въ этой должности считается теперь самымъ знатнымъ изъ вельможей и управляетъ всѣми дѣлами, касающимися Двора и придворнаго штата; предметомъ же особеннаго его завѣдыванія служитъ столъ его царскаго величества. Третье мѣсто, по важности должностей, занимаетъ *оружейничій* (Orusnitschei), завѣдывающій Оружейною Палатою, всѣми царскими оружіями: кинжалами; саблями, пистолетами, ружьями, мушкетами, также лошадьми, убранствомъ ихъ и т. п. вещами, относящимися къ украшеніямъ и нарядамъ. За нимъ слѣдуютъ *бояре*, *окольничіе*, *думные дьяки* или государственные канцлеры, *постельничій* (Postelnitzei), *комнатный* (Comnatnj), *ключникъ* или ключарь (Klutziom), *кравчій* (Crafftzei—Vorschneider, который рѣжетъ, раздаетъ кушанья и отвѣдываетъ ихъ), *стольники* (Stolniki), *стряпчіе* (Straczi-Kammer-Junker), находящіеся при государѣ во время его поѣздовъ и путешествій, *дворяне* (Duorainі), обыкновенные камеръ-юнкеры—*жильцы* (Silzi, Edel-Knaben), *дьяки* (Diaci), секретари въ Приказахъ (называемые также вице-канцлерами), и *подьячіе* (Poddozei), писцы, засѣдающіе въ Приказахъ или канцеляріяхъ.

Большая часть государственныхъ совѣтниковъ и придворныхъ чиновниковъ состоитъ изъ князей и богатыхъ вельможъ, владѣющихъ собственными землями и крестьянами; всѣ они сами не управляютъ ими, но посылаютъ отъ себя своихъ дворецкихъ, управляющихъ и старшинъ. Сами они обязаны жить въ Москвѣ, ежедневно являться ко Двору, хотябъ и не имѣли особенныхъ дѣлъ, и бить челомъ его царскому величеству. Это дѣлается для того, чтобъ ст-

нять у бояръ возможность составлять заговоръ противъ государя, что можетъ случиться, если они будутъ жить въ своихъ деревняхъ, имѣя подъ рукой подвластныхъ имъ людей.

Русскіе бояре живутъ въ богатыхъ палатахъ, содержатъ большой дворъ и придворный штатъ. Если они выходятъ изъ дому, то надѣваютъ великолѣпныя платья; сани, въ которыхъ они ѣздятъ по городу, запрягаются въ нѣсколько лошадей; подлѣ лошадей обыкновенно бѣгутъ слуги изъ крѣпостныхъ людей. Намѣреваясь выѣхать верхомъ, они приказываютъ къ сѣдламъ лошадей своихъ прикрѣплять небольшія литавры; въ литавры эти они бьютъ кнутомъ, когда нужно разогнать народъ, обыкновенно толкущійся по улицамъ и рынкамъ.

Проживая въ своихъ деревняхъ, нѣкоторые князья довольствуются не слишкомъ большимъ содержаніемъ, такъ какъ многіе изъ нихъ владѣютъ небогатыми помѣстьями и потому не могутъ жить сообразно съ своимъ званіемъ. Часто случается, что ихъ невозможно отличить отъ простыхъ крестьянъ. Такъ однажды, проѣзжая по Россіи, я самъ былъ этому очевидцемъ. Когда мы остановились въ *Пудевѣ* (Pudeva), то толмачъ нашъ, желая видѣть проживавшаго здѣсь князя, но не зная гдѣ онъ живетъ, спросилъ о томъ его же самого, высунувшагося въ это время изъ окна избы, принявъ его за крестьянина. Князь замѣтилъ ему, что онъ оскорбилъ его подобнымъ вопросомъ, за что толмачъ долженъ былъ просить у него извиненія въ неумышленной съ его стороны обидѣ.

Русскіе князья происходятъ отъ великаго князя Владиміра, о чемъ подробнѣе можно читать у Кромера во 2-мъ томѣ его Польской Исторіи (Cromerus 2 tom. Polonicarum rerum).

Вышеупомянутые мною бояре или государственные совѣтники собираются для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ послѣ полуночи; въ такихъ случаяхъ, они обыкновенно отправляются въ Кремль въ 1 или 2 часа и возвращаются оттуда обратно въ 9 и 10 часовъ дня.

Постановленія, приговоры, указы, договоры и опредѣленія къ должности, выдаваемыя отъ имени великаго князя, не подписываются имъ самимъ, какъ уже выше упомянуто объ этомъ: ихъ подписываютъ всегда бояре и государственные канцлеры и за тѣмъ скрѣпляютъ царскою печатью. Когда великій князь заключаетъ

мирный договоръ съ кѣмъ либо изъ сосѣдственныхъ государей и притомъ самъ долженъ доказать, что исполнитъ его, то клянется въ томъ и цѣлуетъ крестъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О Приказахъ (Cantzelejen) *Московскихъ и о дѣлахъ, рѣшаемыхъ въ нихъ.*

Государственные совѣтники или бояре вѣдаютъ не только дѣла, относящіяся до Двора, но занимаются также и въ Приказахъ дѣлами частными или гражданскими и судопроизводствомъ; такихъ канцелярій, или, какъ называютъ ихъ въ Москвѣ, *Приказовъ*, (Prikazen) считается до 33-хъ. Я постараюсь исчислить ихъ здѣсь, такъ, какъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поименую тѣхъ чиновниковъ, которые ими нынѣ управляютъ.

1) *Посольскій Приказъ* (Posolskoi Prikas); въ немъ рѣшаются дѣла государственныя, посольскія и купеческія. Теперь управляетъ имъ думный дьякъ или канцлеръ Алмазъ Ивановичъ.

2) *Розрядный Приказъ* (Roserabny Prikas); въ немъ ведутся списки боярамъ и дворянамъ, вмѣстѣ съ ихъ родословными; въ спискахъ этихъ отмѣчается также все то, что сдѣлано было кѣмъ либо изъ бояръ или дворянъ на пользу или въ ущербъ государству. Правителемъ этого Приказа теперь дворянинъ и думный дьякъ Иванъ Аѳонасьевичъ Гавреневъ.

3) *Помѣстный Приказъ* (Pomieſtnoj Prikas); вѣдѣнію этого Приказа подлежатъ списки наслѣдственнымъ помѣстьямъ, также мировыя сдѣлки и спорныя дѣла, возникавшія когда либо за право владѣнія ими; въ немъ же ведутся счетныя книги, въ которыя вносится царская пошлина, взимаемая при продажѣ помѣстій и владѣній. Правителемъ этого Приказа теперь Ѳеодоръ Кузьмичъ Елизаровъ.

4 и 5) *Казанскій* и *Сибирскій Приказы* (Kaſanskoi Prikas und Sibirskoi Prikas). Они завѣдываютъ дѣлами Царства Казанскаго и Сибирскаго; въ нихъ также ведется приходъ и расходъ соболямъ и другимъ пушнымъ товарамъ. Приказами этими управляетъ теперь князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.

6) *Дворцовый Приказъ* (Dworzowoj Pricaz) завѣдываетъ дѣлами,

относящимися до Двора и его содержанія. Управляетъ имъ боярин Василій Васильевичъ Бутурлинъ.

7) *Иноземскій Приказъ* (Inosemskoj Pricas), вѣдѣнію котораго подлежатъ всѣ военноначальники и полковники; въ мирное время получаются отсюда приказанія и инструкціи. Управляетъ теперь этимъ Приказомъ Илья Даниловичъ Милославскій, тесть царскій.

8) *Рейтарскій Приказъ* (Reitarskoi Pricas) завѣдываетъ всею конницею; отсюда получаютъ рейтары приказы и жалованье въ мирное время. Простые рейтары (по большей части бѣдные дворяне, имѣющіе не болѣе одного помѣстья) получаютъ ежегодно 30 или 60 рейхсталеровъ. Приказомъ этимъ управляетъ также Илья Милославскій.

9) *Большой Приходъ* (Bolchoi Prihod), куда мытники должны представлять свои отчеты. Приказъ этотъ надзираетъ за тѣмъ, чтобы хлѣбъ продавался по вѣрнымъ вѣсамъ, наблюдаетъ за цѣною пшеницы и ржи, за винными погребами, въ которыхъ продаются разнаго рода иностранныя вина, а также и за тѣмъ, чтобы онѣ продавались по умѣреннымъ цѣнамъ и притомъ въ надлежащей мѣрѣ. Изъ этого же Приказа получаютъ жалованье, какъ ежегодное, такъ и мѣсячное, всѣ иностранцы, состоящіе на службѣ—военной или при Дворѣ его царскаго величества; жалованье ежегодное выдается около Рождества Христова. Управленіе этимъ Приказомъ поручено боярину князю Михаилу Петровичу Пронскому.

10) *Судной Владимірской Приказъ* (Sudnoi Volodimirskoi Pricas) вѣдаетъ всѣхъ Московскихъ бояръ и вельможъ; сюда обращаются на нихъ съ жалобами по частнымъ дѣламъ и получаютъ правый судъ. Теперь управляетъ этимъ Приказомъ боярин князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ.

11) *Судной Московскій Приказъ* (Sudnoi Moskowskoi Prikas). Здѣсь получаютъ судъ и расправу стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы; этимъ Приказомъ управляетъ тотъ же Куракинъ.

12) *Разбойный Приказъ* (Rasboinoj Pricas) вѣдаетъ всякаго рода грабительства, происходящія на улицахъ, убійства, воровства и насилія; здѣсь производятъ слѣдствія, пытаютъ и, смотря по роду преступленія, назначаютъ наказанія. Управляетъ этимъ Приказомъ боярин Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ.

13) *Пушкарскій Приказъ* (Puscarskoi Pricas) вѣдаетъ людей,

льющихъ пушки и колокола и разнаго рода оружіе; здѣсь судятся и получаютъ жалованье литейщики, кузнецы, шпажники, констапели и мастера мушкетныхъ стволовъ и пистолетовъ. Правителемъ этого Приказа назначенъ теперь боярин князь Юрій Александровичъ Долгорукій.

14) *Ямской Приказъ* (Jamskoi Pricas), въ вѣдомствѣ котораго находятся всѣ почтари, извощики или ямщики, какъ ихъ называютъ Русскіе (Jamtsiken Podvodden); отсюда выдаются ямщикамъ деньги, равно какъ и всѣмъ тѣмъ, которые ѣдутъ на счетъ его царскаго величества, сообразно съ данными имъ паспортами (пропускная грамота, прокормёжная). Начальникомъ этого Приказа окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій.

15) *Челобитный Приказъ* (Tsiolebitnioi Pricas), въ который подаются жалобы на дьковъ, подьячихъ, старостъ и привратниковъ приказныхъ; здѣсь же производится и судъ надъ ними. Начальникомъ этого Приказа назначенъ теперь окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

16) *Земскій Дворъ* или *Земскій Приказъ* (Semskoj Dwor oder Semskoj Pricas). Сюда всякій изъ простолюдиновъ можетъ подавать другъ на друга жалобу въ несправедливыхъ тяжебныхъ дѣлахъ. Здѣсь же производится размежеваніе земель, высчитываются и записываются въ книги пошлины при покупкѣ или продажѣ домовъ или пустопорожнихъ мѣстъ; сюда же вносятся и выплачиваются податныя деньги съ домовъ, мостовъ, заставъ. Теперь управляетъ этимъ Приказомъ окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.

17) *Холопій Приказъ* (Choloppoi Pricas), въ которомъ составляются письменные акты (называемые у Русскихъ кабалою (Kabalen), когда кто либо отдаетъ себя другому въ крѣпостное услуженіе. Приказомъ этимъ управляетъ Степанъ Ивановичъ Исленевъ (Islenew).

18) *Приказъ Большой Казны* (Bichi kasni Pricas) завѣдываетъ золотомъ и серебромъ въ слиткахъ, бархатомъ, сукномъ и разнаго рода матеріями, идущими для придворнаго штата и для подарковъ, коими обыкновенно надѣляетъ его царское величество должностныя лица за оказанныя имъ услуги. Подъ этимъ Приказомъ находится царская сокровищница (Нѣмцы называютъ ее Большою), состоящая изъ глубокихъ и большихъ погребовъ, съ каменными

сводами; въ ней хранятся всѣ сокровища государства, доходы съ податей и городовъ, равно какъ и всѣ тѣ суммы, которыя остаются отъ ежегоднаго расхода въ Приказахъ. Всѣмъ этимъ завѣдываетъ царскій тесть Илья Даниловичъ Милославскій.

19) *Казенный Приказъ* (Casennoi Pricas), въ которомъ вѣдаются всѣ гости (Gosten), купцы и торговые русскіе люди. Начальникомъ этого Приказа также Илья Милославскій.

20) *Монастырскій Приказъ* (Monastersky Pricas) судитъ монаховъ, священниковъ и прочіе духовные чины, также разбираетъ тяжбы и иски ихъ по дѣламъ мірскимъ. Приказомъ этимъ управляетъ окольничій князь Иванъ Васильевичъ Хилковъ.

21) *Каменный Приказъ* (Camennoi Pricas) вѣдаетъ плотниковъ, каменьщиковъ и столяровъ; здѣсь могутъ они искать суда и расправы и отсюда же получаютъ плату. При этомъ Приказѣ находится большой дворъ, на которомъ хранится огромный запасъ необходимыхъ матеріаловъ для царскихъ построекъ, какъ то: дерева, камня, извести, желѣза, и т. п. Приказомъ этимъ управляетъ дворянинъ Яковъ Ивановичъ Загряжскій (Iacob Ivanowiz Sagraiskoi).

22) *Приказъ Новгородской Четверти* (Pricas Novogorodski Zetvert); сюда вносятся денежныя суммы изъ Новгорода и Нижняго Новгорода, коимъ ведутся здѣсь и счетныя книги. Приказъ этотъ обязанъ помогать городамъ въ постигшемъ ихъ несчастіи; онъ же иногда рѣшаетъ споры между гражданами. Не смотря на то, что на рѣшеніе воеводъ не бываетъ апелляціи ко Двору (какъ выше уже упомянуто нами), воеводы провинціальные въ сомнительныхъ дѣлахъ обязаны относиться въ Москву въ Приказъ, соотвѣтствующій этимъ дѣламъ. Правителемъ этого Приказа назначенъ теперь думный дьякъ или государственный канцлеръ Алмазъ Ивановичъ.

23) *Галицко-Владимірскій Приказъ* (Gallitzko-Wolodimirski Pricas) ведетъ счетныя книги доходовъ отъ провинціи Галицкой и Владимірской и удовлетворяетъ нуждамъ и потребностямъ народа во времена тяжелыя для этихъ провинцій. Начальникомъ этого Приказа назначенъ окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

24) *Приказъ Новая Четверть* (Nova Zetvert), въ который вносятся деньги изъ кабаковъ и шинковъ всѣхъ областей, обязанныхъ ему отчетностію; этотъ же Приказъ снабжаетъ всѣ кружечные дворы и

шинки водкою и разными другими напитками. Уличенные въ тайномъ куреніи вина или варенія пива судятся въ этомъ Приказѣ и тутъ же получаютъ должное наказаніе. Въ настоящее время запрещено курить вино и заниматься производствомъ табаку подъ опасеніемъ строгаго наказанія; уличенные въ продажѣ того или другаго предмета потребленія подвергаются большому денежному штрафу или наказываются кнутомъ, смотря по правамъ и состоянію лица, и ссылаются въ Сибирь. Только однимъ Нѣмцамъ предоставлено право свободнаго куренія вина и продажи табаку, но только между собою. Приказомъ этимъ завѣдываетъ окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.

25) *Устюжскій Приказъ* (Ustogskoi Prikas) управляетъ Устюгомъ и Холмогорами; его же вѣдѣнію подлежатъ и дѣла судныя этихъ двухъ городовъ. Приказомъ этимъ правитъ окольничій князь Дмитрій Васильевичъ Львовъ.

26) *Костромской Приказъ* (Costromskoi Pricas), вѣдѣнію котораго подлежатъ всѣ доходы и судопроизводство города Костромы, Ярославля и другихъ, принадлежащихъ къ нимъ мѣстъ. Начальникомъ этого Приказа назначенъ боярин и оберъ-цейхмейстеръ (по артиллеріи) Григорій Гавриловичъ Пушкинъ.

27) *Золотой и Алмазный Приказъ* (Solotoja Almasnoi Pricas), куда представляютъ, съ полученіемъ платы, разные драгоцѣнные камни, также золотыя и серебряныя вещи, работы золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ; здѣсь же производится и судъ надъ мастерами. Приказомъ этимъ также управляетъ Григорій Пушкинъ.

28) *Оружейный Приказъ* (Russannoi Pricas), гдѣ хранится все царское оружіе (кинжалы, сабли и пистолеты), также орудія огнестрѣльныя и всѣ украшенія, употребляемыя при выѣздахъ царскихъ и торжественныхъ процессіяхъ. При этомъ Приказѣ находится цейхгаусъ или Оружейная Палата. Здѣсь же судятся тѣ, которые завѣдываютъ этими вещами. Управляетъ этимъ Приказомъ также вышеупомянутый Пушкинъ.

29) *Аптекарскій Приказъ* (Apotekarskoi Pricas), съ находящеюся при немъ царскою аптекою; сюда ежедневно должны являться лейбъ-медики, лекаря, цырульники и спрашивать, нѣтъ ли имъ какого дѣла. Они должны бить челомъ начальнику этого Приказа Ильѣ Даниловичу Милославскому.

30) *Таможенный Приказъ* (Tamoseni Pricas); въ Приказѣ этомъ засѣдаетъ одинъ изъ почетнѣйшихъ гостей, съ нѣсколькими товарищами, обязанный взимать пошлину со всѣхъ товаровъ. По истеченiи года сводитъ онъ счеты и сдаетъ ихъ въ Приказъ Большаго Прихода, и тогда на мѣсто его назначается другой гость.

31) *Приказъ сбора десятой деньги* (Pricas sbora Dezatti Dengi), куда идетъ десятая деньга (пфеннингъ) собираемая, на военныя издержки. Приказомъ этимъ въ настоящее время управляютъ боярин Михайло Петровичъ князь Пронскiй и окольничiй Иванъ Васильевичъ Алферьевъ.

32) *Сыскной Приказъ* (Sisknoi Pricas), вѣдомству котораго подлежатъ всѣ дѣла новыя, еще не бывалыя, а потому и не могущiя быть разрѣшены въ какомъ либо изъ вышеупомянутыхъ Приказовъ. Приказомъ этимъ управляетъ князь Юрiй Алексѣевичъ Долгорукiй.

Вотъ всѣ Приказы или канцелярiи его царскаго величества, предметы ихъ вѣдомствъ и ихъ начальники.

Кромѣ исчисленныхъ мною Приказовъ, подъ вѣдомствомъ патрiарха находятся еще 3 Приказа:

1) *Разрядный Приказъ* (Roserad); въ немъ ведутся списки имѣнiй духовныхъ лицъ, и помѣщается архивъ.

2) *Судный Приказъ* (Sudni), гдѣ патрiархъ производитъ судъ и расправу надъ духовными лицами.

3) *Казенный Приказъ* (Casanoi); сюда идутъ ежегодные доходы и здѣсь же сохраняется казна патрiарха.

Въ трехъ этихъ Приказахъ засѣдаютъ лица изъ духовнаго званiя, пользующiяся довѣренностью патрiарха; они обязаны отдавать ему отчеты по своимъ дѣламъ, представлять донесенiя и исполнять его приказанiя и приговоры.

Во всѣхъ этихъ Приказахъ, какъ царскихъ, такъ и патрiаршихъ, находится огромное число подьячихъ (Schreiber), искусныхъ въ письмѣ и разнаго рода вычисленiяхъ, для чего вмѣсто счетовъ (жетоновъ) употребляютъ зёрна слив; зерна эти имѣютъ они при себѣ въ небольшихъ кожаныхъ кошелькахъ. Что касается до подарковъ или *посуловъ* (Pocsul), какъ ихъ называютъ Русскiе, то ихъ запрещается брать, подъ опасенiемъ строгаго наказанiя; при всемъ томъ втайнѣ ихъ принимаютъ весьма охотно, особенно подьячiе, отъ которыхъ такимъ путемъ можно узнать о самыхъ важныхъ

тайныхъ дѣлахъ, проходящихъ чрезъ ихъ руки. Часто случается, что они отправляются къ тяжущимся и за извѣстную сумму денегъ открываютъ имъ весь ходъ дѣла. При этомъ иногда бываетъ и не безъ обмана: частью изъ опасенія быть уличену въ открытіи дѣла, а частью и по незнанію хода и положенія его, они сообщаютъ тяжущимся совершенно ложныя свѣдѣнія. Подобное случилось со мною, въ бытность мою въ Москвѣ въ 1643 году, когда я получилъ письмо отъ его царскаго величества къ его свѣтлости, моему герцогу. Одинъ знатный, проживавшій въ то время въ Москвѣ агентъ пожелалъ узнать о содержаніи письма, и ему тотчасъ же выдана была съ него копія, притомъ съ просьбою держать ее въ тайнѣ. Находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ агентомъ, я получилъ отъ него данную ему копію, и когда сличилъ ее съ оригиналомъ, то нашелъ въ ней совершенно противное, притомъ много такого, чего вовсе и не было въ оригиналѣ.

Акты, тяжбы, процеѐссы, протоколы и другія дѣла записываются не въ книги, а въ бумажные свитки (столбцы). Свитки эти приготовляются Русскими слѣдующимъ образомъ: они разрѣзываютъ бумагу въ длину на нѣсколько кусковъ, склеиваютъ ихъ между собою и потомъ свертываютъ въ трубки; нѣкоторые изъ подобныхъ свитковъ бываютъ длиною въ 20, 30 и 60 аршинъ. Огромныя стопы такихъ свитковъ можно видѣть въ Приказахъ, гдѣ они складываются кучами на полкахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О Русскихъ судахъ, законахъ и разнаго рода наказаніяхъ.

Всѣ судебныя дѣла рѣшаются въ вышеупомянутыхъ нами Приказахъ. Каждый боярин, начальникъ Приказа, имѣетъ при себѣ дьяка (Diak) или секретаря, вмѣстѣ съ нѣсколькими засѣдателями или ассесорами; обѣ тяжущіяся партіи обязаны являться предъ ними, выслушиваются и получаютъ отъ нихъ рѣшенія. До сихъ поръ Русскіе довольствовались только немногими писанными законами и постановленіями прежнихъ государей; законы эти преимущественно заключали въ себѣ опредѣленія наказаній за измѣну,

оскорбленіе его царскаго величества, воровство, убійства и неплатежъ долговъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ судьи руководствовались обыкновенно древними обычаями, или рѣшали дѣла по собственному усмотрѣнію. Случалось, что дѣлали пристрастные, несправедливые приговоры, смотря потому, кому изъ тяжущихся желали добра или зла. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, именно въ 1647 г., по указу его царскаго величества, выборные умные люди всѣхъ сословій должны были собраться вмѣстѣ и написать нѣсколько новыхъ законовъ; собравшіеся депутаты дѣйствительно исполнили возложенное на нихъ порученіе, составивъ сводъ узаконеній, частью изъ новыхъ, частью изъ старыхъ постановленій. Законы эти скрѣплены были его царскимъ величествомъ, его боярами и вскорѣ напечатаны. Изъ новыхъ и старыхъ постановленій составилась такимъ образомъ довольно большая книга in folio, толщиною въ два пальца, и названа была *Соборнымъ уложеніемъ* (Soborna Ulosienia), что значитъ «по единодушному согласію собранные законы». Теперь отъ имени его царскаго величества пишутся всѣ судебные приговоры, долженствуемые приниматься и исполняться безъ всякаго прекословія, безъ всякой дальнѣйшей на нихъ апелляціи.

Прежде тяжебныя дѣла рѣшались слѣдующимъ образомъ: если кто либо изъ тяжущихся жаловался на другаго, но не могъ подкрѣпить жалобы своей никакимъ доказательствомъ, то судъ рѣшалъ тѣмъ, что противники должны были идти къ присягѣ. Потомъ спрашивали истца или отвѣтчика, смотря потому, кому выпадалъ жребій: «хочешь ли ты взять присягу на свою душу, или дать ее на душу истца»? Въ случаѣ если кто либо изъ тяжущихся рѣшался присягнуть, то его въ продолженіи трехъ недѣль три раза приводили въ судъ (разъ въ недѣлю), причемъ поучали его, наставляли и отсовѣтывали ему произносить клятву, говоря, что присяга важное и весьма опасное дѣло. Если же онъ, не смотря на эти увѣщанія, присягалъ, то каждый изъ присутствующихъ могъ наплевать ему въ лицо и вытолкать вонъ изъ церкви, въ которой онъ присягалъ, не смотря на то, что присяга дана была имъ по справедливости. Тогда такого человѣка начинали презирать и указывать на него пальцами.

Въ настоящее время обычай этотъ подвергся нѣкоторымъ измѣ-

неніямъ. Такъ, если кто либо изъявитъ желаніе присягнуть, то его опрашиваютъ предъ св. иконами, «дѣйствительно ли хочетъ онъ дать клятву на душу свою и вѣчность?» Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, долженъ онъ, перекрестившись и произнеся клятву, сначала поцѣловать крестъ, а за тѣмъ икону, которая снимается по этому случаю со стѣны. Если въ послѣдствіи будетъ дознано, что онъ присягнулъ ложно, то, раздѣвъ до нога, сѣкутъ его плетьми, потомъ ссылаютъ въ Сибирь (*). Присягнувшій два или три раза считается у Русскихъ за самаго негоднаго человѣка. Казалось бы, что подобное мнѣніе должно заставить ихъ воздерживаться отъ произношенія клятвы, но не смотря на то, часто можно видѣть и слышать какъ Русскіе клянутся и божатся другъ предъ другомъ въ своихъ собраніяхъ и на рынкахъ, при продажѣ или покупкѣ ими товаровъ, при чемъ крестятся, по своему обыкновенію, пальцами. Подобнымъ клятвамъ и божбамъ ихъ невсегда однакожъ можно вѣрить.

У Русскихъ въ обычаѣ выпытывать правду отъ подсудимыхъ разнаго рода мученіями. Между прочими родами пытки, вотъ одинъ, часто употребляемый Русскими: преступнику стягиваютъ руки на спину и въ такомъ положеніи поднимаютъ его на веревкѣ, между двумя столбами, похожими на висѣлицу; для бо́льшаго мученія привязывается къ ногамъ его довольно тяжелый деревянный обрубокъ, на который палачъ становится еще ногами, вслѣдствіе чего все тѣло преступника растягивается до-нельзя. Иногда подъ поднятымъ такимъ образомъ преступникомъ раскладывается огонь; страданія, причиняемыя несчастному жаромъ и дымомъ, ужасны. Иногда преступнику на выбритую голову льютъ холодную воду, капля по каплѣ, что причиняетъ пытаемому новое, невыносимое мученіе. Другихъ преступниковъ, смотря по роду ихъ преступленія, бьютъ кнутомъ и раны прижигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Изъ уличенныхъ въ дракѣ признается виновнымъ тотъ, кто первый началъ ее, тотъ же, кто первый подалъ въ судъ жалобу—правымъ.

Если кто-либо убьетъ другаго, не будучи къ тому вынужденъ (въ

(*) При этомъ Олеарій упоминаетъ и о духовныхъ наказаніяхъ, существовавшихъ въ древней Россіи за присягу; но показанія его не совсѣмъ вѣрны. Ср. XIV главы Уложенія ст. 10. *Редакторъ.*

противномъ случаѣ у Русскихъ убійство не считается преступленіемъ) противузаконнымъ, насильственнымъ образомъ, то такого убійцу бросаютъ въ тюрьму, держатъ его тамъ въ продолженіи 6 недѣль на хлѣбѣ и водѣ, потомъ пускаютъ къ св. причастію и затѣмъ обезглавливаютъ.

Уличеннаго въ воровствѣ подвергаютъ пыткѣ, и если обвиненный не сознается, то его на первый разъ бьютъ кнутомъ, на пространствѣ отъ Кремля до большаго рынка; за тѣмъ палачъ отрѣзываетъ ему правое ухо и преступника заключаютъ въ тюрьму на два года, послѣ чего его освобождаютъ. Если же онъ снова будетъ уличенъ въ воровствѣ, то ему отрѣзываютъ другое ухо и отсылаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ содержится до тѣхъ поръ, пока не сыщутся еще нѣсколько подобныхъ ему мошенниковъ, и тогда уже всѣхъ вмѣстѣ отправляютъ въ Сибирь. Никогда еще не случалось, чтобы кого либо за одно воровство, если онъ не уличенъ въ смертоубійствѣ, предавали смертной казни. Въ случаѣ если воръ сознается на пыткѣ въ своемъ преступленіи и укажетъ, кому продана имъ украденная вещь, то купившій ее вытребывается въ судъ, гдѣ ему присуждаютъ возвратить истцу украденное имущество, и кромѣ того взыскиваютъ большой штрафъ, который называется у Русскихъ vilh (?). Подобною мѣрою Правительство удерживаетъ многихъ отъ покупки краденныхъ вещей. Въ Русскомъ судопроизводствѣ особенное, едва ли не самое большое вниманіе обращается на должниковъ, не хотящихъ или не могущихъ уплатить своего долга. Обвиняемый въ неплатежѣ долга должникъ берется сначала *приставами* (Pristaffen), т. е. содержится въ домѣ у одного изъ служителей судьи, подобно тому какъ у насъ берутъ подъ арестъ, или заключаютъ въ смирительный домъ. Если платежъ долга не послѣдуетъ въ извѣстный, дозволенный должнику срокъ, то въ такомъ случаѣ его заключаютъ въ тюрьму и не смотря на то, Русскій ли онъ или Нѣмецъ, мужчина или женщина, купецъ или ремесленникъ, священникъ, монахъ или монахиня, каждый день выводятъ его предъ Приказомъ на публичную площадь и бьютъ по колѣнамъ гибкими палками, толщиною въ мизинецъ, такъ сильно, что несчастный, изнемогая отъ жестокой боли, испускаетъ громкіе крики и стоны. Случается, что наказываемый подкупаетъ палача подарками или посуломъ, за что тотъ бьетъ его легче, а иногда даетъ

и промахи. Нѣкоторые кладутъ въ сапоги жестяныя бляхи, также лубки, желая тѣмъ защитить тѣло отъ ударовъ. Наказывать такимъ образомъ по Русски значитъ *ставить на правежъ* (auf die Prawe ſtellen). Вытерпѣвъ такого рода наказаніе, должникъ отводится въ тюрьму и на другой день снова выводится на пытку. Если же онъ окажется рѣшительно несостоятельнымъ въ уплатѣ долга, то въ такомъ случаѣ идетъ въ услуженіе къ своему заимодавцу и становится его холопомъ.

Между наказаніями наиболѣе употребительно разрѣзываніе ноздрей, также наказаніе батогами и кнутомъ, коими бьютъ преступника по обнаженной спинѣ. Ноздри разрѣзываютъ обыкновенно тѣмъ, кто наслаждается нюханьемъ табаку. Намъ часто случалось встрѣчать наказанныхъ подобнымъ образомъ.

Каждый владѣлецъ помѣстій имѣетъ право наказывать батогами (Battoki geben) своихъ людей и тѣхъ, надъ кѣмъ онъ имѣетъ хотя малѣйшую власть. Присужденный къ такому наказанію преступникъ долженъ снять съ себя платье, и, оставаясь въ одной рубашкѣ, лечь животомъ на землю. Тогда садятся на него два человѣка, одинъ на ноги, другой на голову, и бьютъ тонкими гибкими розгами или прутьями. Во время нашего путешествія по Россіи намъ нерѣдко случалось быть свидѣтелями такого рода наказанія. Изъ всѣхъ же наказаній, какіе намъ удавалось видѣть, самое жестокое,—это *битье кнутомъ* (Knut geben). Въ 1634 году, 24 сентября видѣлъ я, какъ наказывали кнутомъ какую-то женщину, осмѣлившуюся, вопреки запрещенію его царскаго величества, продавать вино и табакъ. Наказаніе совершалось предъ Приказомъ, называемымъ Новою Четвертью. Преступницѣ обнажили тѣло по поясъ и положили на спину одному изъ палачей, за шею котораго она должна была держаться руками, ноги же связали ей накрѣпко веревкою (конецъ этой веревки держитъ въ рукахъ служитель палача), такъ что она не могла сдѣлать никакого движенія. Тогда подошелъ къ ней палачъ и, вставъ отъ нея на разстояніе трехъ большихъ шаговъ, сталъ бить ее толстымъ длиннымъ кнутомъ такъ сильно, что на спинѣ несчастной послѣ каждаго удара выступала кровь, ибо къ концу кнута прикрѣпляются три ремня изъ жесткой лосинной кожи, прорѣзывающей тѣло точно ножемъ. Случается нерѣдко, что нѣкоторыхъ за большія преступленія забиваютъ кнутомъ до смерти.

Предъ исполненіемъ наказанія, стоявшій тутъ подьячій прочелъ изъ особенной находившейся при немъ записки, сколько ударовъ должна была получить преступница, и когда палачъ отсчиталъ извѣстное число ударовъ, то онъ сказалъ «полно» (polno, т. е. genug). Мужчинѣ полагается обыкновенно отъ 20 до 26 ударовъ, женщинѣ же 16 и при послѣднихъ ударахъ она уже падаетъ въ обморокъ. Послѣ такого наказанія, на спинахъ преступниковъ остается цѣлой кожи небольше какъ на палецъ въ ширину, и тогда эти несчастные болѣе походятъ на ободранную скотину, чѣмъ на людей. Тѣмъ, кого уличатъ въ запрещенной продажѣ нюхательнаго табаку, привѣшиваютъ на шею пачку табаку, а занимающемуся запрещенной продажей водки *фляжку* съ водкою; такимъ образомъ водятъ ихъ попарно отъ площади до Кремля и обратно, въ сопровожденіи двухъ помощниковъ палача, и все это время бьютъ кнутомъ.

Говорятъ, что нѣкоторые изъ битыхъ кнутомъ тотчасъ же послѣ наказанія надѣваютъ на избитую спину свои овчинные тулупы и потомъ уже лечатся.

Въ прежнія времена съ наказанными такимъ образомъ обходились весьма хорошо, не отличали ихъ отъ прочихъ, пили и ѣли съ ними; въ настоящее же время совсѣмъ другое: такихъ людей не только никто не считаетъ уже достойными своего сообщества, но всѣ смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что взглядъ Русскихъ на честь и безчестіе въ настоящее время значительно облагородился, какъ облагораживается онъ и въ другихъ условіяхъ жизни гражданской, вслѣдствіе общенія ихъ съ иностранцами. Такъ, на палачей смотрятъ теперь какъ на людей безчестныхъ. Совсѣмъ другое понятіе имѣли объ нихъ Русскіе въ прежнее время. Теперь никто изъ честныхъ и знатныхъ гражданъ не захочетъ знаться съ высѣченнымъ человѣкомъ, и если еще обходятся съ нимъ хорошо, то только въ такомъ случаѣ, когда знаютъ, что онъ наказанъ несправедливо, и по ненависти судьи, или по ложному доносу. Такому человѣку оказывается расположеніе единственно изъ сожалѣнія къ его несчастному положенію, и, какъ бы въ доказательство его невинности, честные люди не стыдятся съ нимъ знаться. Честные люди чуждаются теперь сообщества палачей, не смотря на то, что эти послѣдніе имѣютъ право вести мелкую торговлю, чѣмъ занимаются они впрочемъ не очень

охотно, такъ какъ настоящая должность ихъ приноситъ имъ бо̀льшіе доходы. Такъ, кромѣ того, что они получаютъ за труды свои отъ правительства, сами преступники задариваютъ ихъ иногда значительными суммами, желая тѣмъ задобрить ихъ въ свою пользу и не подвергнуться уже слишкомъ сильному наказанію; сверхъ того они продаютъ вино, хотя и тайно отъ Правительства, плѣннымъ, которыхъ во множествѣ можно видѣть на рынкахъ. Въ прежнее время нѣкоторые изъ палачей продавали свою должность, но теперь уже никто не смѣетъ дѣлать этого. Въ случаѣ, если кто либо изъ палачей, во время продолжительныхъ наказаній, нуждается въ съѣстныхъ припасахъ, то мясный цѣхъ обязанъ, по средствамъ своимъ, доставлять имъ все необходимое.

О СОСТОЯНІИ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(ТРЕТЬЯ КНИГА «ПУТЕШЕСТВІЯ» ОЛЕАРІЯ)

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ (*).

О русской азбукѣ, языкѣ и школахъ.

Вмѣстѣ съ вѣрою, Русскіе получили отъ Грековъ азбуку, частію измѣненную, частію дополненную славянскими буквами. Этими буквами пользуются Русскіе, какъ въ печатныхъ, такъ и рукописныхъ книгахъ. Языкъ русскій, хотя и отличается отъ польскаго и славянскаго, но во многомъ сходенъ съ ними, будучи сроденъ имъ, такъ что, при знаніи одного изъ этихъ трехъ языковъ, безъ труда можно понимать остальные два. Что же касается до греческаго языка, то съ нимъ онъ не имѣетъ рѣшительно никакого сходства, исключая развѣ только нѣсколькихъ словъ, употребляемыхъ Русскими въ богослуженіи, и служащихъ для выраженія понятій, заимствованныхъ ими отъ Грековъ. Въ прежнія времена, русское юношество обучалось въ школахъ своихъ писать и читать на русскомъ, болѣе же на славянскомъ языкѣ; никто изъ нихъ, принадлежалъ ли онъ къ духовному или свѣтскому, высшему сословію или низшему, не зналъ ни одного ни греческаго, ни латинскаго слова. Теперь же (что очень удивительно) весьма многіе изъ Русскихъ, съ одобренія государя и патріарха, желаютъ, чтобы дѣти ихъ обучались греческому и латинскому языкамъ. Уже учреждена подлѣ Патріаршаго Двора Греко-Латинская школа, состоящая подъ управленіемъ и надзоромъ одного ученаго Грека, по имени Арсенія. Если прекрасное начинаніе это будетъ имѣть успѣхъ, и обучающіе-

---

(*) Первыя девятнадцать главъ помѣщены въ третьей, четвертой и пятой книгахъ Архива.

ся въ новоучрежденной школѣ будутъ потомъ въ состояніи читать и понимать въ подлинникахъ восточныхъ и западныхъ отцевъ церкви, то можно надѣяться, что они, съ Божіею помощію, размышляя о догматахъ религіи своей, дойдутъ до лучшихъ результатовъ. Нельзя сказать, чтобы у Русскихъ былъ недостатокъ въ умныхъ головахъ; почти всѣ они весьма способны къ ученью. Иногда можно встрѣчать между ними весьма тонкіе умы, одаренные отъ природы замѣчательною силою мышленія и огромною памятью. Нынѣшній Государственный Канцлеръ и Правитель Посольскаго Приказа (Алмазъ Ивановичъ) еще въ молодости своей, будучи въ первый разъ посланъ въ Турцію и Персію, въ такомъ совершенствѣ изучилъ турецкій и персидскій языки и притомъ въ самое короткое время, что и теперь, безъ помощи толмачей, въ состояніи свободно говорить на нихъ. Отличаясь умомъ быстрымъ и тонкимъ, точнымъ и скорымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него порученій, онъ весьма часто отправляемъ былъ съ различными посольствами и потомъ, въ награду за заслуги свои, возведенъ былъ въ званіе Думнаго Дьяка или Государственнаго Канцлера, какъ они его называютъ.

Вышеупомянутый мною, весьма искусный во многихъ языкахъ, переводчикъ *Іоаннъ Бёкеръ фонъ Делденъ* (Johann Böcker von Delben) далъ Русскимъ возможность читать чужестранныя литературныя произведенія въ русскомъ переводѣ, переложивъ на русскій языкъ нѣсколько латинскихъ и французскихъ книгъ, по примѣру предшественника своего, посла римскаго императора *Адама Дорна* (Adam Dorn), о которомъ мы говорили уже выше. Этотъ послѣдній, владѣя также многими языками, издалъ въ переводѣ на русскій языкъ (сокращенно) Космографію или описаніе свѣта; первый же перевелъ, между прочимъ, на русскій языкъ, Исторію Великаго Могола. Книга эта начинаетъ теперь мало по малу обращаться между нѣкоторыми изъ любознательныхъ русскихъ боляръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ (*).

О русскихъ праздникахъ, церквахъ и о слушаніи божественной службы.

У Русскихъ существуютъ особенные праздничные и торжественные дни, въ которые они посѣщаютъ церкви. Всѣ эти праздники соблюдаются въ настоящее время гораздо строже, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Такъ они полагали прежде, что, сходивъ по утру въ церковь, можно въ остальное время праздничнаго дня заниматься работою. Къ тому же нужно замѣтить, что праздники соблюдались тогда только боярами и другими знатными людьми, холопы же и простой народъ, какъ объ этомъ пишетъ Герберштейнъ (на стр. 30), никогда не справляли ихъ. Еще въ бытность мою въ Россіи, иногда можно было видѣть между Русскими такихъ, которые по праздникамъ занимались какою-нибудь работою или торговали въ мелочныхъ лавочкахъ. Въ настоящее же время, по постановленію патріарха, никто изъ продавцевъ или мастеровыхъ людей не смѣетъ ни работать, ни открывать лавокъ не только по праздникамъ и воскресеньямъ, но и средамъ и пятницамъ; всѣ кабаки и шинки также должны быть закрыты въ это время, особенно же тогда, когда весь народъ идетъ въ церковь.

Большихъ праздниковъ, ежегодно съ большимъ торжествомъ справляемыхъ Русскими, считается 13. Такъ на 8 число мѣсяца сентября (вскорѣ послѣ новаго года, начинающагося у Русскихъ, какъ выше уже сказано, съ 1-го сентября) выпадаетъ большой праздникъ, называемый ими Праздникомъ Рождества Пречистой Богородицы (Prasnik Rososlva preziste Bogorodice); второй бываетъ 14 сентября: Воздвиженіе честнаго Креста (Vzemirna vosdviseuia); третій—21 ноября: Введеніе во храмъ Пречистой Богородицы (Wedenija Preciste Bogorodice); четвертый—25 декабря: Рождество Христово (Rososlva Christova); пятый — 6 января: Богоявленіе или Крещеніе (Creschenia, Bogejavlenia);

(*) Предшествующія сей главѣ главы двадцать первая и двадцать вторая, заключающія въ себѣ разсмотрѣніе предметовъ духовнаго содержанія, признаны неудобными къ напечатанію въ настоящемъ переводѣ. *Ред.*

шестой — 2 февраля: Срѣтеніе Господне (Stretenja Gospoda Boga); седьмой — 25 марта: Благовѣщеніе Пречистой Богородицы (Blagovesenia priceste Bogorodice); восьмой—Вербное Воскресеніе (Werbna Woskreschenia); въ этотъ праздникъ бываетъ большая церковная процессія, совершаемая въ память вшествія І. Христа во Іерусалимъ; девятый — Великій день или Воскресеніе Христово (Welikoiden или Woscreschenia Christova); десятый—Вознесеніе Господне (Wosnescenja Christova); одиннадцатый—Троицынъ день (Schiestvie svetaga ducha); двѣнадцатый—6 августа: Преображеніе Господне (Preobrosienia Gospoda Christova); тринадцатый—15 августа: Успеніе Пречистой Богородицы (Uspenja preciste Bogorodice).

Кромѣ этихъ большихъ праздниковъ, есть у Русскихъ еще много другихъ, такъ что не проходитъ дня, чтобы они не праздновали память какого-либо святаго; часто случается, что на одинъ день у нихъ бываетъ три такихъ праздника, празднованіе которыхъ для мірянъ не поставлено однакожъ въ обязанность, а предоставлено на волю каждаго. Что же касается до священниковъ, то они должны неуклонно соблюдать всѣ праздничные дни, освящая ихъ божественною службою въ церквахъ. Для этого у нихъ подъ руками всегда находится постоянный календарь (Calendarium perpetuum), по которому они легко могутъ отыскивать какъ постоянные, такъ и подвижные праздники. По большимъ праздникамъ Русскіе въ продолженіи дня ходятъ въ церковь три раза: сначала рано по утру, съ восходомъ солнца, что они называютъ ходить къ *заутрени* (saffterini), потомъ предъ обѣдомъ—къ *обѣдни* (obeedni) и наконецъ вечеромъ—къ *вечерни* (wedscherni). Во время божественной службы священникъ или *попъ* (pope) читаетъ извѣстныя главы изъ Библіи, въ особенности нѣкоторыя изъ псалмовъ Давидовыхъ, а иногда и гомилію Іоанна Златоуста, символъ вѣры Аѳанасія и другія молитвы, и поетъ громкимъ голосомъ, подобно тому какъ у насъ выполняютъ духовное пѣніе псалмовъ (Antiphonen и Responsorien, когда одинъ священникъ начинаетъ пѣть, а другіе продолжаютъ). Между тѣмъ читаютъ и поютъ, а священникъ часто повторяетъ: *Господи помилуй* (Gospodi pomilui); народъ, стоящій въ церкви, произноситъ это же самое слово про себя, сопровождая его крестными знаменіями, повторяющимися трижды. . . .

Во время отправленія богослуженія, народъ, стоящій въ церкви, молится, покланяясь св. иконамъ и часто повторяя про себя «Господи помилуй». Священники и прочіе духовные чины не читаютъ своихъ проповѣдей, не толкуютъ Библіи, какъ выше объ этомъ уже упомянуто, но довольствуются однимъ только текстомъ и гомиліями Іоанна Златоуста, на томъ основаніи, что св. Духъ въ первоначальной Церкви, безъ особеннаго толкованія и объясненія Слова Божія, дѣйствовалъ на народъ и теперь можетъ производить тоже самое. Притомъ, по мнѣнію русскаго духовенства, изъясненіе Слова Божія можетъ навести на ложное толкованіе и ложныя мнѣнія, влекущія за собою ереси и расколъ. Два года тому назадъ, нѣкто *Логинъ*, муромскій протоіерей (Morumski Protopop Login), осмѣлился, вмѣстѣ съ другими подчиненными ему священниками, въ Муромѣ и другихъ городахъ, поучать народъ проповѣдями и изъясненіями Слова Божія, увѣщевать и даже наказывать свою паству (почему такихъ священниковъ проповѣдниковъ называли Kasanscha). Въ скоромъ времени, проповѣди его стали привлекать въ Муромъ огромное стеченіе народа. Узнавъ объ этомъ, Патріархъ приказалъ лишить проповѣдниковъ должностей, предалъ ихъ проклятію и сослалъ въ Сибирь.

Что касается до меня, то я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Поссевина, что до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не будетъ проповѣди, которая бы поучала народъ, объясняла ему какъ догматы вѣры, такъ и значеніе обрядовъ церковныхъ, и въ особенности же пока не будетъ хорошихъ проповѣдниковъ, до тѣхъ поръ трудно вывесть русскій народъ на истинный путь и улучшить его въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ теперь никто не указываетъ истиннаго пути заблуждающемуся, никто не подумаетъ о томъ, чтобъ умною, исполненною здраваго смысла рѣчью подѣйствовать на совѣсть народа. А между тѣмъ число преступленій и пороковъ нарастаетъ съ каждымъ годомъ. Только одинъ развѣ палачь налагаетъ на спины Русскихъ, за совершенное ими преступленіе, скоропреходящее наказаніе. . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, какъ Русскіе крестятся, молятся, и объ иконахъ, которымъ они покланяются.

Въ церкви Русскіе стоятъ предъ св. иконами съ непокрытыми головами, ибо никто, даже самъ великій князь, не имѣетъ права войти въ церковь съ покрытой головой. Крестятся Русскіе точно такъ, какъ объ этомъ пишетъ Герберштейнъ: для этого (т. е. для моленія) употребляютъ они три первые пальца правой руки, прикасаясь ими сначала ко лбу, потомъ ко груди, за тѣмъ праваго и лѣваго плеча, при чемъ часто произносятъ: «Господи помилуй» (Gospodi pomilui). . . .

Такимъ образомъ крестятся Русскіе приступая и ко всякому дѣлу, и къ молитвѣ и къ домашнимъ занятіямъ; не перекрестившись они не ѣдятъ, не пьютъ и не начинаютъ ничего. . . .

Русскіе не покланяются иконѣ, если она написана, хотя и прекрасно, но не Русскимъ или Грекомъ, а кѣмъ-либо изъ иностранцевъ, какъ будто бы отъ религіи живописца можетъ что-либо пристать къ написанной имъ иконѣ.

Въ Москвѣ у Русскихъ есть особенный рынокъ и лавки, гдѣ продаютъ иконы или, какъ они говорятъ, мѣняютъ ихъ на золото и серебро, такъ какъ неприлично сказать, чтобы икону можно было купить.

Русскіе ни за что не оставятъ иконы кому-либо изъ иностранцевъ другаго вѣроисповѣданія, полагая что иновѣрецъ не почтитъ ее надлежащимъ образомъ. Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда *Карлъ Молинъ* (Carol Möllin), нѣмецкій купецъ, купилъ въ Москвѣ каменный домъ, то прежніе хозяева, предъ выѣздомъ своимъ, поспѣшили стереть всѣ нарисованныя на стѣнахъ изображенія Святыхъ, и даже самую пыль увезли съ собою. Русскіе сильно негодуютъ на насъ за то, что мы помѣщаемъ на печахъ священныя изображенія, въ особенности распятіе, и всѣми возможными средствами стараются препятствовать этому.

Что же касается до крестьянъ, то они не терпятъ, чтобы мы дотрогивались до ихъ иконъ и ложились на лавкахъ, обратившись къ нимъ ногами. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ намъ приводилось останавли-

ваться, тотчасъ послѣ нашего ухода приходилъ священникъ съ кадиломъ и снова освящалъ иконы, по мнѣнію ихъ, осквернённыя нашимъ присутствіемъ. Во всѣхъ русскихъ церквахъ можно видѣть множество разставленныхъ по стѣнамъ иконъ, изъ коихъ болѣе почитаемыя помѣщаются внизу, т. е. въ первомъ ряду, какъ напр. образа Спасителя, Пречистой Дѣвы и Николая Чудотворца, защитника Русскихъ и ихъ патрона. Каждый изъ Русскихъ имѣетъ въ церкви своего собственнаго святаго, изображеннаго на иконѣ, которому онъ молится. Въ случаѣ, если кто-либо изъ нихъ совершитъ тяжкій грѣхъ и будетъ отлученъ отъ церкви, то икона его выносится изъ церкви и помѣщается въ число домовыхъ иконъ для того, чтобы отнять возможность у отлученнаго снова посѣщать храмъ божій. Люди достаточные украшаютъ свои иконы жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Вообще можно сказать, что иконы у Русскихъ служатъ однимъ изъ необходимыхъ условій для молитвы; ихъ видишь и въ церквахъ, и въ церковныхъ процессіяхъ, и наконецъ у каждаго русскаго въ его комнатѣ, гдѣ они постоянно должны быть предъ глазами ихъ, при совершеніи молитвы. Приступая къ молитвѣ, они прикрѣпляютъ къ иконѣ одну или двѣ восковыя свѣчи, и случается нерѣдко, что свѣча, оставленная на ночь, зажигаетъ образъ и оттого происходятъ частые пожары. Нѣмцы, живущіе въ домахъ русскихъ, изъ уваженія къ хозяевамъ, оставляютъ икону въ своихъ комнатахъ, но Русскіе все еще неохотно вступаютъ съ нами въ какія-либо сношенія и не легко отдаютъ въ услуженіе къ намъ кого-либо изъ своей челяди. Впрочемъ, въ настоящее время Патріархъ запретилъ держать иконы въ комнатахъ, занимаемыхъ Нѣмцами, считая иновѣрцевъ недостойными такой чести.

Каждый Русскій, при посѣщеніи кого-либо изъ своихъ знакомыхъ, войдя въ комнату, отдаетъ сначала должную почесть Богу, крестится, произнося «Господи помилуй», и потомъ уже обращается съ рѣчью къ хозяину. Вошедши въ комнату, онъ, какъ нѣмой человѣкъ, ни слова не скажетъ присутствующимъ, хотя бы ихъ было тутъ до 10 человѣкъ и болѣе, но прямо обращается къ иконамъ, помѣщающимся обыкновенно за столомъ, на стѣнѣ большаго угла, и если не видитъ ихъ, то спрашиваетъ: «есть ли Богъ»? (Cesile Boch); въ противномъ случаѣ, начинаетъ креститься и отвѣситъ имъ три поклона. Потомъ уже обращается онъ къ сидящимъ въ

комнатѣ людямъ и начинаетъ разговаривать и толковать съ ними о своихъ дѣлахъ. . . .

Русскіе изъ простонародья, въ особенности же тѣ, которые живутъ по деревнямъ, обыкновенно пріучаютъ дѣтей своихъ къ страху божьему тѣмъ, что ставятъ ихъ предъ св. иконами, научаютъ ихъ благоговѣйно поклоняться имъ, креститься и произносить: «Господи помилуй», не объясняя впрочемъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ всѣмъ этимъ. Такимъ образомъ, дитя съ самаго ранняго возраста свыкается съ мыслью, что икона—Богъ, и остается при этомъ мнѣніи до глубокой старости. Такъ однажды, въ бытность мою въ Ладогѣ, хозяйка того дома, гдѣ я останавливался, не давала ѣсть своему ребенку, еще неумѣвшему ни говорить, ни ходить, до тѣхъ поръ, пока онъ 9 разъ не перекрестится и не поклонится св. иконѣ. Что же касается до знатныхъ людей и городскихъ жителей, то они имѣютъ болѣе ясное понятіе объ иконахъ и еще болѣе свѣтлое тѣ, кои слывутъ между ними за умныя головы. Въ русской Нарвѣ зналъ я богатаго купца Филиппа Н., который и теперь еще здравствуетъ, человѣка умнаго, благодушнаго и ласковаго; въ бытность нашу въ этомъ городѣ, онъ часто ходилъ къ намъ обѣдать и сообщалъ намъ много дѣльныхъ, толковыхъ мыслей и взглядовъ. Однажды пригласилъ онъ меня къ себѣ, и я посѣтилъ его (это было 30 января 1634 г.) съ медикомъ нашимъ *Граммаиомъ* (Hartman Gramman). По обыкновенію, вступилъ онъ съ нами въ религіозный разговоръ, въ которомъ выказался его просвѣщенный взглядъ на значеніе св. иконъ; изъ словъ его мы не могли не узнать въ немъ истиннаго христіанина. Между прочимъ, онъ сказалъ намъ, что цѣнитъ и почитаетъ иконы, но не полагаетъ въ нихъ единственно своего спасенія, и, взявъ носовой платокъ, провелъ по одной изъ иконъ, говоря, что онъ можетъ смыть съ нея краску и сжечь дерево, а потому долженъ ли искать въ ней своего спасенія? За тѣмъ показалъ онъ намъ Библію на славянскомъ языкѣ, въ которой былъ много начитанъ, прочелъ изъ нея нѣсколько главъ и перевелъ ихъ, присовокупивъ: «здѣсь долженъ я узнать волю Божію и сообразоваться съ нею въ моей жизни». Что же касается до постовъ, соблюдаемыхъ Русскими, то онъ не соблюдаетъ ихъ; «что въ томъ—говорилъ онъ намъ,—если я не буду ѣсть мяса, а стану питаться дорогими рыбами, пить вино и мёдъ; для соблюденія настоящаго поста,

установленнаго Богомъ чрезъ пророка Іоиля (въ 1 и 2 главахъ), слѣдуетъ питаться хлѣбомъ съ водою и усердно молиться Богу»! При этомъ жаловался онъ на своихъ крестьянъ, большая часть которыхъ не имѣетъ истиннаго понятія ни о догматахъ своей вѣры, ни объ исполненіи христіанскихъ обязанностей. На вопросъ нашъ, почему онъ, имѣя такой свѣтлый взглядъ на религію, не поучаетъ своихъ крестьянъ, онъ отвѣчалъ, что не чувствуетъ къ тому призванія, да еслибъ и захотѣлъ приступить къ наставленіямъ, то ему не будутъ вѣрить, тѣмъ болѣе что его и безъ того уже считаютъ за еретика. Онъ держитъ у себя иконы въ комнатахъ для того только, чтобы, при взглядѣ на нихъ, памятовать о Богѣ и Святыхъ Его. Потомъ принесъ онъ намъ изъ другой комнаты портретъ шведскаго короля Густава Адольфа, писанный на позолоченной кожѣ, и сказалъ: «мы можемъ держать такую картину, представляющую великаго героя, славнаго великими дѣлами, такъ отъ чего же не имѣть у себя иконъ, съ изображеніями Св. Угодниковъ Божіихъ, которые прославили и утвердили Христіанскую Церковь великими чудесами». Вообще всѣ умные люди изъ Русскихъ почитаютъ иконы и молятся имъ не потому, чтобы онѣ изображали въ самомъ дѣлѣ Бога, но изъ любви, почтенія и благоговѣнія къ Нему и Его Святымъ Угодникамъ, молящимся за нихъ на небесахъ. Такая почесть оказывается ими тѣмъ святымъ, которые изображаются на иконахъ, что установлено было въ 787 году по Рожд. Христовѣ, 350-ю епископами на Соборѣ Константинопольскомъ, созванномъ противъ иконоборцевъ; съ этого времени иконы снова введены были въ Восточную Церковь. Тогда патріархомъ въ Константинополѣ былъ Тарасій, въ Александріи Полиціанъ, въ Антіохіи Теодоретъ, въ Іерусалимѣ Геллій. . . .

Въ недавнее время, казанскій протопопъ, по имени *Иванъ Пероновъ* (Kasanski Protopop Iwan Neronow) публично осмѣлился говорить противъ иконъ. Онъ развивалъ ту мысль, что несправедливо воздавать иконамъ такую почесть, которую должно воздавать одному только Богу и Святымъ Его, ибо онѣ сдѣланы изъ дерева, руками человѣческими, и что покланяясь иконамъ, слѣдуетъ молиться и людямъ, сотвореннымъ по образу и подобію божію. Подобную же мысль мы находимъ у Сенеки, въ его lib. de moralib.: «Simulacra deorum venerantur, illis supplicant genu posito,

illa adorant, illis per totum assident diem aut adstant, fabros, qui illa fecere, contemnunt», и у Лактанція (lib. 6 pag. 350): «quanto justius est et verius viventia Dei simulacra excolere, ut promereare viventem»; далѣе у него же: «perversum est et incongruens, ut simulacrum hominis a simulacro Dei colatur». Впрочемъ, упомянутый мною священникъ проповѣдывалъ недолго. Патріархъ, узнавъ объ его ученіи, лишилъ его священническаго сана и заключилъ въ *каменный монастырь*, лежащій на берегу Волги (kameno Monastir), чтобы подобныя мысли не могли болѣе распространяться въ народѣ, и за иконами осталось ихъ прежнее почитаніе. Что касается ветхихъ иконъ, почти совсѣмъ уничтоженныхъ молью и временемъ, то Русскіе не бросаютъ и не сжигаютъ ихъ, но опускаютъ въ рѣку, гдѣ онѣ оставляются на произволъ вѣтровъ и теченія; нѣкоторые погребаютъ ветхія иконы на кладбищахъ или зарываютъ ихъ глубоко въ землю въ садахъ своихъ, строго наблюдая за тѣмъ, чтобъ такія мѣста не подвергались никакому осквернснію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

О мощахъ Св. Угодниковъ Божіихъ, покоющихся въ русской землѣ, и объ установленныхъ на поклоненіе имъ путешествіяхъ.

Антоній Поссевинъ справедливо замѣчаетъ (Lib. de reb. Mosc. pag. 7), что въ Россіи есть мощи Угодниковъ Божіихъ, которые творятъ чудеса, какъ напр. могутъ исцѣлять больныхъ. Въ Москвѣ можно видѣть нѣсколько такихъ мощей. Два года тому назадъ, именно въ 1653 г., Русскіе обрѣли новаго Святаго, котораго оппочень почитаютъ и называютъ *Филиппомъ Митрополитомъ Чудотворцемъ* (Sudotworetz Philip Mitropolit). Онъ происходилъ отъ благородной фамиліи Колычевыхъ, проживавшихъ въ Москвѣ (Collitziowen), и въ царствованіе тирана Ивана Васильевича былъ московскимъ митрополитомъ. Въ это время царь жестоко правилъ своимъ народомъ, и митрополитъ за то, что нерѣдко высказывалъ ему горькую правду по поводу его жестокости, его нехристіанской безчеловѣчной жизни, впалъ въ большую немилость, подвергся опа-

лѣ и сосланъ былъ въ монастырь. Но Филиппъ не оставилъ царя въ покоѣ: и изъ монастыря сталъ онъ посылать къ нему увѣщательныя письма, исполненныя строгаго обличенiя; тогда Iоаннъ, желая избавиться отъ него, приказалъ одному изъ слугъ своихъ ѣхать въ монастырь и тамъ удавить бывшаго митрополита. Узнавъ объ этомъ, Филиппъ приготовился къ смерти и добровольно предалъ себя въ руки злодѣю, умоляя его только о томъ, чтобы онъ не давилъ его, а лучше зарѣзалъ. Убiйца согласился, и вонзилъ ему ножъ подъ самое сердце. Тогда монахи объявили убитаго митрополита мученикомъ, отвезли его на островъ, лежащiй на Бѣломъ морѣ, за Архангельскомъ, и предали тамъ тѣло его погребенiю въ одной часовнѣ. Этотъ островъ называется *Соловками* (Soloffka). Нынѣшнiй Патрiархъ, еще въ бытность свою митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ, объявлялъ, ссылаясь на разсказы достовѣрныхъ людей, что хворые и страждущiе разнаго рода болѣзнями, помолившись этому святому, получали отъ него исцѣленiе; сдѣлавшись же патрiархомъ, онъ убѣдилъ царя перевезти въ Москву нетлѣнныя останки митрополита Филиппа. Царь поручилъ перевезти мощи *Михаилу Леонтьевичу* (Michael Lewontgevitz), которому въ помощь дали еще одного дьяка. Прибывъ въ Архангельскъ, они сѣли на лодьи (Loddigen)—безпалубныя боты, и отправились въ Соловецкiй монастырь. Въ скоромъ времени, посланникъ благополучно достигъ острова, но дьякъ, находившiйся на другой лодьѣ, погибъ вмѣстѣ съ людьми и двумя сыновьями посланника, взятыми имъ съ собою; спустя нѣсколько времени его нашли выброшеннымъ на берегъ. Государь и патрiархъ, въ сопровожденiи Двора и Синклита, вышли на встрѣчу мощамъ, когда узнали, что онѣ находятся отъ Москвы въ разстоянiи одной только мили. Въ числѣ бывшихъ духовныхъ лицъ, сопровождавшихъ Патрiарха, находился и *Варлаамъ*, митрополитъ ростовскiй и ярославскiй (Warlam), старецъ 80 лѣтъ; увидавъ мощи въ близкомъ отъ себя разстоянiи, онъ упалъ на землю и тутъ же испустилъ духъ. Мощи св. Филиппа торжественно ввезены были въ Москву и поставлены въ Кремлевскомъ соборѣ, наиболѣе замѣчательномъ между тамошними церквами, гдѣ отъ нихъ совершались великiя чудеса. Многiе больные, приходившiе къ нимъ съ вѣрою и молитвою, получили скорое исцѣленiе; множество слѣпыхъ, хромыхъ и нѣмыхъ приходили сюда и, помолив-

шись мощамъ, всѣ исцѣлялись. Послѣ каждаго чуда, совершеннаго этими мощами, звонили въ большой колоколъ; такой звонъ можно было слышать четыре или пять разъ въ продолженіи одной недѣли. Теперь же чудеса стали совершаться рѣже, такъ какъ въ настоящее время люди, жаждущіе исцѣленія, уже не съ такою сильною вѣрою и благоговѣніемъ приступаютъ къ св. мощамъ, какъ прежде. Такъ говорятъ Русскіе. Они увѣряютъ, что до сихъ поръ мощи остаются нетлѣнными; онѣ покрыты чернымъ сукномъ, котораго никто не смѣетъ приподнять, чтобы посмотрѣть на святаго.

Кромѣ мощей митрополита Филиппа, въ Россіи есть еще другія, покоющіяся въ Троицкомъ монастырѣ, отстоящемъ въ 12-ти миляхъ отъ Москвы и называемомъ *Сергіевскимъ* (Zerge). Поссевинъ называетъ этотъ монастырь *Сергіемъ* (Zergium); о немъ упоминается также у Герберштейна (pag. 32) и у Петрея (pag. 11 въ Ришіфе Chronik). Разскажу въ краткихъ словахъ жизнь этого святаго. Сначала Сергій служилъ въ войскѣ и принадлежалъ къ числу храбрыхъ воиновъ; былъ онъ высокаго росту и притомъ довольно тученъ. Потомъ оставилъ военную службу, удалился отъ свѣта, ушелъ въ пустыню и наконецъ поступилъ въ монастырь, желая провести остальные дни свои въ монашескомъ санѣ. Вскорѣ братія этого монастыря избрала его своимъ игуменомъ, такъ какъ онъ велъ благочестивую и богобоязненную жизнь, многимъ помогалъ своими молитвами и совершалъ чудеса. Сергій скончался въ 1563 г. Онъ имѣлъ у себя ученика, по имени *Никона* (Nikon), который пошелъ по стопамъ своего учителя и также прославился добродѣтельною жизнью. Оба они причислены были Церковью къ лику святыхъ, признаны за св. угодниковъ Божіихъ и погребены другъ подлѣ друга въ томъ же монастырѣ. Русскіе говорятъ, что и теперь можно видѣть ихъ черепа и неистлѣвшій мозгъ. Поляки нѣсколько разъ нападали на этотъ монастырь, желая овладѣть имъ; но когда монахи брали черепъ св. Сергія и обращали его противъ непріятелей, то они не только не могли взять монастыря, но ссорились между собою и обращали оружіе другъ противъ друга. По словамъ Петрея, это обстоятельство было главною причиною тому, что Поляки сняли осаду монастыря, такъ какъ собственно шведское войско принудило польскаго полковника *Яна Сапѣгу* (Jan Sapia) оставить этотъ монастырь въ покоѣ. По имени проживавшаго тамъ св. Сер-

гія и монастырь получилъ названіе *Троицко-Сергіевской Лавры* (Sergeoffski Troyza) или иначе *Монастыря Троицкаго* (Kloster Trois). Что же касается до мѣднаго горшка, о которомъ упоминаетъ Герберштейнъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ своего сочиненія, то въ настоящее время память о немъ уже не сохраняется между Русскими. По описанію Герберштейна, онъ отличался удивительною неисчерпаемостью: такъ, когда варили въ немъ какую-либо пищу (по большей же части кашицу), то вся монастырская братія могла питаться ею сколько угодно; еще удивительнѣе то обстоятельство, что находящаяся въ немъ пища не только не убывала, но напротивъ того еще увеличивалась. Троицкій монастырь заключаетъ въ себѣ болѣе трехъ тысячъ братій, а по богатству и огромнымъ доходамъ своимъ превосходитъ всѣ монастыри, какіе только есть въ государствѣ. Знатные люди изъ бояръ и купечества, посѣщая этотъ монастырь, дѣлаютъ, въ видѣ милостыни, богатые вклады, для того чтобъ монахи молились за спасеніе душъ ихъ и молитвою охраняли отъ всѣхъ золъ, могущихъ постичь ихъ въ жизни.

Великій князь, въ сопровожденіи знатныхъ бояръ, ежегодно два раза посѣщаетъ этотъ монастырь, именно въ день святой пятидесятницы и св. Михаила. За полмили до монастыря царь обыкновенно сходитъ съ лошади, и, сопровождаемый своею свитою, уже пѣшкомъ доходитъ до обители, гдѣ остается на нѣсколько дней для молитвы и поклоненія св. мощамъ. Во время пребыванія государя въ монастырѣ, игуменъ обязанъ доставлять содержаніе какъ ему, такъ и его свитѣ; онъ же долженъ кормить ихъ лошадей. Иногда государь увеселяетъ себя охотою, такъ какъ мѣстоположеніе здѣсь прекрасное и притомъ очень удобно для звѣриной травли.

Много лѣтъ тому назадъ, въ Казани, бывшей уже подъ властью московскихъ государей, найденъ былъ въ землѣ образъ св. Маріи и поставленъ въ одной изъ тамошнихъ церквей. Съ этой иконы сняли копію и прислали въ Москву. Вскорѣ за тѣмъ, въ честь ея, выстроили церковь, которая и теперь еще существуетъ, помѣщаясь въ концѣ большаго рынка, гдѣ идетъ новый рядъ; она называется церковію Пречистой Казанской Божіей Матери. Съ этого времени ежегодно огромныя толпы народа стекаются сюда на поклоненіе этой иконѣ.

Точно такое же богомолье бываетъ ежегодно и въ Новгородѣ, куда сходится множество народа со всѣхъ концевъ Россіи и отсюда уже направляется къ *Хутынскому монастырю* (Kloſter Chutina), отстоящему отъ Новгорода въ 7 верстахъ. Въ это время по всему городу, въ особенности же предъ *Никольскими воротами* (Nicolski Pforte), ведущими прямо къ монастырю (гдѣ цѣловальники обыкновенно разбиваютъ свои палатки), происходитъ сильная попойка. Праздникъ этотъ и богомолье Русскіе называютъ *праздникомъ Варлаама Хутынскаго* (prasnik Warlama Chutinskoga), въ честь св. Варлаама, родившагося въ Новгородѣ и почивающаго въ Хутынскомъ монастырѣ; говорятъ, что мощи его творятъ много чудесъ и исцѣляютъ больныхъ. Такихъ святыхъ угодниковъ можно впрочемъ найти и въ другихъ мѣстахъ Русскаго Государства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

О русскихъ церквахъ.

Описывая разныя строенія, находящіяся въ Москвѣ, я уже упомянулъ, что въ одномъ Кремлѣ помѣщается очень много церквей, монастырей и часовенъ; во всемъ же городѣ, внѣ и внутри окружной стѣны, насчитываютъ ихъ до 2,000. Въ настоящее время каждый болѣе или менѣе состоятельный вельможа строитъ себѣ свою собственную часовню, по большей части изъ камня. Всѣ каменныя церкви внутри имѣютъ круглые своды, причины чему не могли объяснить мнѣ Русскіе. По моему мнѣнію, обычай строить такимъ образомъ церкви перешелъ къ нимъ изъ древности, когда строили церкви также по большей части съ круглыми сводами, что можно видѣть у Розина въ его римскихъ древностяхъ (Rosinus de antiquit. Rom. lib. I, cap. 2, pag. 39), на томъ основаніи, что, прославляя собою Бога, онѣ должны уподобляться небесному своду. Точно такое же объясненіе встрѣчаемъ мы у греческаго историка Діона Кассія въ томъ мѣстѣ его сочиненія, гдѣ онъ описываетъ римскій храмъ Пантеонъ, имѣющій также круглую форму, сохранившуюся по настоящее время (Dion Cassius lib. 53, pag. 515). По словамъ Кассія, онъ вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ

языческихъ боговъ (что̀ видно и изъ самаго его названія), и потому долженъ былъ уподобляться круглому небесному своду. Впрочемъ, нѣкоторые ученые полагаютъ, что Пантеонъ былъ выстроенъ въ видѣ круга на томъ основаніи, что боги помѣщались въ немъ вдоль стѣнъ и отстояли другъ отъ друга въ неблизкомъ разстояніи, для того чтобы каждый изъ нихъ могъ удержать за собой надлежащую степень своего достоинства и величія. Буасардъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «такъ какъ Агриппа выстроилъ этотъ храмъ въ честь Аписа или Сивиллы, матери всѣхъ боговъ, подъ покровительствомъ которой находилась земля, то полагали, что поэтому и храмъ былъ выстроенъ круглымъ (Boysardus pag. 48)». Другіе утверждаютъ, что древніе строили круглые храмы для того, чтобы выразить тѣмъ безконечность величія Бога, которому они поклонялись въ нихъ. Тоже самое почти говоритъ Меркурій Трисмегистъ (Mercurius Trismegistus): «Deum spheram esse intellectualem, cujus centrum sit ubique, circumferentia nusquam, quia nusquam majestas Dei et immensitas terminatur» (Cael. R. lib. 16, cap. 8, pag. 685). У древнихъ былъ также въ обычаѣ особый родъ молитвы, при совершеніи которой они вертѣлись кругомъ, какъ разсказываетъ Целій Родигинъ (Caelius Rodiginus), заимствуя извѣстіе изъ Плинія: «in orando dextram ad os referrimus totumque corpus circumagimus». Пишутъ, что такой родъ молитвы установленъ былъ Нумою Помпиліемъ, вторымъ царемъ римскимъ.

Въ русскихъ церквахъ нѣтъ ни стульевъ, ни скамеекъ, на томъ основаніи, что всякій пришедшій въ церковь не можетъ сидѣть, но всѣ должны стоять и стоя, или простираясь на полу (какъ это часто дѣлалъ блаженной памяти государь Михаилъ Ѳедоровичъ), совершать свои молитвы и слушать божественную службу.

Они не допускаютъ въ церквахъ своихъ ни органовъ, ни какихъ-либо другихъ музыкальныхъ инструментовъ, такъ какъ, по понятіямъ ихъ, инструменты, не имѣющіе ни тѣла, ни духа, не могутъ хвалить Бога. И когда начнешь говорить имъ, что люди же извлекаютъ изъ инструментовъ пріятные звуки, и будешь приводить въ доказательство псалмы Давида, то они отвѣчаютъ на это тѣмъ, что музыкальные инструменты употреблялись въ Ветхомъ Завѣтѣ, а въ Новомъ о нихъ не упоминается. Впрочемъ, до̀ма, въ особенности же на пирахъ, Русскіе очень любятъ музыку и уважаютъ это искусство.

Нынѣшній патріархъ, замѣтивъ, что они начинаютъ злоупотреблять ею, роспѣвая разнаго рода скандалезныя пѣсни по кабакамъ, шинкамъ и на улицахъ, приказалъ сначала разбивать находимые въ такихъ мѣстахъ инструменты и также у всѣхъ тѣхъ, кои попадались съ ними на улицахъ, а потомъ совершенно запретилъ инструментальную музыку. По его приказанію, немедленно собрали всѣ инструменты, какіе только можно было найти, въ Москву, нагрузили ими пять возовъ, свезли все это за Москву рѣку и сожгли. Только однимъ Нѣмцамъ позволено было у себя въ домахъ заниматься музыкою, да еще боярину Никитѣ Ивановичу, другу Нѣмцевъ, который держитъ у себя *позитивъ* (positiv) и разнаго рода другіе инструменты, такъ какъ патріархъ ему одному только не можетъ запретить этого увеселенія.

Необходимою принадлежностью церквей и колоколенъ русскихъ служитъ крестъ, вѣнчающій ихъ главы, простой или тройной (послѣдній можно видѣтъ чаще). Поэтому самому Русскіе не считаютъ нашихъ церквей за церкви, такъ какъ онѣ не имѣютъ крестовъ. Крестъ, по ихъ словамъ, означаетъ главу Церкви—Іисуса Христа, распятаго на крестѣ, который потому служитъ символомъ Его, и церковь, не имѣющая такого символа, не есть церковь. Поэтому же самому церковь въ глазахъ Русскихъ—мѣсто святое и чистое, куда ничто нечистое не должно быть впускаемо; оттого они не очень охотно дозволяютъ людямъ другаго вѣроисповѣданія посѣщать ихъ церкви. Такъ однажды, въ первый пріѣздъ нашъ въ Россію, нѣкоторые изъ нашихъ, по незнанію, вошли въ церковь, желая осмотрѣть ее, но Русскіе вывели ихъ оттуда за руки и метлами замели за ними полъ, что они обыкновенно дѣлаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда узнаютъ, что въ церкви былъ кто-либо изъ нечистыхъ людей, или когда забѣжитъ въ нее собака. Осквернённое такимъ образомъ мѣсто тотчасъ же обмываютъ святою водою и окуриваютъ ладаномъ. Кладбища у Русскихъ содержатся въ такой же чистотѣ, какъ мѣста освященныя и святыя; никто не смѣетъ чѣмъ-либо осквернить ихъ. На колокольняхъ вѣшаютъ много колоколовъ; иногда же число ихъ не превышаетъ пяти, или шести, изъ коихъ самый большой бываетъ вѣсомъ не болѣе двухъ центнеровъ. Далеко слышенъ звонъ ихъ, когда пономарь благовѣстомъ сзываетъ народъ въ церковь, или когда, при возношеніи священникомъ даровъ, звонитъ во всѣ

колокола. Съ большимъ удивленіемъ и напряженнымъ вниманіемъ прислушивались мы, иностранцы, въ первый разъ бывши въ Москвѣ, къ этому въ высочайшей степени разнообразному говору нѣсколькихъ тысячъ колоколовъ, звонъ которыхъ произвелъ въ насъ какое-то особенное, до тѣхъ поръ незнакомое намъ ощущеніе. Большею частію звонитъ одинъ человѣкъ, управляя заразъ тремя или четырьмя колоколами; для этого беретъ онъ однѣ изъ веревокъ, привязанныхъ къ языкамъ колоколовъ, въ руки, другія обматываетъ вокругъ локтя, и такимъ образомъ передергиваетъ ихъ одну за другою. Конечно, такіе люди должны имѣть особенную на то сноровку.

Въ глазахъ простаго народа колокола составляютъ необходимую вещь при совершеніи божественной службы. По его мнѣнію, безъ звона нѣтъ службы. Однажды русскій приставъ очень удивился, когда шведскіе дворяне, бывшіе при нашемъ посольствѣ, объявили ему, что сами хотятъ въ день св. Михаила справлять праздникъ. «Да какъ же, возразилъ имъ удивленный приставъ, будете вы въ Москвѣ справлять вашъ праздникъ, когда у васъ нѣтъ съ собою колоколовъ»?

На дверяхъ церковныхъ, также какъ и на воротахъ своихъ домовъ, Русскіе вѣшаютъ св. иконы, для того чтобы прохожіе могли имъ молиться, креститься и произносить «Господи помилуй». Они покланяются и крестятся не только иконамъ, но также и крестамъ, находящимся на церквахъ; такъ иногда случалось мнѣ видѣть, какъ иной прохожій русскій человѣкъ остановится на минуту на улицѣ и отвѣситъ съ крестнымъ знаменіемъ земный поклонъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ (*).

О погребеніи тѣлъ умершихъ.

Русскіе погребаютъ тѣла своихъ умершихъ съ соблюденіемъ многихъ обрядовъ, какъ и во всѣхъ другихъ особенныхъ случаяхъ. Такъ ближайшіе родственники и друзья покойнаго, тотчасъ послѣ его смерти, собираются вмѣстѣ, а жены ихъ поднимаютъ громкій плачь и рыданія. Обыкновенно онѣ обступаютъ покойника и, плача, предлагаютъ ему слѣдующіе и подобные имъ вопросы: «для

(*) Главы XXVII, XXVIII и XXIX, религіознаго содержанія, признаны неудобными къ напечатанію. *Ред.*

чего ты умеръ? или тебѣ не доставало какого кушанья, питья, платья? или жена твоя не была молода, вѣрна и хороша собою?» Точно также причитаютъ они на могилѣ, когда покойника уже опускаютъ въ землю, и еще нѣсколько разъ въ продолженіи года, какъ объ этомъ обстоятельнѣе будетъ сказано ниже.

Какъ скоро умретъ кто-либо у Русскихъ, то родственники, или близкіе знакомые умершаго тотчасъ посылаютъ за священникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отправляютъ къ нему подарокъ, состоящій изъ меду, пива и водки, для того чтобы онъ помолился за душу усопшаго. За тѣмъ обмываютъ тѣло покойника, одѣваютъ его въ бѣлое полотняное платье, обуваютъ его ноги въ красные сафьянные башмаки, крестообразно складываютъ ему на груди руки, и такимъ образомъ кладутъ во гробъ. Гробы у Русскихъ дѣлаются различной величины, изъ цѣльнаго дерева, и продаются въ Москвѣ во многихъ мѣстахъ. Гробъ покрывается обыкновенно сукномъ или просто кафтаномъ умершаго и несется въ церковь, гдѣ и остается въ продолженіи восьми дней, если только на дворѣ стоитъ зима и умершій былъ знатный вельможа; въ такомъ случаѣ священникъ ежедневно окропляетъ покойника святою водою, окуриваетъ ладаномъ и служитъ обѣдни за упокой его души.

Гробъ выносятъ обыкновенно на рукахъ шесть, а иногда и четыре человѣка. Если умираетъ монахъ или монахиня, то ихъ несутъ также монахи или монахини. Предъ тѣломъ идутъ женщины, съ закрытыми лицами, и наполняютъ воздухъ жалобными рыданіями: то громко кричатъ, то затихаютъ, то вдругъ снова начинаютъ плакать и рыдать, причемъ жалуются и сѣтуютъ на преждевременную смерть покойника, обыкновенно человѣка благочестиваго, котораго всѣ любили и уважали при жизни. Въ то же время поютъ священники, идущіе впереди и сзади гроба; церковнослужители несутъ иконы и кадильницы, и изъ всего пѣнія ихъ можно понять только слѣдующее: «святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ».

За тѣломъ безпорядочною толпою слѣдуютъ ближайшіе родственники и друзья умершаго; каждый изъ нихъ несетъ въ рукѣ зажженную восковую свѣчу.

Прибывъ на кладбище, гробъ опускаютъ на землю, близъ могилы, снимаютъ съ него крышу и тѣло умершаго еще разъ окури-

ваютъ ладаномъ; въ тоже самое время надъ нимъ держатъ икону того святаго, котораго покойникъ почиталъ преимущественно предъ прочими въ продолженіи своей жизни. Между тѣмъ священникъ прочитываетъ нѣсколько молитвъ и часто повторяетъ слѣдующія слова: «Господи, упокой душу усопшаго раба твоего», а вдова стоитъ предъ тѣломъ покойнаго своего мужа, плачетъ и громко рыдаетъ, повторяя вышеупомянутые вопросы. За тѣмъ, по одиночкѣ, подходятъ ко гробу родственники умершаго и уже въ послѣдній разъ цѣлуютъ покойника (а иногда одинъ только гробъ); послѣ чего подходитъ ко гробу священникъ и вручаетъ умершему отпускной листъ, который кладется ему подъ бокъ. Такіе отпускные листы, или свидѣтельства, Русскіе получаютъ за деньги, или изъ Москвы отъ патріарха, или изъ другихъ городовъ отъ архіепископовъ, епископовъ и митрополитовъ, а иногда и прямо отъ священниковъ.....

По вручевіи умершему отпускнаго листа, гробъ заколачивается, опускается въ могилу и зарывается. Обыкновенно покойника кладутъ въ могилѣ такъ, чтобъ онъ лицемъ былъ обращенъ къ востоку. По совершеніи обряда погребенія, всѣ присутствующіе, помолившись св. иконамъ, расходятся по домамъ. Родственники же погребеннаго приготовляютъ дома обѣдъ, и тогда всѣ приглашенные къ нему, какъ мужчины, такъ и женщины, виномъ запиваютъ свое горе. Такіе обѣды оканчиваются иногда порядочными попойками.

Русскіе оплакиваютъ своихъ умершихъ родственниковъ цѣлые шесть недѣль. Въ продолженіи этого времени богатые люди два или три раза даютъ большіе обѣды и приглашаютъ на нихъ своихъ родственниковъ и всѣхъ тѣхъ, кои присутствовали при погребеніи. Для обѣдовъ назначается обыкновенно третій, девятый и двадцатый день, но почему именно эти дни, а не другіе, я не могъ узнать отъ Русскихъ. Безъ сомнѣнія, обычай этотъ переняли они отъ Грековъ (какъ это ясно видно изъ *Notis Martini Crusii* на *Historiam Ecclesiasticam Turco—Graeciae*, pag. 203), которые также обыкновенно (въ Константинополѣ) поминали умершихъ въ 20-й и 40-й дни, двоякая причина чему объясняется въ вышеупомянутомъ нами мѣстѣ. Эти три обѣда у Русскихъ тоже самое, что *justa* или *parentalia* (послѣдній долгъ, отдаваемый покойнику, похоронный обѣдъ, поминки по родителямъ), установленные въ память умершаго, а живущимъ—въ напоминаніе взаимной любви и дружбы, для чего ста-

новится на столъ, во время такихъ обѣдовъ, особенное блюдо, состоящее изъ освященнаго хлѣба, называемаго у Русскихъ *кутьею* (kutia). *Крузій* (Crusius) въ упомянутомъ нами мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, что Греки, при погребеніи мертвыхъ, между прочимъ, также выдѣляли частицы изъ освященнаго хлѣба, *buccellam charitatis et benevolentiae*. Русскіе священники пьютъ водку и вино точно также какъ и другіе, присутствующіе на обѣдѣ, и притомъ иногда столько, что съ большимъ трудомъ уходятъ домой.

На могилахъ состоятельныхъ людей выстраиваютъ небольшіе шалаши или палатки, такой величины, чтобъ въ нихъ могъ спать человѣкъ, и обвѣшиваютъ ихъ рогожками. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, приходитъ сюда священникъ или монахъ и читаетъ за упокой души умершаго нѣсколько псалмовъ Давида. Русскіе, вмѣстѣ съ Греками, не вѣрятъ въ чистилище (purgatorium), какъ объ этомъ справедливо говорятъ Герберштейнъ, Гваньини и Поссевинъ. По ихъ вѣрѣ, существуютъ только два мѣста, куда идетъ душа умершаго человѣка для ожиданія духовнаго и тѣлеснаго своего обновленія, смотря потому, кто какъ жилъ въ этомъ мірѣ: совершалъ ли добрыя, или злыя дѣла. Души праведныя идутъ въ пріятное для нихъ мѣсто, гдѣ онѣ будутъ наслаждаться сообществомъ Ангеловъ, злыя же и безбожныя—въ темную юдоль, обитаемую только злыми духами.

На томъ же основаніи они полагаютъ, что душа умершаго человѣка, вышедши изъ тѣла и находясь на пути къ тому или другому мѣсту, можетъ быть направлена на путь истинный прилежными молитвами бывшаго ея духовника, священника или монаха; они вѣрятъ также, что такими молитвами, жертвами и приношеніями могутъ умилостивить Бога, подъ гнѣвъ котораго подпала несчастная душа за свои грѣхи, и что Онъ означитъ ее въ книгѣ жизни, чтобы она съ бо́льшею надеждою на помилованіе могла предстать предъ Нимъ на Страшномъ Судѣ. Отсюда идетъ у нихъ обычай раздавать милостыню бѣднымъ людямъ. Такъ напр. если умираетъ богатый человѣкъ, то бѣдные, въ продолженіи шести недѣль, могутъ получать въ домѣ его хлѣбъ и деньги. Въ прежнія времена между Русскими можно было встрѣтить такихъ, которые, кромѣ пожертвованій въ пользу церквей и монастырей, раздавали еще милостыню бѣднымъ всякій разъ, какъ только совершали хотя и незначительный

грѣхъ, если напр. обманывали ближняго своего въ торговыхъ сдѣлкахъ, или другихъ какихъ-либо незначительныхъ дѣлахъ. Еще и теперь лавочники, собираясь по утру въ церковь, накупаютъ хлѣба, разрѣзываютъ его на части и раздаютъ нищимъ, коихъ очень много въ Москвѣ; помолившись въ церкви, идутъ они снова въ свои лавки. При ограниченныхъ потребностяхъ своихъ, нищіе имѣютъ довольно избытка отъ раздаваемой имъ милостыни; обыкновенно они сбываютъ получаемый ими хлѣбъ, разрѣзывая его на небольшіе четвереугольные кусочки, которые сушатъ въ печи, насыпаютъ потомъ въ мѣшки и на рынкахъ продаютъ путешественникамъ. Русскіе называютъ такой хлѣбъ *сухарями* (*suchari*).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

О вѣроисповѣданіяхъ, терпимыхъ и не терпимыхъ въ Москвѣ Русскими.

Московитяне оказываютъ терпимость въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ чужеземныхъ народовъ и къ ихъ вѣроисповѣданіямъ. Они охотно сближаются съ лютеранами, Персами и Турками, но папистовъ и Евреевъ не любятъ до того, что не могутъ ни слышать ихъ, ни смотрѣть на нихъ. Для Русскаго нѣтъ ничего оскорбительнѣе названія жида; впрочемъ, между русскими купцами найдутся такіе, которые во многомъ походятъ на Евреевъ. Лютеране и кальвинисты до сихъ поръ пользуются благорасположеніемъ Русскихъ. Они живутъ не только въ Москвѣ, гдѣ ведутъ большую торговлю съ Русскими, но и во многихъ другихъ городахъ Государства; они же состоятъ на службѣ у великаго князя въ войскѣ и при Дворѣ. Число такихъ иностранцевъ, живущихъ въ Москвѣ, простирается до 1,000 человѣкъ. Каждому чужеземному народу дозволяется отправлять свое богослуженіе публично въ церквахъ. Лютеране и кальвинисты имѣли прежде въ Царьгородѣ, одной изъ частей Москвы, свои собственныя церкви. Лютеране, за двадцать лѣтъ тому назадъ, лишились своей церкви изъ за драки, происшедшей между ихъ женами, спорившими за свои преимущества. Нѣмецкіе офицеры, предъ началомъ войны за Смоленскъ, женились большею частью на купеческихъ дочеряхъ; сдѣлавшись потомъ полковницами и лейтенатшами, онѣ не захотѣли уже сидѣть вмѣстѣ

съ своими прежними пріятельницами; купеческія жены не стерпѣли такой обиды, завели споръ и кончили дракой. Все это происходило въ церкви. Случилось, что въ это самое время патріархъ проѣзжалъ мимо ихъ церкви и конечно не могъ не замѣтить происходившаго въ ней безпорядка. Узнавъ, что споръ произошелъ изъ-за мѣстъ, онъ сказалъ: «я думалъ, что Нѣмцы съ благочестивыми мыслями ходятъ въ свои церкви и благоговѣйно слушаютъ тамъ Слово Божіе, а не для того, чтобы выказывать столь неумѣстную въ такомъ мѣстѣ спѣсь и гордость». Вскорѣ за тѣмъ онъ приказалъ уничтожить церковь, которая въ тотъ же день и была разрушена до основанія. Впрочемъ, Нѣмцамъ позволено было выстроить новую церковь, но только въ Бѣлгородѣ (Bolfoigorod?), другой части Москвы.

Кальвинисты начали строить каменную церковь внутри Бѣлой стѣны, подлѣ деревянной часовни, и довели ее уже до крыши, такъ какъ великій князь и патріархъ, хотя и не одобряли этой постройки, но все таки не противились ей рѣшительно. Патріархъ нашелъ однакоже какой-то предлогъ къ уничтоженію церкви и приказалъ срыть ее, вмѣстѣ съ стоявшею подлѣ нея деревянною часовнею. Оставшись безъ церкви, кальвинисты по необходимости должны были, посѣщать лютеранскую, до тѣхъ поръ, пока не выстроили снова своей собственной. Впослѣдствіи лютеране принуждены были, по требованію патріарха, уничтожить и ту церковь, которая поставлена была ими въ Бѣлгородѣ; тогда, получивъ милостивое разрѣшеніе отъ великаго князя, они выстроили новую, уже за городскимъ валомъ, на чистомъ полѣ, еще въ большихъ въ сравненіи съ прежнею размѣрахъ. Въ недавнее время, когда имъ запрещено было носить русское платье (какъ выше уже упомянуто мною объ этомъ), они снова должны были переселиться на другое мѣсто. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ русскіе священники стали жаловаться патріарху, что Нѣмцы, живущіе въ городѣ между Русскими, откупаютъ и застраиваютъ самыя лучшія мѣста въ ихъ приходахъ, отчего уменьшаются ихъ доходы. Великій князь не обратилъ однакожъ вниманія на ихъ жалобу, такъ какъ любилъ въ то время Нѣмцевъ. Когда же патріархъ пожаловался его царскому величеству на то, что Нѣмцевъ нельзя отличить отъ Русскихъ, то священники поспѣшили воспользоваться удобнымъ къ тому случаемъ, подняли прежнія свои жалобы и

довели дѣло до того, что въ скоромъ времени великій князь строго-настрого приказалъ всѣмъ Нѣмцамъ выбираться и селиться на *Кукуй* (Kukkuj), что предъ *Покровскими воротами* (Pokroffski pforte). Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было имъ, что тѣ, которые пожелаютъ перейти въ православіе, могутъ остаться въ городѣ. *Кукуй* расположенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтъ за сорокъ и болѣе предъ симъ селились одни Нѣмцы и гдѣ погребенъ былъ братъ датскаго короля Христіана IV, герцогъ Іоаннъ.

Кукуй лежитъ на рѣчкѣ *Яузѣ* (Jausa) и получилъ названіе свое по слѣдующему поводу. Жены проживавшихъ здѣсь нѣмецкихъ солдатъ, завидѣвъ Русскихъ, которые иногда заглядывали въ эти мѣста, обыкновенно говаривали другъ другу: «Kuck, Kuck hie», т. е. «смотри, смотри сюда», что Русскіе обратили въ бранное слово. Нѣмцы обидѣлись и подали его царскому величеству челобитную, въ которой жаловались ему на то, что имъ, безъ всякой съ ихъ стороны причины, Русскіе оказываютъ презрѣніе, и что, не смотря на вѣрную и честную службу Государю и его подданнымъ, ихъ обносятъ на улицахъ разнаго рода ругательствами и сквернословіями; въ заключеніе, просили они его царское величество, чтобы онъ, по достохвальному примѣру своихъ предковъ, взялъ ихъ подъ свою защиту и оградилъ ихъ отъ такого поношенія. Государь обратилъ вниманіе на ихъ просьбу и тотчасъ же приказалъ безпощадно бить кнутомъ всякаго, кто обидитъ Нѣмца днемъ хотя однимъ малѣйшимъ ругательнымъ словомъ. Скоро нашлось нѣсколько ослушниковъ такого приказанія, и они дѣйствительно были биты кнутомъ и ушли домой съ окровавленными спинами. Въ настоящее время Нѣмцевъ никто не поноситъ и не оскорбляетъ. Его царское величество пожелалъ уничтожить даже и самое названіе Кукуя и далъ этому мѣсту другое—*Новой Иноземной Слободы* (Nowa Inosemska sloboda). Каждый Нѣмецъ могъ получить здѣсь для постройки дома мѣсто извѣстной величины, смотря по достоинству селившагося лица, его должности или ремеслу. Теперь слобода эта раздѣляется уже на правильныя улицы. Тѣ изъ Нѣмцевъ, у которыхъ были прежде въ городѣ деревянные дома, должны были сломать ихъ и выстроить новые въ Иноземной Слободѣ; въ настоящее время они живутъ тамъ въ бо́льшей безопасности отъ пожаровъ, часто случающихся въ городѣ, чѣмъ Русскіе. Теперь сами

Нѣмцы говорятъ, что, избавившись отъ русскаго платья и отдѣлившись отъ Русскихъ, они пользуются такимъ же удобствомъ, какимъ пользуется ракъ, пущенный въ воду. Утвердившись такимъ образомъ въ безопасномъ мѣстѣ и составивъ какъ бы свой собственный городокъ, Нѣмцы немедленно уничтожили стоявшую отъ нихъ вдали церковь и выстроили новую въ своей слободѣ. Теперь у лютеранъ уже двѣ церкви. У кальвинистовъ есть также двѣ церкви, одна голландская, другая англійская. Сначала, по дѣлу жены полковника Лесли, будто бы бросившей икону въ огонь (какъ объ этомъ выше упомянуто мною), подвергались они сильнымъ притѣсненіямъ: изъ церквей ихъ вынесены были каѳедры и престолы, сняты были даже крыши. Вскорѣ за тѣмъ дозволено было вновь покрыть церкви крышами, но каѳедры и престолы долгое время оставались внѣ церкви.

Лютеране устроили у себя въ Иноземной Слободѣ кладбище, на которомъ погребаются также и кальвинисты, такъ какъ между этими двумя вѣроисповѣданіями постоянно господствуетъ доброе согласіе и не слышно, чтобы между ними возникали когда-либо какія-нибудь ссоры въ дѣлахъ вѣры. Нынѣшній проповѣдникъ лютеранъ, г. *Балтазаръ Фаденрехтъ* (Balthasar Fadenrecht) — человѣкъ образованный и притомъ съ дарованіями. Въ наше время проповѣдникомъ у нихъ былъ г. *Мартинъ Мюнстербергъ* (Martin Münsterberg), изъ Данцига, человѣкъ трудолюбивый и также даровитый. Въ первое время своего пребыванія въ Москвѣ онъ жилъ безбѣдно, но нѣсколько пожаровъ лишили его почти всего его имущества. Принужденный войти въ долги, онъ до того былъ притѣсняемъ Русскими, что отъ тоски и безпрестанныхъ тяжкихъ заботъ сошелъ въ могилу на 38 году отъ рожденія. Предшественникъ его *Георгъ Оксе* (Georg Ochse) былъ человѣкъ уже старый; раньше былъ онъ виннымъ куперомъ и пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нѣмецкимъ купцомъ *Карломъ Молиномъ* (Carol Molin). Будучи человѣкомъ начитаннымъ и притомъ имѣя при себѣ собраніе проповѣдей, онъ обратилъ на себя вниманіе своихъ соотечественниковъ, которые, день отъ дня увеличиваясь въ числѣ и долгое время оставаясь безъ проповѣдника, рѣшились выбрать его въ свои пасторы. Оксе не отказался отъ предложенной ему должности и нѣсколько лѣтъ исполнялъ пасторскія обязанности очень рачительно. Уже

въ глубокой старости, когда ему наскучило читать и заниматься, общество освободило его отъ службы и назначило ему и женѣ его пожизненное содержаніе. Онъ былъ еще въ живыхъ во время нашего пребыванія въ Москвѣ.

У реформатовъ былъ также ученый проповѣдникъ, по имени *Гейнрихъ Юхенховеръ* (Heinrich Juchenhoffer), бывшій сначала лютераниномъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву съ нѣмецкими солдатами, былъ во время войны за Смоленскъ полковымъ проповѣдникомъ и потомъ перешелъ къ кальвинистамъ. Между прочимъ, онъ написалъ сочиненіе (напечатанное въ Бременѣ) подъ заглавіемъ: «Ключь къ истинному уразумѣнію сказаній Апостола о затворенныхъ дверяхъ» (Іоан. 20), но мнѣніе его было опровергнуто суперинтендентомъ въ Борнѣ, что въ Мейсенѣ, *Д. Давидомъ Авербахомъ*. Проповѣдникъ этотъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а вдова его и теперь живетъ еще въ Москвѣ: она дочь знаменитаго богослова виттенбергскаго *Д. Ферстера* (D. Förslerius), который никогда не увѣщевалъ ее отпасть отъ своей вѣры (да и она не думала объ этомъ), но напротивъ того говорилъ ей, чтобы она постоянно держалась лютеранскаго вѣроисповѣданія, обѣщающаго ей вѣчное блаженство. Въ настоящее же время проповѣдникомъ у кальвинистовъ *М. Андрей Гардина* (M. Andreas Gardinus), человѣкъ ученый, родомъ изъ Шотландіи.

Изъ всего сказаннаго мною видно, что Русскіе охотно дозволяютъ лютеранамъ и кальвинистамъ отправлять свое богослуженіе какъ въ Москвѣ, такъ и другихъ городахъ своего Государства. Паписты же до сихъ поръ не пользуются ихъ благорасположеніемъ и вмѣстѣ съ религіею своею считаются у нихъ нечистыми. Въ 1627 г. французскій король Лудовикъ XIII отправилъ къ великому князю московскому посольство, во главѣ котораго стоялъ *Лудвигъ де Хаіесъ* (*Ludwig des Hayes*), для установленія свободной торговли между Франціею и Россіею; между прочимъ, онъ просилъ дозволенія выстроить въ Москвѣ католическую часовню, но получилъ прямой отказъ. Точно такую же непріязнь выказало русское правительство и предъ началомъ войны за Смоленскъ, когда въ числѣ вызванныхъ изъ-заграницы офицеровъ нашлось нѣсколько папистовъ: всѣмъ имъ, тотчасъ по прибытіи ихъ въ Москву, выдали деньги въ вознагражденіе издержекъ по проѣзду и за тѣмъ выслали ихъ изъ Россіи.

Такъ въконтрактѣ относительно торговли нашей съ Персами Русскіе строго наказали, чтобы между Голштинцами не было людей, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру, или латинскую, какъ они ее называютъ. Столь же ненавистно и презрѣнно для нихъ и самое имя папистовъ. Послѣ всего этого удивительно, какъ они въ 1610 году рѣшились избрать царемъ Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда, хотя онъ и отвергнутъ былъ ими прежде, чѣмъ успѣлъ взойти на престолъ русскій. Когда же Поляки были изгнаны изъ Москвы, то Русскіе стали еще сильнѣе ихъ ненавидѣть, вмѣстѣ съ ихъ вѣрою, особенно послѣ того, какъ они наругались надъ ихъ св. иконами.

Такая, почти врожденная ненависть Русскихъ къ папистамъ или Латинской Церкви укоренилась въ нихъ издавна; можетъ быть, она перешла къ нимъ отъ Грековъ и сообщалась наслѣдственно изъ рода въ родъ. Причисляя себя къ Греческой Церкви, Русскіе полагаютъ, что и они должны также принимать участіе въ вѣковой враждѣ между Греческою и Латинскою Церквами, возникшей между ними со времени отдѣленія одной отъ другой. Изъ исторіи Церкви можно видѣть, какимъ образомъ произошло отдѣленіе Церкви Западной отъ Восточной, до того времени составлявшихъ одно неразрывное цѣлое. Раздѣлъ этотъ произошелъ сначала изъ-за споровъ епископовъ касательно брака, а потомъ и другихъ догматовъ вѣры, въ искаженіи коихъ Греческая Церковь обвиняла Латинскую. . .

Русскіе причисляютъ себя къ Греческой Церкви, а потому смотрятъ на папистовъ одинаково съ Греками. До сихъ поръ они не терпятъ латинянъ или папистовъ и обходятся весьма хорошо съ тѣми, кто отдѣлился отъ нихъ.....

Здѣсь я оканчиваю статью мою о современномъ состояніи Россіи и ея обитателяхъ; думаю, что свѣдѣній, доставленныхъ мною объ этомъ предметѣ, будетъ довольно. Описывая Россію, я не могъ избѣжать нѣкоторыхъ подробностей, необходимо встрѣчающихся при изложеніи какого бы то ни было путешествія. Можетъ быть, на сколько я надѣюсь, эти частью новыя, частью мало извѣстныя свѣдѣнія о Россіи покажутся моимъ читателямъ достойными вниманія, а потому прошу благосклонно извинить меня за всѣ случайно представлявшіяся мнѣ отступленія.